

ΣΤΕΦΑΝΟΣ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА

СОКОЛОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ВЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ГОДОВИЩЕЬ ЕГО УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ОТЪ УЧИНИКОВЪ И СЛУШАТЕЛЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. П. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

D. Cokorob

ΣΤΕΦΑΝΟΣ
СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

ФЕДОРА ФЕДОРОВИЧА

СОКОЛОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

КЪ ТРИДЦАТИЛѢТНЕЙ ГОДОВИЦѢ ЕГО УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

ОТЪ УЧЕНИКОВЪ И СЛУШАТЕЛЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. П. Скороходова (Надеждинская, 43).

1895.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Б. А. Тураевъ, Изъ египетской миѳологіи	1
С. А. Жебелевъ, Къ исторіи образованія послѣ-клизееновскихъ фидъ (съ таблицей)	11
А. П. Щукаревъ, Κολώναιον ἔργα καὶ Ἀθηναίων πολιτεία	49
П. П. Холодникъ, Критическія замѣтки	56
Б. М. Меліоравскій, Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ Македоніи въ XIV вѣкѣ	62
М. П. Крашенинниковъ, Къ вопросу о годѣ рожденія Теренція	73
Г. Ф. Церетели, Гдѣ писано Порфирьевское Четвероевангеліе 835 года? (съ таблицей)	76
Я. П. Смирновъ, О фригійскомъ богѣ Мѣсяцѣ (съ 6 рисунками въ текстѣ)	81
Р. Х. Леперъ, Архаическая надпись изъ Аттики (съ рисункомъ въ текстѣ)	136
В. Э. Регель, О городѣ Анастасіополѣ	147
В. К. Ерштендтъ, Перемена декораціи въ «Θεσμοφορίαзусахъ» Аристофана	153
О. А. Шеборъ, Къ Горацию	167
В. В. Майковъ, Изъ Пиндара	181

Портретъ О. О. Соколова гравировать на мѣди **В. В. Матъ**, на средства князя **С. С. Абамелекъ-Лазарева**.

ИЗЪ ЕГИПЕТСКОЙ МИОЛОГИИ.

Б. Тураева.

Къ числу наиболее замѣчательныхъ явленій древне-египетской культуры относится, какъ извѣстно, тотъ интересъ, который этотъ народъ питалъ къ вопросамъ загробнаго бытія. Какъ продолжительность исторической жизни народа, при различныхъ политическихъ и соціальныхъ условіяхъ, такъ и самый характеръ этихъ вопросовъ не могли, конечно, благоприятствовать тому, чтобы попытки разрѣшить ихъ приводили всегда къ одному и тому же результату, и это не можетъ удивлять насъ—стоитъ только вспомнить, къ какимъ противорѣчивымъ и страшнымъ представленіямъ приходять въ наше христіанское время люди, не довольствующіеся Откровеніемъ и строящіе на языческой почвѣ чистилища и мытарства. Конечно, шагъ отъ покойника, пожирающаго все, что ему ни попадется на пути, питающагося тѣлами боговъ¹⁾, ревниво оберегающаго свою нищу и не дѣлящагося ею ни съ кѣмъ²⁾, до мирнаго земледѣльца, продолжающаго за гробомъ полевые работы, вполне естественъ; не можетъ быть также назвать неожиданнымъ и дальнѣйшій шагъ къ тому же земледѣльцу, но выступающему предъ нами въ видѣ ланнаго вассала бога солнца, лицезрѣніемъ котораго онъ можетъ наслаждаться въ теченіе лишь одного часа въ сутки и проводящаго остальное время въ тоскѣ и вопляхъ. Принимая въ соображеніе вліяніе политическихъ и религіозныхъ переворотовъ на эсхатологическія представленія, мы поймемъ эти фазы развитія послѣднихъ и увидимъ, что, въ общемъ, онѣ не особенно чужды другъ друга, но зато, даже безъ особенно близкаго знакомства съ предметомъ, скоро замѣтимъ, что каждая фаза имѣетъ свои частности, свои *mutanda*, которыя древніе египтяне, при своемъ консерватизмѣ, не всегда последовательно измѣняли и предпочитали комбинировать съ новымъ.

¹⁾ Пирам. Утаса, 509 сл. ²⁾ Пени I, 443.

Каждая изъ главныхъ эпохъ исторіи Египта оставила намъ памятникъ—кодексъ своихъ представленій о загробномъ мірѣ: древнее царство — тексты пирамидъ царей VI дин.; среднее и начало новаго—Книгу мертвыхъ; послѣдующій періодъ—„Книгу о преисподней“ и др.; сопоставленіе этихъ памятниковъ было бы предметомъ интересной и плодотворной задачи, по оно потребовало бы огромной затраты времени и было бы едва-ли вполне возможно, при настоящемъ состояніи науки, вследствие неудобопонятности текстовъ. Во всякомъ случаѣ, и теперь можно найти пункты, разсмотрѣніе которыхъ, возбуждая интересъ, представляетъ менѣе непреодолимыхъ трудностей, и я позволю себѣ остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

При первомъ взглядѣ на тексты пирамидъ, этотъ древнѣйшій литературно-религіозный памятникъ въ мірѣ, обнаруживающій предъ нами религіозныя представленія первобытнаго народа во всей ихъ отталкивающей наготѣ и ужасающей грубости, пельзя не быть пораженнымъ тѣмъ, какъ много мѣста удѣлено здѣсь попеченіямъ о продовольствіи и пицѣ покойника, загробное существованіе котораго оказывается нуждающимся въ поддержкѣ со стороны. Мы не особенно преувеличимъ, если скажемъ, что памятникъ вращается около этого пункта, такъ какъ рѣдкая изъ его главъ не имѣетъ къ нему отношенія ¹⁾. Прокормленіе покойника—предметъ заботы всѣхъ, начиная отъ верховнаго Ра ²⁾ и кончая гуріями ³⁾, съ которыми ему приходится встрѣчаться; для этой цѣли существуетъ даже особая коллегія духовъ и на небѣ, и на землѣ ⁴⁾. Всѣ они заботятся о томъ, чтобы онъ не имѣлъ недостатка въ привычныхъ для него яствахъ: хлѣбѣ, винѣ, пивѣ и т. п. Конечно, безъ противорѣчій здѣсь не обходится, какъ и вообще во многихъ пунктахъ текстовъ пирамидъ, возникшихъ въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ и только внѣшнимъ образомъ объединенныхъ. Въ то время, какъ въ однихъ изъ нихъ подчеркивается пропитаніе покойнаго обычной для него пиццей и даже говорится, что для него впахана земля въ „поляхъ Галу“ ⁵⁾, въ другихъ мы находимъ представленія о допущеніи его къ столу боговъ. „Вы пришли Унаса къ себѣ“, восклицаетъ одинъ такой текстъ, „туда, гдѣ онъ ѣстъ отъ вашей пицци, пьетъ отъ вашего питья, живетъ вашей жизнью, сидитъ, гдѣ вы сидите, богатъ вашимъ богатствомъ, плаваетъ, гдѣ вы плаваете... Ручьи Унаса въ поляхъ пиршествъ, яства его у васъ, боги; проходитъ Унасъ небо,

¹⁾ Интересно, что даже указательное мѣстоименіе, «то» «тѣ», очень часто употребляется просто, какъ синонимъ для слова «яства». ²⁾ Унасъ, 175 сл. (текстъ встрѣчается и при Гатшену въ Дейръ-эль-Бахри). ³⁾ Ibid., 182. ⁴⁾ Ibid., 179. ⁵⁾ Пени I. 331—Меренра, 633.

какъ Ра (солнце), обтекаетъ Унасъ небо, какъ Тотъ“ (луна)¹⁾. Такихъ мѣстъ можно бы привести нѣсколько²⁾, и невольно напрашивается предположеніе, не удостовѣлялись-ли покойники этой почести въ силу ихъ особенныхъ преимуществъ. Прежде всего, покойникъ не простой смертный, а царь—потомокъ боговъ. Уже въ силу одного этого ему несвойственно самому обрабатывать свой загробный надѣлъ: „вспахана для него земля, приготовлены для него яства; онъ сіяетъ, какъ царь; онъ благороденъ и имѣетъ престолъ“³⁾. Нѣсколько чаще и опредѣленнѣе приводится другая причина преимущественнаго положенія покойника за гробомъ—его заслуги и нравственные совершенства. Такъ, приказаніе Ра пяти геніямъ относительно продовольствія его мотивируется тѣмъ, что „Унасъ—великій быкъ, поражающій Нубію“⁴⁾; въ одномъ изъ любимыхъ текстовъ⁵⁾ встрѣчаемъ слѣдующее: „Летитъ парящій! онъ улетаетъ отъ васъ, люди; его пѣтъ на землѣ — онъ на небѣ... онъ летитъ къ небу, какъ журавль (?), касается его, какъ кобчикъ, достигаетъ его, какъ кузнечикъ... Онъ не оскорбилъ царя, не прогнѣвалъ (?) Басть, не плясалъ въ великомъ святилищѣ“. Или, нѣсколько ниже⁶⁾: „О ты, перевозчикъ оправданныхъ, Харопъ елсейскихъ полей! Онъ (покойный) найдеть праведнымъ у неба и у земли, и у острова (посащаго имя) „Плывущій достигаетъ его“ и помѣщающагося между ногами Нутъ“. Но особенно замѣчательнъ слѣдующій текстъ⁷⁾: „Идетъ онъ, чтобы созерцать отца своего Озириса. Открыть ему путь Херхебомъ, обмѣнивается онъ привѣтствіями съ обладателями Ка, идетъ онъ къ острову великому полей пиришествъ, по которому проходятъ (?) великіе боги (эти великіе боги — неразрушимыя звѣзды)⁸⁾; предоставляютъ они ему это древо жизни, отъ котораго они существуютъ, отъ котораго и вы существуете также. Ты берешь съ собой его къ твоему полю, подвластному тебѣ... (?)... ѣсть онъ отъ того, что ты ѣшь; возложи на него защиту... дай сидѣть ему ради его праведности, стоять ради его достоинства... Посади его какъ князя среди духовъ—неразрушимыхъ звѣздъ, находящихся на сѣверѣ неба, обладающихъ яствами, охраняющихъ (?) зерно, отправляющихъ яства для превосходнѣйшихъ по Ка, находящихся на небесахъ“. Какъ ни темны во многихъ отношеніяхъ этотъ текстъ, но онъ все-таки даетъ намъ цѣнное

¹⁾ Унасъ, 191, сл.—Гатшепу. ²⁾ Наир, Пени I, 693. Ibid., 81=Мерепра, 111. ³⁾ Пени I, 331=Мерепра, 633. ⁴⁾ Унасъ, 178=Гатшепу. ⁵⁾ Пени I, 163, сл. = Мер., 321=Пени II, 854, ср. E r m a n, A e g y p t. Z e i t s c h r i f t, 1893. ⁶⁾ Пени I, 400=Мер., 572, ср. ibid. ⁷⁾ Пени I, 430=Мерепра, 615. ⁸⁾ Фраза очень похожа на глоссу. О «неразрушимыхъ звѣздахъ», см. Масперо, который считаетъ ихъ обозначеніемъ пролававшихся покойниковъ. Рель ихъ въ данномъ мѣстѣ не вполне для меня ясна.

указаніе на представленіе египтянъ о существованіи въ ихъ раю дерева жизни, которое служить пищей богамъ и праведнымъ покойникамъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, несомнѣнно, съ остаткомъ древнѣйшаго представленія, которое въ послѣдующія эпохи было не вполне понятно и, будучи комбинировано съ новыми элементами, не сохранило въ цѣлости первоначальнаго смысла. Начало этого смѣщенія можно прослѣдить уже въ тѣхъ же текстахъ пирамидъ. Упоминанія о многочисленныхъ деревьяхъ въ нихъ не особенно рѣдки. Напр., Тети, 78 = Мерепра, 108: „Ты питаешься отъ пищи боговъ, отъ которой они питаются. Благовоніе Дедуна на тебѣ; юноша южный, выходящій изъ Доіопіи, совершаетъ предъ тобой каждепіе, подобающее богамъ. Зоветь тебя Ра... помѣщаетъ тебя, какъ утреннюю звѣзду, поередіи полей египетскихъ. Ты сидишь на престолѣ твоемъ; поднять твой мечъ... ты напитаешь съ полей боговъ, отъ котораго они питаются... (слѣдуетъ обычная формула полученія отъ Анубиса разныхъ яствъ—мяса, хлѣба, пива и т. д.), къ тому, что будетъ съѣдено, ты обращаешь свое сердце... служить тебѣ деревья „іаму“, преклоняютъ предъ тобой дерево „исбесъ“ свою вершину“. И здѣсь деревья еще представляются находящимися въ раю, служащими пищей богамъ и предоставленными въ распоряженіе покойника, но они уже египтизированы и подверглись обычному у этого народа процессу перенесенія на небо египетской географіи и природы. Слѣдующій шагъ въ этомъ направленіи обнаруживаетъ очень любимый и распространенный текстъ, одинъ изъ немногихъ пережившихъ эпоху пирамидъ, представляющій восклицаніе къ обитателямъ блаженныхъ полей ¹⁾: „О ликующіе, съ поднятымъ сердцемъ, очищенные (?) тѣла, вкусившіе око Гора,—оливковое дерево, пахнущее въ Пліополь!“ Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже съ эпохой пліопольской богословской школы, перенесшей и на насъ свой религіозный центръ, видимъ здѣсь также впервые наименованіе дерева окомъ Гора—обычнаго богословскаго термина для понятія всякаго блага ²⁾. Подобное же представленіе встрѣчается и въ слѣдующемъ текстѣ ³⁾: „Каплетъ (?) око Гора на вѣтви маслинны. Является Хептіемептіу и припоситъ яства [для (?)] Гора Хептъ-перу, отъ которыхъ онъ питается, отъ которыхъ и Тети питается“ и т. д. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ Унасъ сравнивается съ Горомъ, „вышедшимъ изъ аваціи“ ⁴⁾, а въ другомъ ⁵⁾ призывается богъ, пребывающій въ своемъ растеніи „пауть“. Это напоминаетъ семитическія представленія о де-

¹⁾ Унасъ, 166 = стена Нехи въ Авидѣ (XIII днн.) = Гатшепу (XVIII днн.). ²⁾ Ср. Тети, 182: «вырвалъ Горъ око свое у Сета и далъ его тебѣ; око его—пальмовое дерево». ³⁾ Тети, 78 = Унасъ, 201 = Гатшепу; ср. Тети, 331. ⁴⁾ Унасъ, 515. ⁵⁾ Тети, 331 = Гатшепу.

ревьяхъ — носителяхъ божественной силы и мѣстахъ особаго присутствія божества ¹⁾); что это представленіе было дѣйствительно свойственно древнимъ египтянамъ, убѣждаетъ насъ окончательно текстъ, гдѣ, при перечисленіи разныхъ ипстацій, которыя приходится проходить покойному, упоминается „высокая смоковница (сикомора) въ восточной части неба, на которой обитаютъ боги, благопріятствуя ему“ ²⁾ (въ другомъ текстѣ упоминаются даже двѣ смоковницы) ³⁾. Вообще, смоковница упоминается гораздо чаще другихъ деревьевъ и мало-по-малу вытѣснила ихъ. Будучи деревомъ наиболѣе распространеннымъ въ Египтѣ и наиболѣе благодѣтельнымъ для жителей, доставляя сладкіе плоды, достаточные въ томъ климатѣ для пропитанія бѣдныхъ людей и пегниющее крѣпкое дерево, употреблявшееся охотно для саркофаговъ, она, какъ нельзя болѣе, годилась для роли райскаго дерева, тѣмъ болѣе, что ея вѣчно „изумрудный“ радостный видъ и густолиственность въ значительной степени содѣйствовали этому. Въ текстахъ пирамидъ можно найти неоднократныя упоминанія о ней; къ сожалѣнію, мѣста, въ которыхъ они попадаются, не на столько ясны, чтобы ихъ можно было переводить и на нихъ можно было ссылаться ⁴⁾; замѣтимъ только, что въ пирамидѣ Унаса ⁵⁾ есть мѣсто, гдѣ смоковница упоминается въ связи съ пропитаніемъ покойнаго и стоитъ въ параллелизмѣ съ словомъ „хетъ“ — дерево, т.-е. какъ бы является деревомъ по преимуществу.

Последующая эпоха египетской религіи, въ отношеніи къ нашему вопросу, можетъ быть названа эпохой смоковницы. Богословскій кодексъ этого періода — „Книга мертвыхъ“ унаслѣдовалъ отъ древняго оба понятія, соединенныя съ деревомъ жизни — пропитанія покойниковъ и мѣстопребыванія боговъ. Что касается послѣдняго, то его мы встрѣчаемъ въ главѣ 109 ⁶⁾, озаглавленной: „Глава о знаніи восточныхъ духовъ“. При перечисленіи предметовъ, находящихся на восточной сторонѣ преисподней, покойный послѣ упоминанія о „восточной горѣ“, восклицаетъ: „знаю я тѣ двѣ изумрудныя смоковницы, чрезъ которыя выходитъ Ра“ ⁷⁾. Итакъ, и здѣсь смоковницы стоятъ на восточной сторонѣ неба и здѣсь боги не мнутъ ихъ.

Въ позднихъ редакціяхъ говорится объ одной смоковницѣ, на ри-

¹⁾ Чтобы не распространяться объ этомъ предметѣ, позволю себѣ указать на общіе труды по семитическимъ религіямъ, напр., *В a u d i s s i n Studien II*, Kuenen I, ср. *P i e t e s e h m a n n — Gesch. d. Phöniz.* 213. ²⁾ *Peni I*, 174. ³⁾ *Ibid.*, 616 сл. ⁴⁾ Напр., *Тегн*, 333, гдѣ призывается «отверзающій цветы (?) на своей смоковницѣ и блестящій струями (?) на своей пальмѣ». ⁵⁾ 551. ⁶⁾ Подробнѣе 149, 7 — 8. ⁷⁾ О прохожденіи Ра чрезъ дерево ср. *W i l k i n s o n*, III, 350 — изображеніе змѣи, съ солнечнымъ дискомъ на головѣ, выходящей изъ-подъ дерева.

супкѣ, однако, удержаны обѣ. Что касается представленія о райскомъ дровѣ — источникѣ жизни, то эпоха „Книги мертвыхъ“ подвергла его интересному измѣненію. Рай этого періода сталъ терять свой веселый характеръ; представленія о немъ сдѣлались значительно трезвѣе: покойникъ является земледѣльцемъ-труженикомъ, работа котораго увеличивается усиѣхомъ и который получаетъ содѣйствіе со стороны данныхъ ему на подмогу статуэтокъ „ушебти“. Что же касается царей, то имъ нобѣдоносная религія ихъ отца-солнца готовила другую, еще болѣе завидную участь—вѣчное пребываніе въ кораблѣ бога Ра и возможность постоянно наслаждаться его свѣтомъ. Но дерево жизни было, какъ извѣстно, и пицей боговъ: повый Египетъ очень неохотно говоритъ объ этомъ предметѣ; мы напрасно будемъ искать въ египетскихъ текстахъ чего-либо въ родѣ амвросіи и нектара; въ большинствѣ случаевъ они довольствуются общимъ веѣмъ народамъ грубымъ представленіемъ о богахъ, питающихся жертвенными дарами¹⁾ или, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаютъ колоссальный шагъ, увѣряя, что они „живутъ правдой“²⁾; что, несомнѣнно, и было вѣрованіемъ образованнаго класса этого періода. Что касается „Книги о преподней“ — памятника слѣдующаго періода, то въ пей для райскаго древа уже прямо не было мѣста—его замѣняетъ самъ солнечный богъ, распространяющій жизнь и отраду своимъ появленіемъ и составляющій центръ, къ которому обращены все взоры. Между тѣмъ, египтянинъ не любилъ вполне забывать своихъ древнихъ представленій, особенно такихъ, которыя такъ сжились съ его природой и дѣлали для него небо болѣе уютнымъ; и мы, дѣйствительно, въ 59 главѣ „Книги мертвыхъ“ находимъ изображеніе смоквницы, въ вѣтвяхъ которой сидитъ богиня съ сосудомъ воды и поднесомъ яствъ въ простертыхъ рукахъ. Вода струится на руки стоящаго внизу въ умоляющей позѣ покойника и ее пьетъ дуна его, изображенная въ видѣ птицы. Богиней является, болѣею частью, Нутъ, иногда Гаторъ или Изид, причемъ перѣдко вмѣсто нихъ изображены только простертая пѣ-за вѣтвей руки. Часто, особенно въ позднѣйшее время стволъ дерева представляетъ пѣ-за вѣтвей богини, отъ котораго расходятся во все стороны вѣтви. Изображенія эти встрѣчаются во все послѣдующіе періоды исторіи Египта до самаго господства христіанства и, притомъ, не только въ „Книгѣ мертвыхъ“, но и въ другихъ папирусахъ; особенно же любили ихъ помѣщать на надгробныхъ стѣлахъ, причемъ, однако, почти никогда не сопровождали по-

¹⁾ Напр., еще въ извѣстной надписи сатрала Птолемея упоминается богъ Герабшетъ, «живущій кровью» (15 ст.).²⁾ Булакевскій (17) гимнъ Аммону.

яснительной надписью, ограничивался, самое большое, именемъ сидящей богини. Текстъ 59 главы „Книги мертвыхъ“ гласитъ: „о смоковница богини Нутъ! дай мнѣ воды и дуновенія, которое у тебя“. Одна луврская ваза сообщаетъ отвѣтъ богини на это воззваніе ¹⁾: „Прими возліяніе моихъ обѣихъ рукъ! Я—мать твоя; я несу тебѣ вазы съ обиліемъ воды, чтобы освѣжить твое сердце; вдохни дуновеніе, исходящее отъ меня, да живетъ этимъ твоя плоть. Я даю воду всякому покойнику, я даю дыханіе бездыханнымъ. . Я съ тобою и соединяю съ тобой твою душу, такъ что она никогда не разлучится съ тобою“.

Подобнымъ же образомъ въ 152 главѣ „Книги мертвыхъ“ призывается смоковница, владычица яствъ Озириса:

„О смоковница Нутъ, освѣжающая вожди западныхъ ²⁾. Возложи руки твои на члены его, защити его отъ зноя, дай прохладу Озирису (нмя река) подъ тѣнью, дающей дуновеніе сѣвернаго вѣтра для того, чье сердце не бѣтаетъ въ его вѣчной обители“.

Итакъ, въ капопической книгѣ дерево названо „смоковницей Нутъ“; очевидно, другія богини замѣшались сюда вполнѣдствіи путемъ характеристичнаго для этой эпохи религіознаго синкретизма и сопоставленія ³⁾. Роль богини съ ея деревомъ, какъ видно изъ луврскаго текста—воскрешать покойниковъ, соединяя тѣло съ душой, и подкрѣплять ихъ. Если мы снова обратимся къ древности пирамидъ, то здѣсь мы сразу замѣтимъ, что Нутъ принадлежала большая роль въ загробной Одиссеѣ покойника. Уже въ самой первой стихирѣ ⁴⁾, служащей введеніемъ, мы встрѣчаемся съ нею. Послѣ того, какъ съ покойникомъ соединились всѣ составныя части его организаціи и онъ сдѣлался новымъ Озирисомъ, послѣ того, какъ его призвали и ему поклонились его сестры Изиды и Нефтиды, онъ проходитъ по владѣніямъ бога Сіу ⁵⁾ предъ „своею матерью Нутъ“ ⁶⁾. Далѣе текстъ продолжаетъ: „она беретъ

¹⁾ Считаю долгомъ замѣтить, что переводъ оставлю на ответственности Лепажь-Репуфа, помѣстившаго его въ *«T h a s a e t i o n s»*, VIII, но не сообщившаго, гдѣ найти текстъ.

²⁾ Хептэментіу—богъ, сопоставленный съ Озирисомъ; «вождь западныхъ» — начальникъ покойниковъ. ³⁾ Впрочемъ, въ одной главѣ упоминается «смоковница владычицы Гаторъ». Но этотъ текстъ сохранился, по странной случайности, въ позднѣйшей редакціи, когда культъ этой богини былъ особенно распространенъ и, притомъ, по отношенію къ загробному міру. Этотъ текстъ (гл. 52 по изд. Менсіуса) интересенъ и потому, что заключаетъ въ себѣ древнѣйшія представленія о позорной нищѣ грѣшниковъ, о которой мы читаемъ еще въ пирамидѣ Унаса 286 сл. Да и смоковница является здѣсь на своемъ настоящемъ мѣстѣ, какъ замѣна этой позорной нищѣ и завидный удѣлъ праведныхъ. Къ сожалѣнію, текстъ, въ виду его крайней непорченности труденъ для пониманія. Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ частямъ «Книги мертвыхъ» и представляетъ первую фазу этой интересной комбинаціи; замѣтимъ также, что богиня въ немъ дѣйствуетъ не самостоятельно, а ея помощь испрашивается покойнымъ у боговъ. ⁴⁾ Пери I, 1 - 21.—Мегерра, 1 - 23. ⁵⁾ Вполнѣдствіи сопоставленъ съ Тотомъ. ⁶⁾ Ср. луврскій текстъ.

твою руку и дастъ тебѣ путь къ твоему горизонту, къ мѣсту, гдѣ находится Ра; отверсты для тебя врата неба, открыты для тебя двери „Прохлаждепія“; ты находишь Ра стоящимъ... Онъ беретъ твою руку, ведетъ тебя въ „двѣ часовни“ и сажитъ тебя на престолѣ Озириса“. Итакъ, уже отсюда видна поередствующая роль Нутъ: какъ мать Озириса, она должна была принять попеченіе о своемъ сынѣ, оставшемся безпомощнымъ. Нѣсколько ниже ¹⁾ приводится цѣлый гимнъ богинѣ, въ которомъ, не смотря на трудную для пониманія игру словъ эпитетами ея, можно видѣть молитву о томъ, чтобы Нутъ „великая соединительница“ собрала составныя части новаго Озириса, превратила его въ звѣзду и не допускала удалиться отъ себя. Еще яснѣе видна роль Нутъ изъ другого текста ²⁾, въ которомъ описывается, какъ богиня, послѣ того, какъ для покойнаго открылись врата неба, кормитъ его грудью, поднимаетъ на небо и ставитъ предъ „двумя часовнями“; отсюда онъ спускается на корабль и начиняетъ свою загробную Одиссею къ египетскимъ полямъ. Въ томъ, что мать Озириса и, къ тому же богиня неба—покровительница невѣдомаго міра, по которому приходится блуждать покойнику до назначенныхъ для него острововъ блаженства, помѣщавшихся на звѣздахъ сѣверной части неба, приняла на себя роль облегчать своему сыну первые шаги въ этомъ мірѣ, нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго, но не можетъ не броситься въ глаза, что благотѣльная помощь богини всегда проявляется непосредственно, тогда какъ въ „Книгѣ мертвыхъ“ она связана съ смоковницей. И думаю, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ интереснымъ примѣромъ попытокъ согласить представленія, унаслѣдованныя отъ глубокой, обще-семитической, азіатской древности съ выработаннымися на египетской почвѣ. Въ раю не оказалось мѣста для древа жизни; его помѣстили у входа въ рай. Покойникъ, появившійся въ новыя условія и видящій предъ собою длинный и трудный путь, встрѣчаетъ на первыхъ своихъ шагахъ благотѣльное древо съ сидящей на немъ своей матерью. Онъ отдыхаетъ подъ ея тѣнью, освѣщается дуновеніемъ и вкушаетъ отъ небесной пищи, которая заставляетъ его разорвать съ земнымъ и превращаетъ въ подданнаго боговъ. По мнѣнію Масперо ³⁾, этому представленію содѣйствовала также природа Египта. Отъ Дашура до Гизе, на границѣ съ пустыней, тянется рядъ смоковницъ, давнишнхъ этой мѣстности имя „округа сикоморъ“, а богинѣ Гаторъ въ Мемфисѣ — владычицы южной смоковницы. Будучи расположены у самаго входа въ бесплод-

¹⁾ Пени 1, 61—65. Мер., 82—88. ²⁾ Пени 1, 601 сл. ³⁾ La mythologie égyptienne въ «Bibliothèque Egyptologique», II, p. 224 сл.

ную область, вдали отъ Нила и, тѣмъ не менѣе, отличался пышной зеленью, эти смоковницы пезольно поражали религіозно-настроеннаго египтянина и заставляли его видѣть въ нихъ особенное присутствіе божественной силы, а то обстоятельство, что онѣ произрастали на границѣ западной пустыни, могло въ значительной степени содѣйствовать соединенію съ ними представленія о Нутъ, облегчающей первые шаги покойнику, отправляющемуся въ западое Аменн. Правдоподобность этого мифа, конечно, трудно оспаривать, тѣмъ болѣе, что Масперо подкрѣпляетъ его ссылками на культъ этихъ смоковницъ со стороны современныхъ египтянъ-мусульманъ и на слѣды подобнаго же культа у ихъ древнихъ предковъ. Во всякомъ случаѣ и здѣсь мы имѣемъ примѣръ примѣненія эсхатологическихъ представленій къ природѣ страны и попытки соплашенія древнѣйшихъ религіозныхъ воззрѣній съ повѣявшими. Слѣдуетъ замѣтить, что Нутъ съ ея смоковницей принадлежитъ къ предметамъ, наиболѣе популярнымъ въ Египтѣ, и что она даже, кажется, пережила самоѣ себя. Но крайней мѣрѣ, въ одномъ заупокойномъ пашпрусѣ изъ греко-римскаго періода, изданномъ Видманомъ¹⁾, изображеніе это является иллюстраціей къ совершенно несоотвѣтствующему тексту, озаглавленному: „Глава о питіи воды въ преисподней“. Покойникъ жалуется на то, что вода въ подземномъ царствѣ—пламя, не утоляющее жажды, и проситъ боговъ обратить на это вниманіе и напоить его, но о богинѣ Нутъ—ни слова. Вѣроятно, и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ новыми дальнѣйшими приспособленіями и съ новой фазой въ развитіи представленій о загробной жизни—вспомнимъ только, какую роль играетъ адское пламя въ коптской апокрифической литературѣ—, но вопросъ этотъ требуетъ еще дальнѣйшаго изслѣдованія.

Остается замѣтить, что, помимо „Книги мертвыхъ“ и загробнаго міра, египтянамъ вообще были не чужды вѣрованія о деревьяхъ, какъ посителяхъ божественной силы. Если они представляли себѣ птицу Феникесъ—душу Осириса, сидящей на тамарискѣ, осѣняющемъ саркофагъ этого бога²⁾, Гора-кобчика—на персеѣ³⁾ и Тот-ибиса „въ тѣни кустарника“⁴⁾, то это еще мало доказываетъ, такъ какъ птицу всего естественнѣе представлять сидящей на деревѣ; важнѣе представленіе о Венуатѣ, „вышедшемъ изъ дерева Исертъ“⁵⁾, о змѣѣ съ (рогами) солнечнымъ дискомъ на головѣ, выползающей изъ-подъ ствола тамариска, осѣняющаго саркофагъ и чествуемаго возліаніями со стороны

1) Hieratische Texte aus Berlin und Paris, t. II. 2) Wilkinson III, 319. Erman, Aegypten II, 368. Ср., впрочемъ, Plut. de Iside et Osiri de 20. 3) Naville, Mythe d'Horus 20. 4) Мерепра 783. 5) Унасъ 186.

жрецовъ Озириса ¹⁾ (изображеніе, относящееся къ мистеріямъ Озириса въ Филѣ), и ми. др.

Въ заключеніе замѣчу, что выраженіе „древо жизни“ встрѣчается не особенно рѣдко и въ новой египетской литературѣ, но здѣсь настоящее значеніе его, кажется, было совершенно забыто. Если самый предметъ изъ центра рая былъ перенесенъ на начало пути къ нему, то названіе его было сведено съ неба на землю. Въ гимнахъ въ честь солнечныхъ боговъ оно употребляется для обозначенія деревьевъ, служащихъ пищей людямъ на землѣ. Такъ, въ извѣстномъ Булакскомъ гимнѣ Аммону ²⁾ богъ называется „создающимъ траву скотамъ и древо жизни на пищу человѣкамъ“. Берлинскіе гимны времени Такелота говорятъ о богѣ Ра, что „изъ его усть выходятъ рѣки и зелениетъ древо жизни“ ³⁾ и далѣе, что онъ „зеленитъ древо жизни, производитъ приносимые имъ плоды“ ⁴⁾. Въ другихъ текстахъ Пилъ названъ „простирающимъ поля съ древомъ жизни“ ⁵⁾, а Озирисъ, производящимъ сѣверный вѣтеръ, наводненіе и деревья жизни. Многія подобныя мѣста были извѣстны уже давно, и переводъ ихъ ставилъ въ нѣкоторое затрудненіе, такъ какъ буквальный не годился для обозначенія обыкновенныхъ земныхъ деревьевъ. Теперь знакомство съ текстами пирамидъ разрѣшило недоумѣніе, подобно тому, какъ оно объяснило уже не мало другихъ темныхъ вопросовъ въ разныхъ областяхъ египтологіи. Въ грамматикѣ и словарѣ оно доказало большую, чѣмъ думали, связь Египта съ семитической Азіей; въ нашемъ вопросѣ мы могли видѣть, что такая же связь существуетъ и въ религіозномъ отношеніи, и что египтяне и здѣсь пошли своимъ путемъ, который значительно видоизмѣнили, но не изгладили первоначальныхъ представленій.

¹⁾ Wilkinson III, 359. ²⁾ Pap. Bouq. 17, 6, 3. ³⁾ L. D. VI, 118, 39. ⁴⁾ Ibid., 119, 53, ср. Leemans, Papyri I, 317, 7-9. ⁵⁾ Dümichen, Hist. Inschr. II, 53. Temp. Inschr. 81.

КЪ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНІЯ ПОСЛѢ-КЛИСѢЕНОВСКИХЪ ФИЛЪ.

С. Жебелева.

Недавнія изслѣдованія Р. Х. Лёнера и Мильхгёфера, посвященныя аттическому димовѣдѣнію, выяснили многіе вопросы касательно территоріальнаго строя древней Атики. Результаты этихъ изслѣдованій имѣють въ виду, главнымъ образомъ, устройство клисѣеновскихъ филъ. Миѣ казалось не излишнимъ пересмотрѣть, на основаніи имѣющагося, въ настоящее время, матеріала, вопросъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя, съ теченіемъ времени, перенесло клисѣеново устройство. Пересмотръ этого вопроса можетъ быть названъ, своевременнымъ, отчасти, потому, что изслѣдованіе Диттенбергера „*Untersuchungen über die nach Kleisthenes neu errichteten Phylen*“, имѣвшее въ виду составъ филъ Птолемаиды, Атталиды и Адрианиды, появилось двадцать лѣтъ тому назадъ, когда еще не было полнаго свода аттическихъ надписей¹⁾; отчасти, потому, что результаты, добытые Кирхнеромъ въ его недавней статьѣ: „*Die Zusammensetzung der Phylen Antigonis und Demetrias*“ не могутъ считаться безусловно правильными²⁾.

Извѣстно, что къ десяти клисѣеновскимъ филамъ были прибавлены въ 30^{7/6} году дѣѣ новыя, Антигониды и Димитриады. Онѣ заняли два первыхъ мѣста въ оффиціальному порядкѣ расположенія аттическихъ филъ и продолжали существовать до конца III вѣка, такъ что, одно время, число филъ, наряду съ вповь образованною Птолемаидою, дошло до тринадцати³⁾. Для македонскихъ филъ не было образовано ни одного новаго дима. Аѳиняне ограничились перенесеніемъ

¹⁾ Hermes IX (1875), p. 385 сл.

²⁾ Rhein. Museum für Philologie XLVII (1892), p. 550 сл. Ср. отзывъ о работѣ Кирхнера Р. Х. Лёнера въ *Atth. Mitt.* XVII (1892), p. 407³.

³⁾ Подробности у В. А. Шеффера, *Аѳинское гражданство и народное собраніе*, Москва, 1891, стр. 110 сл.

въ новыя филоны нѣкоторыхъ димовъ, принадлежавшихъ прежде старымъ филамъ.

Сопоставляю тѣ непогоочисленные документы, въ которыхъ упоминаются тѣ или другіе димы македонскихъ филовъ (цифра въ скобкахъ указываетъ, какъ здѣсь, такъ и ниже, на число представителей дима).

Ath. Mitt. IV (1879), p. 324, эфивическій списокъ 30⁵/₄ г. (списокъ очень поврежденъ; выписано то, что сохранилось въ столбцахъ, занятыхъ македонскими филами):

[Ἀντιγονίδος]	[Δημητρίαιδος]
[Παιανειῆς] (3)	Ξυπε(ταίων) (1).
[Γαργύτιοι] (2).	

CIA II 324, эфивическій списокъ года Полиевкта архонта (ок. 277, ср. А. И. Щукаревъ, Исслѣдованія въ области каталога аонскихъ архонтовъ III в. до Р. X., Сиб., 1889, стр. 155 сл.):

[Ἀντιγονίδος]	[Δημητρίαιδος]
Γαργύτιοι (2)	Ἐξ Κ[ο]ιλ[η]ς (2)
Α[μ]περ[ε]ῖς (1)	Κοιλ[ω]ν[ί]δ(ης) (1)
	Ξυπε[τα]ί[ων] (1)
	Ἰπποστ[ο]μ[α]δ[ί]δ(ης) (2).

CIA II 316, эфивическій списокъ года Менекла архонта (современникъ Хремонидовской войны, ср. А. И. Щукаревъ, ук. соч., стр. 168):

[Ἀντιγονίδος]	[Δημητρίαιδος]
Ἀθηαίδα (1) (ср. CIA II 336)	Μελιτεῖς (1)
Βίτεια (1)	[ἔ]ξ Κοιλ[η]ς (1)
Κοδαθηναεῖς (1).	

CIA II 335, почетное постановление въ честь ситоновъ (по Кёлеру titulus... ad tempora belli Chremonidei... referendus):

Ἀντιγονίδος	Δημητρίαιδος
Αμπερ[ε]ῖς	[Μελιτε]ῖς, ср. CIA II 335.

Ἀθήναιον VI, p. 271 сл. = Δελт. ἀρχαιολ. 1892, p. 55, почетное постановление въ честь Тимосена, года Плидора архонта (по Моллигу, Δελт. ἀρχαιολ. 1892, p. 55—незадолго до 219 г.; но это невѣрно: документъ несомнѣнно изъ эпохи существованія 12-ти, а не 13-ти филовъ, слѣдовательно, до 225 г. о чемъ см. ниже).

Заголовокъ: Ἐπὶ Πλειστόφορον ἀρχοντος ἐπὶ τῆς Πανδιονίδος ὑπόθεσις πρωτανείας, ἧς Χαρίτας Καλλίου Ἀθμονεῖς ἐγγραμμ[ά]τε[ρον], δήμου ψήφισματα Ἀποκροτηριῶνος ἔβλην καὶ νέμει, ἐνάτει καὶ εἰκοστῇ τῆς πρωτανείας ἐκκλησίᾳ τῶν

προέδρων ἐπεψήφισεν Ἀγρό[θ]ισ[ος] Φιλολ[έ]νου Ἀγρολ[ί]θεν (I)¹⁾ καὶ |σ|υνπρόεδροι· Δαμπ[ρ]ιάς |Θ|οραεός (II), Ἴερων Ἀ[ν]αγ[ρ]άσιος (III), Καλλιμήδης Κυδαντίδης (IV), Νικο[χ]λείδης Φρεάριος (VI), Διοκλ[η]ς Πρω[σ]π[ά]λιος (VII), Ἀπο[λλ]όδοτος Ὀθ[ι]θεν (VIII), Καλλίστρατος Σοπαλ[ί]τιος (IX), Λεω[ν]ίδης Κόπρειος (X), Σωφάνης Τριχορύσιος (XI), Παλληνηός (XII), etc.

Полученные на основаніи этихъ документовъ димы выписываю въ алфавитномъ порядкѣ:

1) Ἀγρολή, димъ Антигониды. Изъ вышеприведеннаго списка проэдровъ года архонта Иліодора, видно, что димы Ἀγρολή и Θοραί принадлежали македонскимъ филамъ: въ этомъ списокѣ проэдры поименованы въ официальномъ порядкѣ расположенія аттическихъ филъ. Такъ какъ димъ Θοραί долженъ быть относимъ къ Димитриадѣ (см. ниже), то, следовательно, Ἀγρολή отнесена была къ Антигонидѣ. Но Антигонидѣ принадлежала только одна изъ Агрилъ, верхняя или нижняя; другая оставалась въ прежней своей филѣ Эрехоидѣ: ср. CIA II 338, гдѣ въ списокѣ эфивовъ Эрехоиды назвавъ . . . [Φ]ιλ[ά]ν[θ]ω? Ἀγρολ[ί]θεν.

2) Λιθαλίδα, димъ Антигониды. Въ эпоху 10-ти филъ Эфалиды — димъ Леонтиды²⁾. Послѣ уничтоженія македонскихъ филъ, Λιθαλίδα возвращены въ прежнюю филу: CIA II 446, 46. 470 и пр.

3) Γαργητσός, димъ Антигониды, принадлежавшій прежде Эгиндѣ и послѣ 200 г. отнесеній къ ней же, ср. CIA II 465. 467. 470 и пр.

4) Εἰτεά, димъ Антигониды. Димъ Εἰτεά встрѣчается въ двухъ клисоновыхъ филлахъ: Агамантидѣ и Антиохидѣ. Какая изъ этихъ филъ отдала Итею въ Антигониду?

Исследователи аттическихъ димовъ обходятъ важный и интересный вопросъ — касательно *исторіи* возникновенія аттическихъ димовъ. Правда, данныхъ для рѣшенія этого вопроса не много, но и изъ скудныхъ указаній можно было, казалось бы, что-нибудь извлечь. Мы не знаемъ, сколько димовъ было во время Клисона³⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что „возрастаніе числа димовъ шло постепенно

¹⁾ Римскою цифрою въ скобкахъ, какъ здѣсь, такъ и далѣе, указавъ официальный порядкъ расположенія филъ, бывшій въ то или другое время.

²⁾ К и р х и е р ь, ук. ст., стр. 550 замѣчаетъ относительно дима Λιθαλίδα: während derselben Zeit (III v.)—der Leontis angehörig. Это неосновательно. Кирхнеръ указываетъ на надпись CIA II 1291 (года Никія Отримейца), гдѣ сказано: ὁ δῆμος ἐ[χ]ρορήγει, Νίκιας ἡγεῖ· ἀγωνοθέτης Γλαύκ[ω]ν[ν] Ε[τ]ε[σ]οκλ[η]σιος Λιθαλίδης· Λεωντίς [ἀν]δρῶν ἐνία и т. д. Надпись ни мало не доказываетъ, что агонотеъ былъ изъ Леонтиды: со времени Димитрія Фалерскаго агонотеы были представителями не отдѣльныхъ филъ, а цѣлаго народа, ср. II. В. Н и к и т и ч ь, Къ исторіи аонискихъ драматическихъ состязаній, Спб., 1882, стр. 76.

³⁾ Ср. Р. X. Л ѣ н е р ь, Ж. М. Н. II. 1891, ноябрь, стр. 63 сл., декабрь, стр. 68.

и было результатомъ естественныхъ причинъ“¹⁾). Не время и не мѣсто заниматься здѣсь этимъ дѣломъ. Въ частности, относительно интересующаго насъ, въ данномъ случаѣ, дима Итея дѣло обстоитъ такъ: существованіе Итея въ Антиохидѣ несомнѣнно засвидѣтельствовано надписями IV в.: CIA II 869. 944. Была-ли Итея въ Акамантидѣ уже въ IV в., неизвестно (до насъ не дошло ни одного списка притановъ Акамантиды за IV в., ср. Loerig, Ath. Mitt. XVII, p. 400; въ списокѣ діэтитовъ 32⁵/₄ г., CIA II 943, въ числѣ димовъ Акамантиды Итея не встрѣчается, но въ этомъ списокѣ поименованы далеко не все димы каждой филы). Что Итея Акамантиды существовала во второй половинѣ III вѣка (или вообще въ III в.), это несомнѣнно. Въ списокѣ архонтовъ CIA II 859, къ которому мнѣ часто еще придется обращаться, подъ 6-мъ годомъ (первый архонтъ Антифилъ, котораго я отношу къ 224 г.) поименованы архонты изъ слѣдующихъ димовъ:

Первый архонтъ:	Ἀφιδύ(αῖος) (VII Птолемида)
Царь:	Ἰπποτομαδῆς (II)
Полемархъ:	Ἐἰτε(αῖος) (?)
Θεσμοεῖς:	Γαργῆτι(ος) (I)
	Περγασ(ῆ)ς (III)
	Ἀθμονε(ός) (X)
	Κῆτι(ος) (VI)
	Π[αία(νεός)] (V)

Мы знаемъ, что въ IV в. каждая фила давала по одному архонту²⁾. Итъ основанія предполагать, что впоследствии порядокъ этотъ измѣнился, хотя въ очень немногихъ случаяхъ (см. ниже) и есть нарушенія его. Если допустить, что въ нашемъ списокѣ полемархъ Итеецъ принадлежалъ Антигонидѣ, то выходитъ, что эта фила дала два представителя въ коллегію архонтовъ: первый ѳесмоеѣтъ, Гаргитіецъ, несомнѣнно, происходитъ изъ Антигониды. Итъ проце пред-

¹⁾ В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 399. На стр. 396 авторъ замѣчаетъ: «мотивы для такой мѣры (увеличеніе числа димовъ), конечно, могли быть самые разнообразные, но если мы не ошибемся, главнымъ стимуломъ при этомъ была сильно развитой эллинической партикуляризмъ: самая маленькая община стремилась къ самостоятельности, по крайней мѣрѣ, въ муниципальной автономіи». Но и помимо «партикуляризма», постепенный приростъ населенія могъ служить главнымъ поводомъ къ образованію новыхъ димовъ.

²⁾ Aristot. Πολιτ. Αθην. 55 Blass: [ἄν] δι' ἀλλοροδοσίαν θεσμοθέτας μὲν εἶς καὶ γραμματεῖς τοὺς αἰ, εἶς δ' ἄρχοντας καὶ βραδῆα καὶ πολέμαρχον, κατὰ μέρος εἶς ἐκάστης <τῆς> φυλῆς. Ср. В. Махлаковъ, Избраніе жребіемъ въ аонискомъ государствѣ («Исследования по греческой исторіи»). Москва, 1894, стр. 31 сл. и замѣтку Ѳ. Р. Мищенко въ Ж. М. Н. Н. 1895, январь, стр. 16 сл., отд. класс. филы.

положить, что въ годъ нашего списка существовали уже двѣ Итея. Спрашивается, которая изъ этихъ двухъ филъ отдала въ 30⁷/₆ г. свой димъ въ Антигониду? Оставаясь на почвѣ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, скорѣе можно считать, что Итея Антигониды взята была изъ Антиохиды; существованіе Итея Акамантиды въ IV в. (или ранѣе) станетъ несомнѣннымъ только тогда, когда этому будетъ найдено документальное подтвержденіе ¹⁾. Но очень можетъ быть, что Итея Акамантиды создается только въ III в., въ связи съ учрежденіемъ новыхъ филъ и съ перетасовкою аттическихъ димовъ ²⁾.

Что касается Итея Антигониды, то, за уничтоженіемъ македонскихъ филъ, мы находимъ ее опять въ Антиохидѣ: CIA II 465. 467. III 1093. 1160.

5) *Θοραί*, димъ Димитриады, какъ показали и Курхнеръ (ук. ст., стр. 552). Въ эпоху 10-ти филъ димъ *Θοραί* принадлежалъ Антиохидѣ, куда отошелъ и послѣ уничтоженія македонскихъ филъ: CIA II 469 470. 481. III 1120. 1163.

6) *Ἰπποτομάδα*, димъ Димитриады, взятъ изъ Иниды, гдѣ находился и послѣ 200 г.: CIA III 1124, ср. 1042.

7) *Κοθωζίδα*, димъ Димитриады, изъ Иниды, гдѣ мы его видимъ и послѣ 200 г.: CIA II 467. 469. III 1114.

8) *Κοίλη*, димъ Димитриады. Какъ въ IV в., такъ и послѣ 200 г. мы встрѣчаемъ его въ Ипшооптидѣ: CIA II 465. 467. 469. 470. III 1092. 1133. 1142. 1160.

9) *Κοδωνίταιον*, димъ Антигониды, взятъ изъ Пацдіониды, въ ней же и послѣ 200 г.: CIA II 465. 469. 470 и пр.

10) *Ααρπτραί*, димъ Антигониды. Въ эпоху 10-ти филъ Ламитры принадлежали Эрехоидѣ и дѣлились на „верхнія“ и „нижнія“. Одинъ изъ нихъ и перешелъ въ Антигониду, другой же оставался въ III в. въ Эрехоидѣ: въ CIA II 324, въ числѣ эфривовъ Эрехоиды значится: *Ἀυδροκλήτης Νεοκλέου Ααρπτραίης*. По уничтоженіи Антигониды, обѣ *Ααρπτραί* возвращены Эрехоидѣ: CIA II 991, ср. 465. 467 и пр.

¹⁾ Во время составленія списка димовъ CIA II 991 Итея Акамантиды существуетъ несомнѣнно, такъ какъ она названа въ числѣ димовъ этой филы. Для II в. принадлежность Итея Акамантидѣ засвидѣтельствована CIA II 956. 957. 470, для I в. — CIA II 481. Въ надписяхъ императорской эпохи упоминанія объ Итеѣ Акамантиды не встрѣчаются; при образованіи Адрианиды Итея изъ Акамантиды перешла въ новую филу.

²⁾ Ср. Milchhoefer, *Ath. Mitt.* XVIII (1893), p. 232. Замѣчаніе Диттенбергера, *Hermes* IX, p. 394, что «die Auflösung dieser Phylen (Ant. и Дим.) scheint dann Veranlassung zur Theilung des Demos gewesen zu sein, indem ein Theil derselben seinem alten Stammverbande zurückgegeben, ein anderer, und zwar wie es scheint der zahlreichere, in die Akamantis versetzt würde» терять свое значеніе послѣ того, что сказано объ одноименныхъ димахъ Р. X. Денеромъ. *Ath. Mitt.* XVII, 323 ст.

11) Μελίτη, димъ Димитріады. Взятый въ Димитріаду изъ Кекропиды, димъ этотъ, по уничтоженіи македонскихъ филъ, отошелъ въ прежнюю филу (СИА II 465. 469. 470. 481. 482) и оставался въ ней въ императорскую эпоху, будучи однимъ изъ населеннѣйшихъ димовъ Аттики.

12) Ξυκετή, димъ Димитріады, изъ Кекропиды. Послѣ 200 г. принадлежалъ ей же: СИА II 467. 469. 470; вѣроятно, въ ней оставался и въ вѣкъ имперіи, хотя нѣтъ надписей, доподлинно свидѣтельствующихъ объ этомъ; вообще мало попадается аонингъ изъ этого малонаселеннаго, очевидно, дима.

13) Παιωνία, димъ Антигониды, взятъ изъ Пандіониды. Въ IV в. были двѣ Пеаніи: верхняя и нижняя. Опять-таки, только одна изъ нихъ принадлежала Антигонидѣ, а другая оставалась въ Пандіонидѣ, ср. СИА II 330. 335. 338. Послѣ 200 г. Παιωνία упоминается опять въ Пандіонидѣ: СИА 465. 467. 469 и пр.

14) Къ Димитріадѣ надо отнести димъ Ἀγροῦς, на основаніи свидѣтельства Стефана Византійскаго: Ἀγροῦς· δῆμος ἐν τῇ Ἀττικῇ τῆς Δημητριάδος φιλῆς. Τινὲς δὲ τῆς Ἀχαρντιδος γι. ὡς Φρόνιχος. τῆς Ἀτταλίδος ¹⁾. Такъ какъ данныя Стефана Византійскаго касательно аттическихъ димовъ, въ большинствѣ случаевъ, подтверждаются надписями, то можемъ-ли мы отвергать его показаніе касательно принадлежности Агнупта Димитріадѣ? Такъ поступилъ въ свое время Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 410). Это показаніе Стефана „ganz vereinzelt dasteht und jedenfalls aus einer andern Quelle stammt als die sonstigen“. Диттенбергеръ обошелся такъ круто съ этимъ свидѣтельствомъ Стефана потому, что онъ, когда писалъ свою статью, хотѣлъ доказать, будто ни одинъ изъ димовъ, принадлежавшихъ македонскимъ филамъ, не попалъ ни въ Птолемаиду, ни въ Атталиду (ук. ст., стр. 398). Для Птолемаиды это правильно, для Атталиды же, какъ увидимъ ниже, нѣтъ. Тѣмъ удивительнѣе, что Мильхгоферъ (Pauly-Wissowa, R. E. I 834) все еще, по-видимому, склоненъ заподозривать вѣрность сообщенія Стефана Византійскаго.

Кромѣ перечисленныхъ мною 14 димовъ, Кирхнеръ отнесъ еще три дима къ Антигонидѣ: Ἰκαρία, Δειράδες и Ἀμφιτροπή, и два къ Димитріадѣ: Ἀτήνη и Ἀνακία. Но выводы Кирхнера не могутъ быть приняты въ совокупности. Бѣда вся въ томъ, что Кирхнеръ хочетъ доказать слѣдующаго рода положеніе: при образованіи Антигониды и Димитріады

¹⁾ О произношеніи Ἀγροῦς, а не Ἀγροῦς, ср. Milchhofer, Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie I 834.

соблюдена была известная симметрия; она выразилась, якобы, въ томъ, что для македонскихъ филъ взято было по парѣ димовъ изъ первыхъ восьми клисеоповыхъ филъ и четыре дима, по два для Антигоны и Димитриады, изъ Антиохиды ¹⁾.

Погови за этой симметрией отвлекла, между прочимъ, вниманіе Кирхнера отъ любопытной для насъ надписи CIA II 329, датированной годомъ архонта, слѣдующаго за Еввуломъ ²⁾.

Содержаніе документа Кёлеръ, основываясь на толкованіи Бёка, опредѣляетъ такъ: „in parte superiore lapidis perscriptum fuit populiscitum exeunte prytania Aegeidis tribus in honorem prytanum huius tribus factum. Supersunt duo decreta senatus, quorum alterum (vs. 1 - 9) et ipsum exeunte prytania Aegeidis ex renuntiatione prytanum in honorem magistratum prytanum et senatus factum erat, alterum (vs. 10—18) anno exeunte prytania duodecima in honorem quaestoris senatus, qui fuit tribus Aegeidis... Subscriptus est laterculus prytanum Aegeidis tribus“. Въ этомъ „laterculus“ поименованы притапы слѣдующихъ димовъ Эгиды: Ἀγρόλη, Τειθράσιοι, Ἐρχία, Ὀτρονίη, Ἀλαί, Κολλοτόες, Φηγαία, Φιλαιῖδοι, Ἴωνῖδοι, Πλώθεια, Κολωνός, Ἐπειαία, Κοδαντιῖδοι, Ἐρίθεια, Ἀραφίη, Μορρινοῦσσα. Недостають притановъ 4-хъ димовъ: Βατή, Γαργητόες, Διόρεια, Ἰζαρία. Кроме того, подъ сомнѣніемъ остается, надо-ли понимать подъ Ἀγρο[λ]εῖς (названъ всего одинъ пританъ) весь димъ Ἀγρόλη, и „верхній“ и „нижній“, или только одинъ изъ нихъ. Ответствіе въ снискѣ дима Γαργητόες понятно: онъ отошелъ, какъ мы видѣли выше, при образованіи македонскихъ филъ, въ Антигоныду. Кирхнеръ отнесъ съ полнѣмъ правомъ и димъ Ἰζαρία къ Антигонидѣ (ук. ст., стр. 552 сл.). Если признать вѣрнымъ существованіе Икаріи и Гаргитта въ македонскихъ филахъ, то почему не допускать и того, что димы Βατή и Διόρεια, не упомянутые въ CIA II 329, также отошли къ македонскимъ филамъ ³⁾? Не кажется-ли страннымъ отсутствіе какъ разъ только трехъ димовъ: Ἰζαρία, Βατή и Διόρεια, въ надписи,

¹⁾ Для полной симметріи, Кирхнеру пришлось предположить, что одинъ димъ, названіе котораго ему неизвѣстно, былъ взятъ для Димитриады изъ Амамантиды (ук. ст., стр. 557¹⁾).

²⁾ По А. Н. Щукареву, Исследования и пр., стр. 170 сл., Еввулъ, архонтъ современникъ Хремонидовской войны.

³⁾ Попытка Р. Х. Лёпера, Ж. М. П. II. 1893, мартъ, стр. 118, замѣнить чтеніе 33 строки надписи Β|ατῆς вмѣсто предложеннаго нѣмецкими издателями Φηγαίεῖς, мнѣ кажется, напрасна: 1) какъ ни плоха покрововъ копія CIA II 329, все же изъ чистоты цѣлаго на ней ΦΑΥΛΕΙΣ легче получить ΦΗΓΑΙΕΙΣ, нежели ΒΑΤΕΙΣ; 2) въ снискѣ эфивовъ Эгиды CIA II 338 находимъ нѣкогого: Πλόσεκτος Ἀ - - - τος Φηγαίε(ς), который былъ, можетъ быть, сыномъ притана CIA II 329 Ἀντιφῶν Πλόσε[φ]ατος; 3) измѣненіе чтенія все же не спасаетъ путаницы въ расположеніи димовъ въ этой надписи: путаница и, по словамъ Р. Х. Лёпера, «очевидна».

представляющей почетное постановление въ честь всѣхъ, надо полагать, притановъ Эгиды?

Въ двухъ сохранившихся до насъ спискахъ притановъ Эгиды отъ IV в. (СИА II 864. 872) поименованы пританы всѣхъ димовъ, входившихъ въ составъ Эгиды. Итакъ, мнѣ кажется, единственная возможность объяснить отсутствіе притановъ димовъ Βατῆ, Διόρεια и Ἰαζρία въ СИА II 329 заключается въ томъ, что и эти димы, подобно Гартитту, отѣли къ македонскимъ филамъ. Не смѣю утверждать, что и одна изъ Анкиль принадлежала македонскимъ филамъ. Но такое предположеніе заманчиво потому, что димы Παιωνία, Ααρπηρία и Ἀγρολῆ, дѣлившіеся на „верхній“ и „нижній“, были, какъ мы видѣли, подѣлены между старою филою и одною изъ македонскихъ ¹⁾.

Замѣчу, что надписи, относящіяся къ эпохѣ македонскихъ филъ, ничего не говорятъ противъ отнесенія къ македонскимъ филамъ памѣченныхъ мною димовъ. Напротивъ, что Діомія, наиримѣръ, принадлежала одной изъ нихъ, это подтверждается спискомъ архонтовъ СИА II 859. Въ первомъ годѣ этого списка 9 архонтовъ названы изъ слѣдующихъ димовъ: 1) [Διορ(εείζ) (?). 2) Ἀγρο(ρνεείζ) (VIII). 3) Πρωσ(πάλτιος) (VII), 4) ἐκ Κολων(ων) (IV), 5) Παιων(εείζ) (V), 6) Ααρων(εείζ) (VI), 7) Ἀγρο-δύσι(ος) (X), Ἰαρι(εείζ) (XI), Ἀλωπεα(ῆ) (XII). Димъ Διόρεια, въ эпоху 10-ти филъ, принадлежалъ Эгидѣ; если Діомейца и нашего списка считать за представителя Эгиды, то выходитъ, что эта фила дала двухъ представителей въ коллегію архонтовъ: первый осмѣетъ пронеходить ἐκ Κολωνων, дима, несомнѣнно, принадлежавшаго Эгидѣ.

Послѣ уничтоженія македонскихъ филъ, димы Βατῆ и Διόρεια отошли въ свою прежнюю филу Эгиду: СИА II 991. 465. 471. 482. III 1076. 1123. 1138 и др. О судьбѣ димовъ Ἀγρολῆ и Ἰαζρία рѣчь будетъ ниже.

Для доказательства принадлежности македонскимъ филамъ остальныхъ изъ памѣченныхъ Кирхнеромъ димовъ, онъ воспользовался наблюдѣніями Белоха надъ спискомъ архонтовъ СИА 859 ²⁾. Белохъ обратилъ вни-

¹⁾ Разбираемая надпись СИА II 329 представляетъ еще одну любопытную загадку: въ ней названо всего 45 притановъ. «Можетъ быть, II филъ», замѣтилъ Р. Х. Демеръ. Но тогда общее число притановъ было бы 495, да и въ тому же, надпись эта, несомнѣнно, изъ эпохи существованія Антигониды и Димитриады. Число 45, вѣроятно, изъ плохой копии Шокова. Въ этой копіи встрѣчаются странные пропуски въ перечисленіи притановъ: въ 25 стрк. III столбца одно пустое мѣсто, въ 39 и 40 стрк. I и III столбцовъ опять 4 пустыхъ мѣста; можетъ быть, на этихъ 5 пустыхъ мѣстахъ и стояли имена 5 недостающихъ притановъ.

²⁾ BeLoch, Die Errichtung der Phyle Ptolemais. N. Jahrb. f. Philol. 129 (1884), p. 481 сл.

маніе на то, что, за исключеніемъ первыхъ трехъ архонтовъ, поставленныхъ во главѣ каждого года, шесть остальныхъ—осмоосты—расположены въ официальномъ порядкѣ своихъ филъ. Эта система можетъ быть примѣнена къ слѣдующимъ спискамъ: CIA II 859a7, 17, 27, 37, 47, 56, 16, 26 и, сверхъ того, CIA II 983 I 119, CIA II 863, CIA II 985 A II 7, D II 18, E II 31. Нарушается эта система въ трехъ случаяхъ (противъ 13, гдѣ она соблюдается): CIA II 859 a 56, d 8, CIA II 985 D 20, а также въ спискахъ эпохи императорской: CIA III 1005, 1008, 1012.

Наблюдения Белоха, кажется, имѣютъ свой *raison d'être*. Посмотримъ, насколько они примѣнимы по отношенію къ интересующимъ насъ димамъ. Возьмемъ димъ Ἀττήνη, который Кирхперъ отнесъ къ Димитриадѣ, а Белохъ отнесъ къ Антигонидѣ (N. Jahrb. f. Phil. 129, p. 487 сл.). Подъ 12-мъ годомъ списка (первый архонтъ . . . ε Ερχεός) названы осмоосты изъ слѣдующихъ димовъ: Ἀττήνιος (?), Σφροβρίδης (III), Ἀγγε(λίδης) (V), Ἀφιδναῖος (VII), Πηθείος (X), Φαλ[α]ρίσιος (XII). Димъ Ἀττήνη въ IV в. принадлежалъ Антионидѣ; если и въ данномъ списокѣ CIA II 859 стосить этотъ димъ къ Антионидѣ, то система въ расположеніи осмоостовъ нарушается. Отсюда весьма вѣроятно, что Атина отошла къ одной изъ македонскихъ филъ (I или II). Что Атина отошла къ Димитриадѣ слѣдуетъ изъ того же списка CIA II 859: подъ 8-мъ годомъ (первый архонтъ Менекратъ) названы архонты изъ слѣдующихъ димовъ: 1) Ὀρίθ(ης) (V), 2) Σπιν(αλίδης) (X), 3) Ἀττήνιος (?), 4) Αἰθαλιδής (I), 5) Ἀνακκίος (XI) 6) Φιλαιδής (IV), 7) Κήτιος (VI), 8) Αἰγυλιός (VII), 9) Τριχορόσιος (XII). Въ этомъ списокѣ первый осмоостъ Эоаппеидъ является представителемъ Антигониды; естественно думать, что полемархъ Атинеецъ принадлежалъ другой филѣ, а этою другою филою, какъ мы видѣли выше, могла быть Димитриада. О судьбѣ Атины послѣ уничтоженія македонскихъ филъ см. ниже.

Перехожу къ диму Δειράδες, который Кирхперомъ отнесенъ къ Антигонидѣ. Въ CIA II 859 d 19 первымъ осмоостомъ названъ - - - [Δειράδ]ιός-τις (?). На камнѣ читается только ΩΤΗ; трудно придумать другое возстановленіе, судя по известнымъ намъ δηροσπία. У раздо печальнѣе, что имена остальныхъ пяти осмоостовъ не сохранились. Димъ Δειράδες въ IV в. принадлежалъ Леонтиадѣ; послѣ 200 г. мы его находимъ тамъ же: CIA II 467, 469, 1049, равно какъ и въ императорскую эпоху: CIA III 1091. Въ эпоху 13-ти филъ, къ которой относится интересующая насъ часть списка CIA II 859, Леонтида занимала VI-ое мѣсто въ официальномъ

порядкѣ расположенія филъ. Не нарушая вышеуказанной системы въ расположеніи оесмоостовъ, мы можемъ предполагать, что остальные 5 оесмоостовъ принадлежали къ 5 филамъ изъ слѣдующихъ: VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII. Если исключить изъ этого списка филы XIII (откуда взять первый архонтъ) и XII (откуда взять полемархъ) и имѣть въ виду, что всѣ 9 архонтовъ происходятъ изъ различныхъ филъ, то и въ такомъ случаѣ для 5 оесмоостовъ остаются свободными филы VII—XI, и оесмоостъ изъ филы Δειράδες могъ принадлежать VI филѣ, Леонтидѣ. Но Кирхнеръ (ук. ст., стр. 554 сл.) обратилъ вниманіе, что въ извѣстныхъ намъ спискахъ оесмоостовъ „kein einzige (списокъ) mit der VI Phyle beginnt, auch nicht einmal eine mit der V, vielmehr nehmen ihren Anfang mit der I Phyle 6 Listen, mit der II—4, mit der III—3, mit der IV—1“. Если согласиться съ этимъ наблюдениемъ, то димъ Δειράδες могъ принадлежать одной изъ македонскихъ филъ.

Принадлежность Димитриадѣ дима Ἀνάκκισα — подѣ большимъ сомнѣніемъ и, мнѣ думается, этотъ димъ приходится вычеркнуть изъ списка Кирхнера. Кирхнеръ (ук. ст., стр. 556) рассуждаетъ такъ: въ списокѣ оесмоостовъ CIA II 859d9 порядокъ ихъ расположенія слѣдующій (списокъ приведенъ выше на стр. 19): Антигониды (I), Иппоонтиды (XI), Эгида (IV), Леонтиды (VI), Птолемаиды (VII), Эаптиды (XII). „Die Ordnung wird gestört durch den 2. Thesmotheten, der nach der Regel der 2 oder 3. Phyle angehören müsste. Da wir aber die Ἀνακκισαίτες im 3 Pldt. nicht der dritten Phyle, d. h. der Erechtheis zutheilen können, so müssen wir dieselben der zweiten d. h. der Demetrias überweisen“. Но тогда получается затрудненіе иного рода: въ списокѣ архонтовъ этого года у насъ уже имѣется представитель Димитриады, полемархъ Κλεομέδων Ἀττικὸς(εἰς). Итакъ, предъ нами дилемма: или въ нашемъ списокѣ нарушена система въ расположеніи оесмоостовъ, или нарушенъ порядокъ избранія архонтовъ по одному изъ каждой филы. Но порядокъ этотъ нарушается, насколько я знаю, только въ надписи CIA II 863 (первой половины I в. до Р. X.), гдѣ царь Ὀινόμαχος|ος| Ἀμφίσιος Ἀφιδναῖος (Птолемаида) и второй оесмоостъ Ἀττικὸς|ος| Πρακκί[εἰδ]ῶς Φλωεῖς (Птолемаида). По отношенію къ списку CIA II 859d9 я предпочитаю изъ двухъ золь меньшее, и склоняюсь скорѣе допустить нарушеніе системы, нежели отступленіе отъ принципа избранія архонтовъ. Но есть еще и другое обстоятельство, которое говоритъ противъ принадлежности Анаккиса Димитриадѣ. Мы находимъ этотъ димъ, въ эпоху македонскихъ

¹⁾ Правда, въ CIA II 985D1 рядъ оесмоостовъ начинается съ IX-ой филы; но въ этомъ списокѣ расположеніе всѣхъ архонтовъ перепутано.

филъ, въ своей клицееновой филѣ Иппоонтидѣ. Доказательства этого: 1) въ фрагментированномъ эфивическомъ декретѣ СИАП371, года Оймохара архонта, среди проэдровъ, пѣтго Ἀνακλιεύς названъ на 8-мъ мѣстѣ, слѣдовательно, онъ можетъ принадлежать только Иппоонтидѣ¹⁾; 2) въ СИАП859 а22 пятымъ оесмооетомъ названъ [Θ]ρασομήτης Ἀνακλιεύς; онъ стоитъ между оесмооетомъ изъ Флин (Кекронида) и оесмооетомъ изъ Фалира (Эантида)²⁾. Итакъ, принадлежность Анакли Иппоонтидѣ въ III в. врядъ-ли возбуждастъ сомнѣніе. Между тѣмъ, обратимъ вниманіе на то, что, при образованіи какъ македонскихъ филъ, такъ и послѣдующихъ, аоніане прибѣгали къ дѣленію димовъ между двумя филами только въ томъ случаѣ, когда эти димы были двойные (верхній и нижній).

Вопросъ о принадлежности дима Ἀρφιτροπή одной изъ македонскихъ филъ, при имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ, лучше оставить нерѣшеннымъ. Относя Амфитрону къ Антигонидѣ, Кирхнеръ основывался на СИА II 737 add. (= Ath. Mitt. V (1880), p. 268 сл.) или, точнѣе сказать, на словахъ Диттенбергера въ примѣчаніи 2-мъ къ его Syll. inser. graec. 130. Въ началѣ сохранившейся части документа (стрк. 3—4) названъ эписатъ притановъ - - - - -] ἵδω Ἀρφιτροπή; по словамъ Диттенбергера, онъ не можетъ принадлежать Антигонидѣ, гдѣ Амфитрона числилась въ эпоху 10-ти филъ. Не имѣя ничего возразить противъ соображеній Диттенбергера, я, при теперешнемъ состояніи интересующей насъ надписи, считаю опаснымъ дѣлать какинъ-либо заключенія относительно того, что могло въ ней содержаться въ не сохранившейся части. Принять Амфитрону въ македонскія филы мѣшаетъ то обстоятельство, что этотъ димъ въ III в., повидимому, продолжалъ принадлежать Антигонидѣ. Это, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ изъ СИАП859 а33, гдѣ послѣднимъ оесмооетомъ названъ [Γ]εφύλος Ἀρφιτροπή(δεν), а предъ нимъ помѣщенъ [Δ]ηρόστρατος Φλεβ(ε) изъ Кекронида; если система въ расположеніи оесмооетовъ этого списка не нарушена, то нашъ Исофилъ долженъ принадлежать Антигонидѣ³⁾. Дѣлать же небольшой димъ Амфитрону между двумя филами, какъ то дѣлаетъ Кирхнеръ, нежелательно въ виду отсутствія примѣровъ подобныхъ подраздѣленій.

¹⁾ Годъ архонта Оймохара неизвѣстенъ: но скорѣе онъ относится къ времени до учрежденія Птолемаиды, т. е. до 225 г., чѣмъ къ концу III в.

²⁾ Ср. Ath. Mitt. IV, p. 321, если вѣрно восстановление Кёлера [Ἀνακλιεύς] въ спискѣ эфивовъ Иппоонтиды.

³⁾ Саме восстановление имени [Γ]εφύλος что-то сомнительно: во всемъ СИА другихъ Исофиловъ не встрѣчается.

Итакъ, кромѣ 14-ти вышеприведенныхъ димовъ, существованіе которыхъ въ македонскихъ филахъ врядъ-ли возбуждаетъ сомнѣніе, мы получили еще 6 димовъ; ихъ принадлежность къ македонскимъ филамъ достоверна по столько, по сколько согласается съ предыдущими соображеніями. Эти 6 димовъ суть: Ἀγρόλη, Ἀτίγη, Βατή, Δειράδες, Δόμεια, Ἰζαρία. Изъ нихъ димъ Ἀτίγη принадлежалъ Димитріадѣ. Остается попытаться распредѣлить между Антигонидою и Димитріадою остальные 5 димовъ. Прежде всего естественно предполагать, что полученные нами 20 димовъ были распредѣлены между Антигонидою и Димитріадою поровну; тогда изъ 5 упомянутыхъ димовъ 3 приходится относить къ Антигонидѣ и 2 къ Димитріадѣ.

Мы не знаемъ, какимъ принципомъ руководилось аонское правительство, перенося тотъ или другой димъ въ македонскія филы. Очевидно только, что этотъ принципъ заключался не въ томъ, въ чемъ искалъ его Кирхнеръ. По нашему счету выходитъ, что Эреохиды, Пандіонида, Леонтида, Ниинда, Кекронида дали въ македонскія филы по два дима, Эгида 5 димовъ (это объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что эта фила заключала въ себѣ въ IV в. наибольшее количество димовъ—21), Акамантида и Ницооонтида по одному, Антиохиды—три дима. Если мы взглянемъ на карту аттическихъ димовъ, хотя бы на ту, которая приложена къ изслѣдованіямъ Р. Х. Лёнера, то мы замѣтимъ, что между нѣкоторыми изъ димовъ, вошедшихъ въ составъ македонскихъ филъ, замѣчается территориальная связь: нѣкоторые изъ этихъ димовъ расположены одинъ отъ другого въ близкомъ соседствѣ, другіе прямо являются смежными. Съ особою ясностью это можно прослѣдить по отношенію къ Димитріадѣ: въ ней димы Κοθωρίδαи Ἰπποτομάδα, принадлежащія оба къ береговой триттій Ниинды, лежатъ въ близкомъ соседствѣ; то же самое наблюдается въ расположеніи димовъ Κολλή (VHa) и Μελέτη (VIa)¹⁾. Къ одной триттій съ Мелитой принадлежитъ и Ξοπέτη (VIIa). Что касается Агаунты (Vc), то она лежитъ изолированно отъ другихъ димовъ Димитріады. За то Θορὰ и Ἀτίγη принадлежатъ опять-таки къ одной триттій (Xb), хотя лежатъ и не въ смежномъ соседствѣ; впрочемъ, относительно положенія Атинны Р. Х. Лёнеръ не увѣренъ.

Трудиѣ прослѣдить подобную территориальную связь въ расположеніи димовъ Антигониды. Однако, если мы отнесемъ къ Антигонидѣ димы Δόμεια и Ἀγρόλη, то получимъ слѣдующую смежную группу

¹⁾ Буквами а, б, с, какъ и у Р. Х. Лёнера, обозначены — городской, береговой и средний округа; римская цифра обозначаетъ здѣсь порядковъ *классическаго* филы.

димовъ, хотя и принадлежащихъ различнымъ треттіямъ: *Κοδοθήριον* (IIIa), *Διόρεια* (IIa), *Ἀγρόλη ὑπένερθεν* (IIa) и *Ἀγρόλη ὑπένερθεν* (Ia). Димы *Γαργγίττος* (IIc), *Παιανία* (IIIc), *Ἀθάλιδαι* (IVc) и *Βίτεια* (Xc) разбросаны. Уединенно стоятъ и димы *Λαρπυραί* (Ib) и *Δειράδες* (IVb). Последний димъ я склоненъ быть бы относить къ Антигонидѣ. Тогда изъ упомянутыхъ 5 димовъ для Димитріады останутся *Βατί* (IIa) и *Ἰζαρία* (IIc).

Для ясности позволю еще разъ сопоставить димы Антигониды и Димитріады въ такой, приблизительно, схемѣ:

Антигонида	Димитріада
Ἀγρόλη Ia	Βατί IIa
Ἀγρόλη IIa	Κοδή VIIIa
Διόρεια IIa	Μελίτη VIIa
Κοδοθήριον IIIa	Ἐπιπέτη VIIIa
Λαρπυραί Ib	Ἰζαρία IIc
Δειράδες IVb	Ἀγρός Vc
Γαργγίττος IIc	Ἀτήρη Xb
Παιανία IIIc	Θοραί Xb
Ἀθάλιδαι IVc	Ἰπποτορμάδαι VIIb
Βίτεια Xc	Κοθωζίδαι VIIb.

Изъ этой таблицы видимъ, что 8 димовъ городского округа подѣлены поровну между Антигонидою и Димитріадою; изъ округовъ берегового и среднего взято для македонскихъ филь по 6 димовъ. Я не хочу скрывать того, что такое распредѣленіе димовъ и самъ считаю *предположительнымъ*; будущія находки, быть можетъ, покажутъ, что изъ этого „предположительнаго“ надо оставить, что отбросить.

Перехожу къ Птолемаидѣ. Считаю излишнимъ разбирать подробно исторію учрежденія этой филь: это сдѣлано В. А. Шефферомъ (ук. соч., стр. 104 сл.). Врядъ-ли возможно отставить свидѣтельство Навсанія (I, 5, 5. 8, 6), на основаніи котораго Птолемаида была учреждена въ честь Птолемея II Филадельфа (285 — 247) ¹⁾. Мнѣніе Белоха (N. Jahrb. f. Phil. 129, p. 481 сл.)—Птолемаида была учреждена въ честь Птолемея III Еввергета (247 — 222) ²⁾—нашло себѣ почти всеобщее признаніе ³⁾. Помимо свидѣтельства Стефана Византійскаго (подъ сл. *Βερεννίδαι*), въ пользу мнѣнія Белоха говорятъ,

¹⁾ Навсаній, вѣроятно, въ данномъ случаѣ смѣшалъ Птолемеевъ, подобно тому, какъ онъ смѣшалъ Антигона Гонату съ Антигономъ Досономъ (II, 8, 4) или двухъ Агретатовъ, изъ коихъ одинъ былъ сынъ Арет, другой — Клеомена (VIII, 27, 11. 30, 7, ср. III, 6, 4).

²⁾ Только въ последнемъ (6-мъ) изданіи «Древностей» Германа приводится старое мнѣніе, а о существованіи въ Аоніяхъ 13 филь не упоминается ни словомъ (I, 2, p. 775).

главнымъ образомъ, соображенія политическаго свойства. До 229 года аонияне находились подъ македонскою зависимою; учрежденіе Птолемаиды до 229 года было бы, со стороны аонянъ, крайне опасною демонстраціей по адресу македонскихъ дарей, бывшихъ въ постоянной враждѣ съ египетскими. Надо принять въ соображеніе и аоніскую политику, лучше сказать, политику аоніскихъ „предстоятелей“ Евриклида и Микіона, въ двадцатыхъ годахъ III в., когда аонияне, освободившись отъ македонской зависимости, старались негать себѣ покровительства у „сильныхъ міра сего“, но вмѣстѣ съ тѣмъ побавлялись раздражать и Македонію. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то, что аонияне, учредивъ Птолемаиду, не рѣшились, до поры до времени, посягнуть на македонскія филы. Мы кажутся вполне справедливыми слова А. Н. Щукарева (Ж. М. Н. II., 1888, іюнь, стр. 82, отд. класс. фил.), что „учрежденіе Птолемаиды, очевидно, принадлежитъ къ тѣмъ актамъ политики Евриклида и Микіона, которыми они старались оказать свою преданность Птолемею“, и что „слова Поливія (V, 106): *καὶ πᾶσι γένος ὑπέμενον φηρισμάτων καὶ κηρογράφων*, именно намекаютъ на учрежденіе этой филы“.

Присоединившись къ мнѣнію В. А. Шеффера (ук. соч., стр. 420 сл.), что „учрежденіе Птолемаиды должно быть отнесено къ промежутку между архонтствами Антифила и Менекрата“, я не нахожу возможнымъ согласиться съ нимъ касательно датированія годовъ этихъ архонтовъ.

Архонты Антифиль и Менекратъ занимаютъ 6-ое и 8-ое мѣста въ не разъ упомянутомъ спискѣ архонтовъ CIA II 859. Этотъ списокъ былъ разобранъ подробно А. Н. Щукаревымъ (Ж. М. Н. II. 1888, іюнь, стр. 85 сл. *Bullet. de corr. hell.* XII, p. 69 сл.) и В. А. Шефферомъ (ук. соч., стр. 412 сл.). А. Н. Щукаревъ помѣтилъ Антифила на 221, Менекрата на 219 г., замѣтивъ что ошибка въ его датированіи можетъ быть не болѣе, какъ на два или на три года, и притомъ скорѣе онъ ставитъ архонтовъ на два или на три года позже, нежели раньше (стр. 81). В. А. Шефферъ не соглашается съ этою датировкою; онъ ставитъ Менекрата на пять лѣтъ раньше, на 226—223 г., Антифила—на 228—225 г. и говоритъ: „слѣдовательно, учрежденіе новой филы Птолемаиды должно быть отнесено къ гг. 228—223, скорѣе къ началу этого періода, нежели къ концу, потому что естественно было для аонянъ тотчасъ же послѣ освобожденія отъ македонянъ негать покровительства египетскаго царя“ (стр. 423). Изъ дальнѣйшаго (стр. 431) видно, что В. А. Шефферъ склоненъ относить время учрежденія Птолемаиды къ 226 году.

Мнѣ кажется, что датировка архонтовъ списка СІА II 859 у А. Н. Щукарева правильна, только не въ томъ видѣ, какъ она представлена имъ на стр. 81, а должна быть, какъ онъ и предугадывалъ, передвинута на три года назадъ. Обратимся къ почетному постановленію въ честь Дименета, разбору котораго посвящена указанная статья А. Н. Щукарева. Въ документѣ этомъ (Εφημ. Ἀρχαιολ. 1887, р. 1 сл.) упоминаются три архонта: Херефонть, Діокль и Эсхронъ, отождествляемые А. Н. Щукаревымъ съ одноименными архонтами списка СІА II 859. Слѣдовать той датировкѣ этихъ архонтовъ, которая дана А. Н. Щукаревымъ, нельзя; на это обратилъ вниманіе и В. А. Шеффе́ль (стр. 422 сл.); но нельзя принять и датировку, предложенную послѣднимъ. Если, на основаніи ея, относить архонта Менекрата на 226 годъ, то годы архонтовъ въ надписи въ честь Дименета падутъ: на 225 — Херефонть, на 221 — Діокль, на 217 — Эсхронъ. Но Херефонть, кажется мнѣ, никакимъ образомъ не можетъ быть архонтомъ 225 г. Въ надписи Дименета ясно подчеркивается роль послѣдняго по отношенію къ этолійской симполитіи и царю Филиппу, ср. стрк. 5 сл. надписи: *πρὸς τ[ε τ]ὸ κοινὸν τῶν Διτωλῶν πλεονάκις ἐπρέσβευσεν [ὁ] μάλιστα δὲ καὶ π[ρὸ]ς τὸν βασιλέα Φίλιππον, ὅπως ἂν παρ' ἐκατέρων τῶν [ὁ] γέμων ἦ τε φιλικῶς καὶ εἰρήνη διατηρήσεται καὶ μηδ' ὑφ' ἑνὸς περισπόμενῃ ἡ πόλις [ἀ]ποκατασταθεῖ εἰς τὴν ἐξ ἀρχῆς εὐδαιμονίαν, ὅτε κακοπα[θ]ῆεν οὐδερῶν, ὅτε κ[αὶ] ν[ὸν] ὑποστελλόμενος* и пр. А. Н. Щукаревъ справедливо прѣурочилъ событія, о которыхъ говорится въ надписи Дименета, къ эпохѣ союзнической войны (стр. 68). Въ надписи говорится, что Дименеть былъ стратигомъ Элевсинскаго округа въ первый разъ при Херефонтѣ архонтѣ, что онъ тогда прекрасно и достойно себя исполнилъ обязанности стратига сообразно съ законами и постановленіями, прилагая всѣ возможныя мѣры и заботы, чтобы *не было причинено никакого насилія ни странѣ, ни крѣпостямъ* (стрк. 12 сл.). Спрашивается, какія „насилія“ могли быть причинены странѣ и крѣпостямъ при Херефонтѣ, если онъ былъ архонтомъ въ 225 году? Въ 225 году былъ еще живъ Антигонъ Досонъ. Союзническая война началась въ 221 г. и, мнѣ думается, какъ разъ въ этомъ 221 г. была первая стратигія Дименета. Тогда вторая стратигія Дименета, бывшая въ годъ Діокла архонта, приходится на 217 годъ, годъ окончанія союзнической войны. Между двумя этими стратигіями и проходили, быть можетъ, тѣ многократныя посольства Дименета къ этолійскому союзу и царю Филиппу, о которыхъ говорится въ надписи ¹⁾. Будучи во второй разъ стратигомъ, Дименеть „пробылъ,

¹⁾ Ср. А. Н. Щукаревъ, ук. ст., стр. 60: «неоднократныя посольства приходились, вѣроятно, и между архонствами Херефонта, Діокла и Эсхрона, а не непременно всѣ предъ

превосходя самого себя въ заботахъ объ охранѣ (страны) и въ щедрости къ своимъ подчиненнымъ“ (стрк. 18 сл.). Очевидно, война еще продолжалась и аонической территоріи могла грозить опасность. Любопытно, что о дѣятельности Дименета въ его первую стратегию говорится въ болѣе сильныхъ выраженіяхъ, нежели о дѣятельности его во вторую стратегию, когда война уже близилась къ концу, да и главныя мѣры предосторожности были уже приняты. О стратегіи Дименета въ годъ архонта Эхрона, по моему разсчету— 213 г., говорится уже совершенно казенною фразою: τῆς τε [φω]λακῆς ἐφορῆς [υ]περὸν τῆς γόρ[α]ς α[λ]φ[ι]δῆς τῶν εφορῶν [υ] καὶ ἄπερ [καὶ ἐ]ν τοῖς ἐπιπρ[ο]σ[θ]ε[σ] γ[ο]ρῶν (стрк. 23 сл.). Въ 213 г. войны не было и никакихъ экстраординарныхъ мѣръ не приходилось принимать. Итакъ, по моему разсчету годы архонтовъ Херефонта, Діокла и Эхрона—221, 217, 213. Если я датую этихъ архонтовъ правильно, тогда Антифилъ, Калл... и Менекратъ были архонтами въ 224, 223 и 222 годахъ. Следовательно, и учрежденіе Птолемаиды должно было произойти въ это время. Но справедливо замѣчено, что учрежденіе Птолемаиды неудобно относить къ самому концу царствованія Птолемей III, такъ какъ онъ „въ послѣдніе годы своей жизни старался держаться вдали отъ греческихъ междоусобицъ“ (Шефферъ, ук. соч., стр. 423). Поэтому, врядъ-ли Птолемаида была учреждена послѣ 224 года. В. А. Шефферъ обратилъ вниманіе, что архонтъ Антифилъ, по моему разсчету 224 года, происходилъ родомъ изъ Афиднъ, изъ дима, причисленнаго къ Птолемаидѣ, и замѣтилъ, что „было весьма прилично въ первый годъ ея существованія именно ей предоставить честь дать государству перваго сановника“ (ук. сл., стр. 421)¹⁾. Но если въ 224 году первый архонтъ былъ уже изъ Птолемаиды, то, следовательно, учрежденіе фплы должно было состояться раньше, можетъ быть, въ концѣ 225 года. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, Птолемаида не могла быть учреждена *раньше 225 года*.

У насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній по аонической исторіи за 229—221 годы. Можно, однако, поручиться, что аоняне, въ силу своей нейтральной политики, не принимали ни малѣйшаго участія въ Клеоменовой войнѣ. Правда, во время ея Аратъ, еще до призванія Антигона, обращался

ними, какъ можно было бы заключить изъ вышшняго порядка, въ какомъ записаны событія на камнѣ. Въ своей французской статьѣ А. П. Цукревъ (стр. 71) почему-то отступилъ отъ такого вполне правильнаго толкованія, что и вызвало нареканія противъ него В. А. Шеффера, ук. соч., стр. 422.

¹⁾ Отъ такого „экстраординарнаго“ назначенія перваго архонта изъ Птолемаиды, быть можетъ, произошла и путаница въ расположеніи архонтовъ въ спискѣ года архонта Антифила.

въ Лонны за союзомъ противъ Клеомена, но аѳиняне, руководимые Евврилидомъ и Микіопомъ, отказали (Plutarch. Arat. 41). Но за ходомъ событій они, конечно, зорко слѣдили. Хронологія Клеоменовой войны представляетъ массу затрудненій. Во всякомъ случаѣ конецъ ея, битва при Селласіи произошла по расчету О. О. Соколова (Третье столѣтіе до Р. Х., стр. 13, отд. отт.) въ 222, а не 221 году. Антигонъ Досонъ прибылъ съ войскомъ въ Грецію въ августъ 224 года послѣ того, какъ на собраніи въ Эгін, въ маѣ 224 года, рѣшено было окончательно призвать его. Но переговоры между Аратомъ и Антигономъ начались еще въ 225 году, вѣроятно, до осени этого года, когда происходило собраніе въ Сикионѣ, на которомъ Аратъ былъ избранъ полномочнымъ стратегомъ. Переговоры Арата съ Антигономъ начались послѣ того, какъ между Аратомъ и Клеоменомъ произошелъ окончательный разрывъ, и Клеоменъ объявилъ войну ахейцамъ, послѣ того, какъ отъ симполитіи еще раньше стали отпадать многіе города. Съ той поры положеніе дѣлъ обострилось и въ воздухѣ нахло грозой. Лѳиняне держались въ сторонѣ отъ всего этого, но на всякій случай, вѣроятно, были не прочь войти въ болѣе тѣсныя сношенія съ сильнымъ египетскимъ царемъ. Быть можетъ, чтобы еще болѣе расположить его къ себѣ, они какъ разъ въ это время и сочли не лишнимъ оказать ему великую честь, учредивъ новую филу, названную по его имени.

Вновь образованная филла занимала VII-ое мѣсто въ официальномъ ряду аттическихъ филъ до отмѣны Антигониды и Димитріады: съ отмѣною ихъ она передвинулась на V-ое мѣсто (В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 418 сл.).

При распредѣленіи димовъ, вошедшихъ въ Птолемаиду, мы стоимъ на болѣе твердой почвѣ, нежели то было при разборѣ димовъ македонскихъ филъ. Птолемаида существовала не столь короткое время, какъ Антигониды и Димитріады, и память о ней сохранилась въ болшемъ количествѣ документовъ. Документы эти, въ громадномъ большинствѣ, представляютъ собою эфивическіе списки. Вотъ ихъ сопоставленіе:

СИА II 471 (12⁴/₃, ср. Homolle, Bull. de corr. hell. XVII (1893), p. 165):
 Ἀφιδναῖοι (2), Βερενικίδης (1), Κολωνίθων (1), Φλωεὺς (1), Θηρακεὺς (1)

СИА II 469 (12²/₁₁, ibid.): Θη[ρακεὺς] (1), Βερενικίδης (3), Φλωεὺς (4)²⁾, [Καλιθῶν] (1), Ἀφιδναῖος (1), Προσπάτιος (1), Αἰγίλιεὺς (2), Οἰναῖος (1).

¹⁾ СИА II 469¹α: ---ος Αφιδναῖος Βε(ρ)ενικίδης, быть можетъ, слѣдуетъ дополнить [Καλιθῶν]ος А. В. по срвн. съ СИА II 952¹α, 1047¹α.

²⁾ СИА II 469¹α: ---ος Προπάτιος Φλω[εὺς], быть можетъ, слѣдуетъ дополнить [Αττι]ος П. Ф. по срвн. съ СИА II 863.

CIA II 470 ($10^7/6$, *ibid.*, p. 158): Φλωεύς (6), Βερενικίδης (3), Βουτάδης (1), Ἀφιδναῖος (2), Προσπάτιος (1), Θημακεύς (1).

CIA II 465 ($10^3/2$, *ibid.*): Ἀφιδναῖος (3), Φλωεύς (4), Θημακεύς (1).

CIA II 467 ($10^1/0$, *op. Bull. de corr. hell. IV*, p. 189 *cl.*): Λίγλιεύς (1), Ἀφιδναῖος (1), Φλωεύς (1).

CIA II 482 (39—32 по КСлеру): Φλωεύς (3), Προσπάτιος (1), Ἀφιδναῖος (2).

CIA II 956—*catalogus virginum vel matronarum nobilium secundum tribus dispositus* (1-я пол. I в. до Р. X.): Φλόα (2), Βερενικίδα (1), Οἰνόη (1), Λίγλία (1), Ἐκάλη (1).

Надписи императорской эпохи:

CIA III 1076 ($7/6$, *op. Homolle, Bull. de corr. hell. XVII*, p. 179): Βερενικίδης (3), [Φλ]υεύς (1), [Ἀ]φιδναῖος (1).

CIA III 1091 (м. 83—96): Φλωεύς (5).

CIA III 1092 (ок. 100): Βερενικίδης (3), Φλωεύς (2).

CIA III 1093 (кон. I—нач. II в.): Κολωνήθεν (1), Βερενικίδης (2), Φλωεύς (1).

CIA III 1113 (м. 140—156, *op. Lolling, Ἐφημ. Ἀρχαιολ. 1893*, p. 90—91): Βερενικίδης (1), Φλωεύς (3).

CIA III 1113a ($14^4/5$): Φλωεύς (1), Ἀνωα(τεύς) (2).

CIA III 1114 (147, *op. Ἐφημ. Ἀρχ. 1893*, p. 90—91): Φλωεύς (3), Βερενικίδης (1).

CIA III 1120 ($15^0/1$, *ibid.*): [Κ]ολωνήθεν (1).

CIA III 1121 (156, *ibid.*): Τετακίδης (1), Κλω --- (1), Βουτάδης (2), Φλωεύς (6), Βερενικίδης (2), Ἀνωα(τεύς) (1), Εὐνοστίδης (1).

CIA III 1124 (того же времени): Φλωεύς (3), Τετακίδης (1), Πετακτεύς (2).

CIA III 1128 (165, *ibid.*) Βερενικίδης (2), Φλωεύς (1), Κολωνήθεν (1), Σημα... (1).

CIA III 1133 (171, *ibid.*): Βερενικίδης (2), Πεντελήθεν (1), Φλωεύς (1).

CIA III 1138 ($17^4/5$ — $17^7/8$): Φλωεύς (8), Προσπάτιος? (1), Κολωνήθεν (1), Εὐνοστίδης (1).

CIA III 1142 (ок. 180): Φλωεύς (2), Ἰσα(ρεύς) (1)¹⁾.

CIA III 1147 (180—192): Φλωεύς (2)²⁾, Βερενικίδης (1), Μελακτεύς (1).

¹⁾ Въ CIA III 1144 ($18^1/5$ — $18^2/8$), въ числѣ эфивовъ Птолемаиды названы: Δρόφορος и Δημήτριος Συρμαχίδου, которые, очевидно, были Φλωεῖς, *op. CIA III 772a*; точно также изъ Флибъ были эфивы Νικόμαχος Ἀφροδισίου, *op. CIA III 1093*. Въ CIA III 1145 эфивы Μερόδορος Ἀπολλωνίδου, Εὐνοστος Ἀπολλωνίδου были Βουτάδαι, *op. CIA III 1176*.

²⁾ Въ CIA III 1147ε восстанавливаю [Διονύσι]ος Ζωσίμου Φλωεύς по срвн. съ CIA III 1091; въ CIA III 1147ε:—[Ἀπολλώνιος] Γλύκωνος Βερενικίδης по срвн. съ CIA III 1093.

СИА III 1153 (ок. 190): Βο(υτὰδῶτης) (1), Βερ(ενηζιδῶτης) (2), Ἐξα(λῆτι)εν) (1), Κολω(νηζιδῶτην) (1).

СИА III 1160 (19²/3): Φλω(εβῆς) (4), Βερ(ενηζιδῶτης) (2).

СИА III 1163 (190—200): Προσπαλ(ιως) (1), Βερ(ενηζιδῶτης) (1), Φλω(εβῆς) (4), Κοω(θολῆτι)εν) (1), Ἀζ(οαιεβῆς) (1)¹).

СИА III 1171 (19⁷/8—20⁷/8): Βερ(ενηζιδῶτης) (1), Φλωε(βῆς) (3), Σγμ... (1).

СИА III 1172 (того же времени): Βερ(ενηζιδῶτης) (1), Φλωε(βῆς) (3), Σγμ... (1).

СИА III 1176 (200—210): Βοω(τὰδῶτης) (3), Φλω(εβῆς) (3).

СИА III 1177 (200—22¹/2): Βερ(ενηζιδῶτης) (1).

СИА III 1186 (218—225): Φλω(εβῆς) (2).

СИА III 1277 — каталогъ неизвестнаго назначенія (1-ой полов. I в. по Р. X.): Βερ(ενηζιδῶτης) (2), Βο(υτὰδῶτης) (1), Φλωε(βῆς) (1).

Кромѣ вышеприведенныхъ надписей, часть димовъ Птолемаиды названа также въ любопытномъ документѣ СИА II 991. Ниже миѣ придется еще говорить подробно объ этой надписи, теперь я обращусь только къ той ея части, гдѣ поименованы димы Птолемаиды. Вотъ какіе печальные остатки читаются на камнѣ, въ началѣ 3-го столбца. (Первыхъ трехъ строкъ совсѣмъ нѣтъ; за ними слѣдуетъ):

ΘΥ
5. ΛΔΩ
ΞΛ²)
ΓΕΙ
I/
ΥΓΩΡΕΙ
10. ΕΥΝΟΣΤΙΔΑΙ
ι Ν Σ

Varietas lectioum: vs. 7 ΓΡ...? Ross; vs. 8 Π... Σ? idem; vs. 11... ΛΛ... Pittakis, .. \Λ. Ν... Σ?. Ross.

Въ СИА эти остатки восстанавлиются такимъ образомъ:

Θυ[ρωγιδῶται]
| Γιδῶ —
| Σα —
Πε[ρωγιδῶται]

.....
Υπώρει[α]

Εὐνοστίδαι

[Μελαυ]υ[εῖ]ς. Далѣе пропало двѣ строки.

¹) Любопытна надпись СИА III 1169 (197—211), гдѣ названы эфивы только 12 филъ. Птолемаида опущена; почему—неизвестно.

²) Σ читается неясно.

Разберемъ эти возстановленія. *Θοργωνίδα* встрѣчаются, въ качествѣ дима Птолеманды, единственный разъ въ этой надписи. Въ эпоху 10 филъ димъ *Θοργωνίδα* принадлежалъ, по свидѣтельству Стефана Византійскаго, Эантидѣ, но въ надписяхъ димъ этотъ, и въ качествѣ дима Эантиды, не попадается ни разу. Возстановленіе *Θοργωνίδα* въ CIA II 991, если на камнѣ, дѣйствительно, сохранились начертанія *ΘΥ*, единственно возможное. Былъ, правда, еще одинъ димъ, названіе котораго начиналось съ *Θυ*, *Θυραιτάδα*, принадлежавшій Ипнооонтидѣ, но онъ, и послѣ образования Птолеманды, остался въ прежней филѣ, хотя въ надписяхъ этотъ димъ упоминается очень рѣдко, ср. CIA II 467¹¹⁰ эфивомъ Ипнооонтиды названъ *Ποσειδῶνιππος Ποσειδῶνιππου Θυ[ρα]ι- [τάδα]*¹⁾. Принадлежность Оиргонидовъ Птолемандѣ засвидѣтельствована у Ариократіона, п. с. л. *Θοργωνίδα*: *Ἰσαῖος ἐν τῷ πρὸς Νικακλέα. Νίκανδρος ὁ Θυαπειρηγός ἐν τῷ περὶ τῶν δῆμων, Μετετέθησαν, φησὶν, εἰς Διαντίδος Ἀφιδναῖαι, Περίδα* (чит. *Περίδα*). *Τιτακίδα, Θοργωνίδα, φησὶ δὲ καὶ Δημήτριος ὁ Σκῆζιμος ἐν δευτέρῃ Διακόσμου τῆς Πτολεμαίδος φιλῆς τὸν δῆμον εἶναι.*

Слѣдующій за Оиргонидами димъ является въ возстановленіи [*Ἰ*]δω---. Возстановленіе это прямо-таки невозможно; это предвидѣлъ и Кёлеръ, который въ примѣчаніи къ данному мѣсту говоритъ: vs. 5 *lucius* (III) *columnae restituendum esse videtur* [*Κλ*][*ω*][*π*][*ῖ*][*δα*]. Палеографически такое возстановленіе допустимо: остатки первой буквы такъ стерлись, что трудно поручиться, какая именно буква стояла здѣсь; вторая буква читается Δ, но, можетъ быть, нижняя черточка тутъ лишняя; третья буква, безъ сомнѣнія, Ω. Въ томъ же примѣчаніи Кёлеръ указываетъ на CIA II 788A₁₃ и замѣчаетъ: *ubi quae adnotavi, ea vereor ne praerogere dicta sint. CIA II 788*—обломки одной изъ надписей, содержащихъ „*rationes centesimarum*“, вѣроятно, конца IV в.²⁾ Въ стрк. 13 читается *Κλωπ[ῖ]δῶν*], къ чему Кёлеръ замѣчаетъ: vs. 13 *Κλωπ[ῖ]δῶν*] *forma vulgaris esse videtur nominis demotici Κρωπίδα*. *Eadem forma ludendi causa usus est Aristophanes. Eq. vs. 79.* Въ официальномъ документѣ едва ли могла стоять „*forma vulgaris*“ наименованія дима³⁾.

¹⁾ Въ CIA III 1124 упоминается агонистъ *Φόδρος Ἀκάλος Θυρα(ι)τάδας*, но названія филы при немъ нѣтъ.

²⁾ Во всякомъ случаѣ, надпись CIA II 788 по времени раньше надписи CIA II 991. Въ CIA II 788 строго выдержано письмо *στραγγῶν* (pars adversa вся надпись *στραγγῶν*, въ pars aversa *στραγγῶν* иногда сбивается); въ CIA II 991 *στραγγῶν* выдержано нестрогое; даѣе различна форма буквы Π въ обѣихъ надписяхъ.

³⁾ И у Аристофана въ ук. м., мнѣ думается, *Κλωπίδα* слѣдуетъ понимать какъ *Κλωπίδα*, а не какъ *Κρωπίδα*, не смотря на толкованіе схолиаста (ср. также глоссу Свиды, п. с. л. *κλωπέω*), дошедшее до насъ въ крайне испорченномъ видѣ. См. чтеніе равенской ркп. въ *Scholias graeca in Aristophanem*, ed. Dübner, Parisiis, 1855, p. 390.

Можно принять, что и въ нашей надписи слѣдуетъ читать $|\text{Κλ}|ϕ-|\text{π}^{\prime}\delta\alpha\iota|$. Въ CIA III 1121 этотъ димъ, въ сокращеніи $\lambda\lambda\omega$, названъ принадлежащимъ Птолемаидѣ ¹⁾.

Отъ стрк. 6-ой III столбца CIA II 991 хорошо сохранилась только вторая буква, которую Кёлеръ считаетъ за Λ (первая буква была какъ будто бы σ , но Кёлеръ въ этомъ не увѣренъ). Можетъ быть, въ 6-ой строкѣ стояло $|\Phi|\lambda|\rho\epsilon\iota\zeta|$, если принять, что вторая буква была Λ (она не можетъ быть ни Λ , ни Δ , потому что обѣ эти буквы не встрѣчаются въ извѣстныхъ намъ димахъ Птолемаиды на второмъ мѣстѣ).

Стрк. 7-ую Кёлеръ восстанавливаетъ $|\text{Πε}|\rho\rho^{\prime}\delta\alpha\iota|$. Димъ этотъ въ надписяхъ не попадается вовсе. Наши свѣдѣнія о немъ заключаются единственно въ вышеприведенной цитатѣ Ариократіона. Другія надписи Ариократіона въ этой цитатѣ, наиримѣрь, о принадлежности Птолемаидѣ Афридидѣ, Титакидѣ, подтверждаются надписями; нѣтъ нужды сомнѣваться и въ принадлежности дима $|\text{Πε}|\rho\rho^{\prime}\delta\alpha\iota|$ Птолемаидѣ ²⁾.

За пропавшею строкою слѣдуетъ ясно сохранившееся названіе дима: $|\text{Υ}^{\prime}\pi\acute{o}\rho\epsilon\iota\alpha|$. Этотъ димъ для Птолемаиды былъ образованъ заново: по крайней мѣрѣ, въ разбираемой надписи мы находимъ первое о немъ упоминаніе. Кромѣ CIA II 991 димъ $|\text{Υ}^{\prime}\pi\acute{o}\rho\epsilon\iota\alpha|$ упоминается только въ CIA III 1122, гдѣ въ числѣ $\pi. \omega\tau\acute{\epsilon}\nu\gamma\rho\alpha\varphi\omega\iota$ названы: $|\text{Ε}^{\prime}\lambda\pi\acute{\iota}^{\prime}\mu\iota\omega\varsigma|$ $|\text{Υ}^{\prime}\pi\omega-|\rho\epsilon\iota\alpha\theta\epsilon\upsilon|$ и $|\text{Ε}^{\prime}\lambda\pi\iota\acute{\nu}\alpha\lambda\omega\upsilon|$ $|\text{Υ}^{\prime}\pi\omega-|\rho\epsilon\iota\alpha\theta\epsilon\upsilon|$. Самое названіе указываетъ, что это былъ „подгорный“ димъ (можетъ быть, онъ лежалъ въ одной группѣ съ $|\text{Πε}|\rho\rho^{\prime}\delta\alpha\iota|$, $|\text{Τι}|\tau\alpha\kappa\acute{\iota}\delta\alpha\iota|$, $|\text{Α}|\varphi\iota\delta\omega\alpha|$, $|\text{Θ}|\upsilon\rho\gamma\omega\upsilon\delta\alpha\iota|$, см. карту Р. X. Лёпера).

Слѣдующій за Ипоріей димъ $|\text{Ε}^{\prime}\delta\upsilon\sigma\tau\epsilon\iota\delta\alpha\iota|$ былъ образованъ для Птолемаиды заново. Надписи, сохранившія о немъ упоминанія, приведены выше.

Наконецъ, остатокъ послѣднего изъ сохранившихся димовъ Птолемаиды въ CIA II 991 восстанавливается $|\text{Με}|\lambda\lambda\alpha\iota|\rho\alpha\iota|$. Восстановленіе это вполне удачно. Что димъ $|\text{Με}|\lambda\lambda\alpha\iota\rho\alpha\iota|$ принадлежалъ Птолемаидѣ, доказательства этого мы видѣли въ соответствующихъ надписяхъ, приведенныхъ выше. Вопросъ: былъ-ли этотъ димъ образованъ для Птолемаиды заново или взятъ у одной изъ клисеевыхъ филь? Стефанъ Византийскій называетъ $|\text{Με}|\lambda\lambda\alpha\iota\rho\alpha\iota|$ димомъ Антиохиды. Р. X. Лёперъ (Ath.

¹⁾ Кромѣ того, упоминается ивскій $|\text{Δ}|\epsilon\mu\acute{\iota}\tau\epsilon\tau\alpha\varsigma|\text{Με}|\lambda\lambda\alpha\iota\rho\alpha\iota|\text{Κλ}|\omega|$ — какъ эфиръ, неизвѣстно какой филь (но, вѣроятно, Птолемаиды) въ CIA III 1111 (129—138); эфиръ CIA III 1121 зовутъ $|\text{Με}|\lambda\lambda\alpha\iota\rho\alpha\varsigma|\text{Π}|\rho\omega\sigma\tau\epsilon\iota\delta\alpha\iota\rho\omega\omega|$. Предположеніе Диттенбергера, что „das abgekürzte Demoticon ΚΑΩ... statt Κ|ρ|λ|ω|ρ|α|ι|ρ|α|ι|“ verschrieben est, ни на чемъ не основано.

²⁾ Впрочемъ, чтеніе $|\text{Πε}|\rho\rho^{\prime}\delta\alpha\iota|$ въ CIA II 991 не есть единственно возможное; могло стоять $|\text{Πε}|\tau\alpha\kappa\acute{\iota}\delta\alpha\iota|$, $|\text{Πε}|\vartheta\alpha\tau\epsilon\iota\delta\alpha\iota|$; эти димы также принадлежали Птолемаидѣ.

Mitt. XVII, p. 426¹⁾) сомнѣвается въ этомъ: „*Μελαιναί* kommt in den Inschriften nur als ein Demos der Ptolemais vor, lässt zu keiner Trittys der Antiochis und man kann deshalb annehmen, dass Steph. Byz. sich geirrt hat, wenn er ihn *ἄγιμος τῆς Ἀντιοχίδος φολῆς* nennt“. Вѣроятно, то обстоятельство, что *Μελαιναί* не подходитъ ни къ одной триттiи Антиохиды, и побудило Р. Х. Лёнера усомниться въ данномъ случаѣ въ истинности показанiя Стефана Византийскаго, которому въ другихъ случаяхъ онъ довѣряетъ. Что димъ *Μελαιναί* существовалъ до образованiя Птолемаиды, видно изъ CIA II 788A₉, гдѣ упоминается: *Μελαινέ[ων]*, а надпись эта составлена до образованiя Птолемаиды¹⁾.

Сопоставляю теперь димы Птолемаиды въ алфавитномъ порядкѣ съ указанiемъ на филы и триттiи, къ которымъ они принадлежали:

1) *Λιγιλία* Xb. Этотъ димъ, очевидно, постепенно вымиралъ: въ императорскую эпоху мы встрѣчаемъ упоминанiе только объ одномъ эгилейцѣ въ надгробной надписи CIA III 1520.

2) *Ἀλωαιεῖς* (можетъ быть, имя дима было *Ἀλωαία*, по образцу *Μελαινεῖς*—*Μελαιναί*), вновь образованный димъ, упоминается только въ надписяхъ императорской эпохи.

3) *Ἀφιδνα* IX (ср. *Naurostat. s. v. Ἐργωνίδα*).

4) *Βερενικίδα*, вновь образованный димъ.

5) *Βουτάδα* VIa

6) *Ἐξάλη* IVc

7) *Ἐδυσσίδα*, вновь образованный димъ.

8) *Θηρακός* Ia (ср. Steph. Byz. s. v.)

9) *Θυργωνίδα* IXc

10) *Ἰκαρία*. Выше мы видѣли, что димъ *Ἰκαρία* принадлежалъ Антигонидѣ. Это обстоятельство заставляетъ насъ сомнѣваться, принадлежалъ-ли этотъ димъ Птолемаидѣ: у насъ нѣтъ другого примѣра, чтобы димъ, принадлежавшiй одной изъ македонскихъ филъ, отошелъ потомъ въ Птолемаиду. По надписямъ до императорской эпохи II—I в. до Р. Х. нельзя прослѣдить, къ какой филѣ принадлежала Икарiя. Въ CIA II 95327, въ спискѣ iеронiевъ года Лисиада архонта (14⁵/₄, Pomolle, Bull. de corr. hell. XVII, p. 165) упоминается иѣвкiй [*Θ[ε]ράσιππος Ἰκαριεύς*]. Можетъ быть, тотъ же *Θεράσιππος*] *Καλλίω* упоминается въ CIA II 44670 въ спискѣ побѣдителей на Θенiяхъ, въ годъ архонта Федрiя (15⁶/₅; Pomolle, *ibid.* p. 164); у этого Θрасиппа приписано, что онъ былъ побѣдителемъ *Λιγείδος φολῆς*.

¹⁾ Ср. Milchhofer, Ath. Mitt. XVIII, p. 303 сл.

Въ CIA II 1041, въ обломкѣ какого-то списка (Бѣкъ видѣлъ въ немъ перечисленіе филетовъ) читаемъ слѣдующее:

- - - -
 [Διο]γυσόδωρος Μητροδώρον - - -
 - - σίθεος [Ε]ὐ[β]ούλο[υ] Στ[ε]ριε[ύς]
 [Γ]ιμύθεος Πρακλείδου Εὐπυρ[ί]δης
 Πολέμων Πολέμωνος [Ἰ]αφ[ί]ε[ύς]
 [Θε]αίνετος Θεαινέτου Σφίττιο[ς].

Весьма вѣроятно, что упоминаемый въ 5-ой строкѣ Полемонъ, сынъ Полемона, принадлежалъ Птолемаидѣ, судя по тому, что предъ нимъ названы: Стиріецъ — изъ Пандіониды, Евпиріецъ — изъ Леонтиды, а за нимъ Сфиттіецъ изъ Агамантиды. Но самое чтеніе [Ἰ]αφ[ί]ε[ύς] возбуждаетъ сомнѣніе. Надпись CIA II 1041 извѣстна только по копіи Фурмона; въ пятой строкѣ ея читается ΤΑΡΣΕΥΣ; это непонятное Ταρσεύς Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 400) исправилъ въ Ἰαφ[ί]ε[ύς]. Я сомнѣваюсь въ вѣрности этой поправки, хотя отъ себя ничего убѣдительнаго предложить не могу ¹⁾. Въ надписяхъ императорской эпохи икарійцы упоминаются нѣсколько разъ, но къ какой филѣ они принадлежали, Эгидѣ или Птолемаидѣ, рѣшить нельзя. Одна лишь надпись CIA III 1142 называетъ въ качествѣ эфива Птолемаиды: [Ἰ]αφ[ί]ε[ύς] Αθηρωδωρον ИКА—, что Диттенбергеръ и дополняетъ въ Ἰαφ[ί]ε[ύς]. Я предпочитаю подождать дальнѣйшихъ эпиграфическихъ находокъ: быть можетъ, благодаря имъ, можно будетъ рѣшить несомнѣнно, къ какой филѣ слѣдуетъ относить димъ Ἰαφ[ί]α. къ Эгидѣ или Птолемаидѣ.

11) Κλωπίδα. Къ какой клисѣеновой филѣ принадлежалъ димъ Κλωπίδα, мы не знаемъ. Судя по тому, что первые 8 филѣ, какъ будетъ видно ниже, дали въ Птолемаиду по одному диму, изъ послѣднихъ же двухъ было взято по 4 дима, быть можетъ, и димъ Κλωπίδα придется отнести или къ Фантидѣ, или къ Антиохидѣ.

12) Κολωνός X c. Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 404 сл.) показывалъ, что димъ Κολωνός перешелъ въ Птолемаиду изъ Антиохиды.

13) Κομβόλη Me, ep. Schol. Aristoph. Vesp. 233: Κομβόλη δῆμος τῆς Ἀττικῆς τῆς Πτολεμαίδος φολῆς ἢ Πανδιονίδος.

14) Κοδαντίδα II (b?). Принадлежность этого дима Птолемаидѣ засвидѣтельствована только показаніями Стефана Византійскаго (Ку-

¹⁾ Можетъ быть, ΤΑΡΣΕΥΣ надо исправить въ ΑΚΥΔΙΕΥΣ. Хотя и этотъ димъ попадетъ, какъ мы видѣли, въ надписяхъ очень рѣдко, но все-же онъ, несомнѣнно, принадлежалъ Птолемаидѣ.

δαντίδαι· δῆμος τῆς Αἰγῆίδος φιλῆς, ὡς δὲ Φρόνυχος Πτολεμαῖδος) и Непхія (Κοδαντίδαι· δῆμος τῆς Πτολεμαῖδος φιλῆς). Отвергать эти показанія, по примѣру Диттенбергера (Hermes IX, p. 401), только потому, что существованіе дима Κοδαντίδαι въ Птолемайдѣ не засвидѣтельствовано надписями, врядъ-ли основательно: 1) почему въ данномъ случаѣ заподозривать свидѣтельство Фриниха, приводимое Стефаномъ Византійскимъ? въ другихъ случаяхъ показанія Фриниха подтверждаются и надписями¹⁾; 2) отсутствіе упоминаній дима Κοδαντίδαι въ надписяхъ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что димъ этотъ вымеръ съ теченіемъ времени: по крайней мѣрѣ, въ надписяхъ императорской эпохи, насколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается *ни одного* кидантида²⁾.

15) Μελαυναί X (c²), ср. Milchhoefer, Ath. Mitt. XVIII, p. 303 сл.

16) Οἰνόη VIII b. Въ IV в. димъ съ именемъ Οἰνόη встрѣчается въ двухъ филахъ: Иппоонтидѣ и Эантидѣ. Въ Птолемаиду Οἰνόη взята была изъ Иппоонтиды, а не изъ Эантиды: въ спискѣ оесмооетовъ CIA II 859 d оесмооеты расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: Ἀλαε(ύς) — Эгінда, Πελεά(σιος) — Ипінда, Ἀραξάντε(ς) — Иппоонтида, Οἰναῖος —, очевидно, изъ Эантиды, такъ какъ Иппоонтида дала уже одного оесмооета. Списокъ же CIA II 859 d, относящійся къ году архонта Καλλ. . . ., по моему разсчету, принадлежитъ 223 г., когда Птолемаида уже существовала. Въ надписяхъ императорской эпохи Οἰνόη Птолемаиды не встрѣчается.

17) Πεντελή Xc.

18) Περριδα IXc, ср. Paerocrat. s. v. Θοργωνίδα.

19) Πεταλία — вновь образованный димъ.

20) Πρόσπαλτα Xc.

21) Σημα —. Это сокращеніе названія дима Диттенбергеръ, правда, вездѣ съ вопросительнымъ знакомъ, дополняетъ Σημα(χιδης). Въ Атикѣ былъ димъ Σημαχίδαи, принадлежавшій Антиохидѣ (ср. Loeper, Ath. Mitt. XVII, p. 427). Въ надписяхъ II в. до Р. X. мы находимъ димъ Σημαχίδαи также принадлежащимъ Антиохидѣ: въ CIA II 471 упоминается эфивъ - - - - ρίωος Σημαχιδ[ης], принадлежащій, несомнѣнно, Антиохидѣ, такъ какъ онъ стоитъ между эфивами изъ Анафлиста и Паллны; въ CIA II 470, въ числѣ эфивовъ Антиохиды, упомянуты: Ἀθυρό[δορ?]ος Λυσίδος Σημαχιδης и (Ε)ύβωκίδης Ἀνδρονίκου Σημαχιδης; въ CIA II 465 —

¹⁾ Кто былъ этотъ Фринихъ, мы не знаемъ. Можетъ быть, здѣсь надо разумѣть аттикаста Фриниха, по сообщенію Свиды, родомъ Виноица, которому усвоится ἐκλογὴ δήματων καὶ ἑνομάτων Ἀττικῶν.

²⁾ Къ какой филѣ принадлежалъ упоминаемый въ CIA II 469 секретарь эфивовъ Μεγαλῆς Ἀπ[ολλω]νίου Κοδαντιδης, мы не можемъ рѣшить.

въ числѣ эфивовъ Антиохиды, упоминаются: Ἡρόδοτος Μενάνδρου [Ση]μαχιδῶς; въ CIA II 467 — — — ε Λεπτίνου Σημαχιδῶς; въ CIA 481 — — — Ἀρχελάου Σημα[χ]ιδῶς. Надписи императорской эпохи: въ спискѣ притановъ Антиохиды, Δελτ. ἀρχαιολ. 1892, p. 37 сл. (13^{9/10}), названы 5 симахидаевъ; въ почетномъ постановленіи Антиохиды въ честь ея притановъ и асинтовъ (по Диттенбергеру нач. III в.), въ числѣ притановъ, названы Σημαχιδαί; наконецъ, симахиды Антиохиды упоминаются въ трехъ эфивическихъ спискахъ CIA III 1138, 1163, 1171. Обращаю вниманіе на то, что въ эфивическихъ спискахъ δηροσιζόν Σημαχιδῶς является постоянно въ сокращеніи: ΣΗΜΑΧΙ.

И имѣлъ случаи указывать, что димы, вошедшіе въ составъ послѣ-клизоневскихъ филь, вошли въ эти филь пѣликомъ, а не *δημιαίσις* между старою филью и вновь образованною. Мнѣ кажется, это заставляетъ насъ отказаться отъ мысли, будто бы димъ Σημαχιδαί былъ подѣленъ между Антиохидою и Птолемаидою. Скорѣе для Птолемаиды былъ созданъ новый димъ. Этимъ объясняется отчасти и то, что сокращеніе Σημαχιδῶς для Антиохиды является въ видѣ ΣΗΜΑΧΙ, для Птолемаиды же мы находимъ сокращеніе ΣΗΜΑ¹⁾). Очевидно, это были два различныхъ дима.

Какое было полное имя дима Птолемаиды, мы не знаемъ. Можетъ быть, однако, и онъ назывался Σημαχιδαί. Позволю себѣ обратить вниманіе на надпись CIA III 911: ἡ βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πα[τρ]ῶς καὶ ὁ δῆμος Νεισοστράτην Μενέου[ο] Β]ερνεκιδῶς θυγατέρα, μνηθεῖσαν ἀφ' ἑσπίας, Δίμητρι καὶ Κόρυι ἀπέθικε, ἐπιμεληθέντος τῆς ἀναθέσεως τοῦ ἐπιτρόπου αὐτῆς Γαῖου Κατίου Σημαχιδῶς. Если допустить, что онекунъ Никостраты, дочери Меннея Вернекидда (изъ Птолемаиды), происходилъ изъ той же филь, какъ и она, то полное имя интересующаго насъ дима было бы Σημαχιδαί²⁾.

22) Τιτακίδα IXc, ср. Nagelsat. п. сл. Θυργωνίδα.

23) Ὑπόφεια — вновь образованный димъ.

24) Φλόα VIIc, ср. Pesych.: Φλοεῖς δῆμος τῆς Πτολεμαίδος φολῆς. Schol. Aristoph. Vesp. 234: τῆς Πτολεμαίδος φολῆς δῆμος ἡ Φλόη.

¹⁾ Въ этомъ отношеніи любопытна надпись CIA III 1171, гдѣ эфивъ Антиохиды, [Α]ἰεὶς Ἀρτέμιον Σημαχιδῶς, эфивъ Птолемаиды, Θεόφιλος Θεοραμένους Σημα—.

²⁾ Предположеніе Диттенбергера, Hermes IX, p. 402 сл., что въ императорскую эпоху произносили и писали Σημα(κεύς) вмѣсто Θημα(κεύς), не говоритъ о томъ, что и обосновано было плохо, рухнуло съ паденіемъ III в. CIA, гдѣ, въ числѣ δηροσιζαί, Θημακεύς встрѣчается нѣсколько разъ. Неправильно и толкованіе С. Рейнака, Traité d'épigraphie grecque, Paris, 1885, p. 229, 235, будто сокращеніе ΣΗΜΑΧΙ употреблялось въ до-императорскую эпоху, а сокращеніе ΣΗΜΑ въ императорскую.

Итакъ, для образованія Птолемаиды каждая изъ первыхъ 8 клисеновыхъ филъ дала по одному диму, послѣднія двѣ — Эантида и Антиохида—по четыре (+, можетъ быть, Κλωπίδα).

Срединная полоса Аттики удѣлила 11 димовъ (если къ ней отнести и Μελαιναί); городской округъ далъ въ Птолемаиду два дима; береговой—три (если относить къ нему Κοδαντίδα).

Изъ димовъ Птолемаиды только Ἀριδνα, Θυργωνίδα, Περρίδα и Τιτακίδα, принадлежавшіе къ срединной триттіи Эантиды, находились въ территоріальной связи между собою. Такимъ образомъ, съ образованіемъ Птолемаиды, эта триттія Эантиды совершенно уничтожилась. Остальные димы Птолемаиды оказываются разсѣянными по аттической территоріи.

Наиболѣе населенными димами Птолемаиды были: Φλόα, Βερενκίδα, Ἀριδνα и Κολωνός; мало населенными являются вновь образованные: Εὐνοστίδα, Πεταλία и Ὑπόρεια, изъ старыхъ: Κλωπίδα, Μελαιναί и Περρίδα.

Въ 200 г. до Р. X. произошла важная перемена въ исторіи аттическихъ филъ: были уничтожены Антигоида и Димитриада и образована Атталлида.

Вопросъ о времени отмѣны Антигоиды и Димитриады и введенія Атталлиды долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ общимъ ходомъ событій аонической исторіи 200 года. Хронологическую послѣдовательность событій этого года я пытался разобрать въ своей статьѣ „Первый годъ второй македонской войны“ (Ж. М. П. II. 1894, ноябрь и декабрь, стр. 103 сл., отд. класс. фил.). Въ самомъ началѣ 200 года Аттика подвергается набѣгу со стороны Пикавора, полководца Филиппа (стр. 108 сл.). Набѣгъ этотъ былъ непродолжителенъ и окончился для аонянъ, сравнительно, благополучно, благодаря вмѣшательству римскихъ пословъ, находившихся въ то время въ Аѳинахъ. Во время пребыванія въ Аѳинахъ римскихъ пословъ Атталъ пергамскій стоялъ съ флотомъ у Эгны. Аѳиняне отправляютъ къ Атталу пословъ съ приглашеніемъ пожаловать въ Аѳины, посоветоваться „о настоящемъ положеніи дѣлъ“ (стр. 111 сл.) и устраиваютъ ему торжественную встрѣчу (Polyb. XVI, 25, 3 — 9. Liv. XXXI, 14. 15). Въ ряду оказанныхъ Атталу почестей было и учрежденіе Атталлиды, на что прямо указываетъ Поливій (XVI, 25, 9): *πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ φιλῆν ἐπώνυμον ἐποίησαν Ἀττάλῳ, καὶ κατένευκαν αὐτὸν εἰς τοὺς ἐπώνυμους τῶν ἀρχηγέτων.* У Ливія, въ разсказѣ объ учрежденіи Атталлиды, несомнѣнная ошибка: *tum primum mentio inlata de tribu, quam Attalida appellarent, ad decem*

veteres tribus addenda (XXXI, 15, 6) ¹⁾. Ливія, конечно, нельзя считать хорошимъ знатокомъ аѳинскаго государственнаго устройства; что онъ могъ позабыть объ одновременномъ нѣкогда существованіи македонскихъ филъ и Птолемаиды, въ этомъ нѣтъ ничего преступнаго. В. А. Шефферъ (ук. соч., стр. 425) строго говоритъ, по поводу этой ошибки, что весь рассказъ Ливія вызываетъ „сильное недоумѣніе къ точности автора“. Поливій, источникъ Ливія въ данномъ случаѣ, не дѣлаетъ подобной ошибки: онъ говоритъ только „πρὸς τὰς τοῖς ἄλλοις“ и т. д. Итакъ, мнѣ представляется вѣроятнымъ, что постановленіе аѳинянъ объ учрежденіи Атталиды могло состояться въ началѣ 200 года (положимъ, въ январѣ). Я говорю нарочно *постановленіе* объ учрежденіи, а не самое учрежденіе Атталиды. Между этими двумя фактами, естественно, должно было пройти нѣкоторое время: вѣдь не всякій указъ вводится въ дѣйствіе тотчасъ же послѣ его изданія; къ тому же, организовать новую филу—дѣло не одного дня, не одной недѣли. Очень можетъ быть, что аѳиняне въ принципѣ рѣшили уже тогда отмѣнить македонскія филы ²⁾; но оиятъ-таки оффиціальной отмѣны ихъ не произошло, и аѳиняне не порвали окончательно съ Македоніей. Я считаю излишнимъ задаваться вопросомъ, сколько въ первую половину 200 года было въ Аѳинахъ филъ: 11 или 14 ³⁾; Аѳинянамъ въ ту пору врядъ-ли было время, да и интересъ, заниматься числомъ существующихъ у нихъ филъ. Вскорѣ послѣ набѣга Пикапора въ Аттику вторгается (въ мартѣ — апрѣлѣ?) оиятъ соединенное акаріано-македонское войско и опустошаетъ ее огнемъ и мечомъ ⁴⁾. Аѳины въ критическомъ положеніи: они обращаются за помощью въ Римъ, въ Египетъ, къ Атталу, критянамъ ⁵⁾. Только послѣ того, какъ въ Аѳины былъ посланъ Г. Клавдій Центонъ съ 20 военными кораблями и 1.000 солдатъ, опустошеніе Аттики, надо полагать, прекратилось ⁶⁾. Мы знаемъ, что, кромѣ набѣговъ македонянъ, аттическая территорія, въ то же время, была тревожима нападеніями со стороны Коринфскаго перешейка чрезъ Мегариду; не давали покоя

¹⁾ Pausan. I, 5, 5: οἷα μὲν εἶσι τῶν Ἀθηναίων ἐπινοήματα τῶν ἀρχαίων. ὕστερον δὲ καὶ ἀπὸ τῶνδε φιλῶν ἐγένοντο. Ἀττάλιον τοῦ Μουσῶν καὶ Πτολεμαῖον τοῦ Αἰγυπτίου καὶ κατ'ἐμὲ ἕδη βασιλείας Ἀδριανοῦ. Ср. I, 8, 1.

²⁾ Ср. Первый годъ второй македонской войны, стр. 113.

³⁾ В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 427, думаетъ, что между отмѣною Антигониды и Димитриады и учрежденіемъ Атталиды протекло нѣкоторое, вѣроятно, непродолжительное время, когда въ Аѳинахъ было всего одиннадцать филъ. Но онъ рѣшаетъ вопросъ, не справляясь съ общимъ ходомъ аѳинскихъ событій 200 г.

⁴⁾ См. Первый годъ и т. д., стр. 114 сл.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 119, 121, 123 сл.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 126.

приморской области Аттики и калерскія суда ¹⁾). Гдѣ тутъ было думать аѳинянамъ объ организаціи Атталиды?

Наступаетъ лѣто 200 года. Въ началѣ его (можетъ быть, въ іюлѣ) происходитъ первое нападеніе Филиппа на Дѳоны и послѣдовавшее за нимъ опустошеніе Кипосарга, Ликей, вѣншяго Керамика; „ничто, ни божеское, ни человѣческое, не спаслось предъ необузданнымъ гнѣвомъ Филиппа“. Филиппъ пытался неожиданнымъ нападеніемъ захватить храмъ и крѣпость элевсинскую, но опъ вынужденъ отказаться отъ этого намѣренія, узнавъ, что Элевсинъ хорошо защищенъ и что туда направляется флотъ изъ Пирея. Филиппъ уходитъ сначала въ Мегару, потомъ въ Коринѳъ, наконецъ, на ахейское собраніе въ Аргосъ ²⁾).

За этимъ первымъ нападеніемъ Филиппа быстро слѣдуетъ второе, еще болѣе ужасное. По словамъ Ливія, погромъ Аттики прекратился не потому, что у царя стихъ гнѣвъ, а потому, что уже громить было нечего. Послѣ того Филиппъ удалился въ Віотію и „не совершилъ въ Греціи чего-либо другого, достойнаго упоминанія“ ³⁾).

Двоекратное нападеніе Филиппа на Дѳоны всѣми учеными, насколько я знаю, относится къ 200 году ⁴⁾). Разъ всѣ согласны въ томъ, что оно случилось дѣйствительно въ 200 году, необходимо, кажется мнѣ, признать, что оно могло имѣть мѣсто только *лѣтомъ* 200 года. Иначе трудно согласовать съ нимъ то, что Ливійъ рассказываетъ о враждебной демонстраціи аѳинянь противъ Филиппа и Македоніи (XXXI, 44). Ливійъ говоритъ: „флотъ изъ Керкиры, въ началѣ того же *лѣта* (eiusdem principio aestatis), отправившійся подъ командою легата Л. Апустія . . . соединился съ царемъ Атталомъ. *Тогда-то* аѳинское государство, пенавиеть котораго противъ Филиппа сдерживалась въ теченіе долгаго времени только страха ради, излило ее всю на него въ надеждѣ на прибывшую помощь... Немедленно было виссено предложеніе, принятое народомъ, чтобы всѣ статуи и изображенія Филиппа, надписи на нихъ, а также изображенія его предковъ, въ мужскомъ и женскомъ поколѣніи, были уничтожены и разрушены; чтобы празднества, жертвоприношенія, жрецы, въ честь его и его предковъ установленные, были упразднены; чтобы тѣ мѣста, гдѣ что-либо было поставлено или написано въ ихъ честь, были преданы проклятію; чтобы

¹⁾ Первый годъ и т. д., стр. 129.

²⁾ Тамъ же, стр. 130 сл.

³⁾ Тамъ же, стр. 133 сл.

⁴⁾ Ср. Мо м з е н ь, Римская исторія I, стр. 700. русск. пер. Hertzberg, Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer I, p. 62. H n e, Römische Geschichte III, p. 21 сл. Н о l m, Griechische Geschichte IV, p. 439.

на нихъ никогда впослѣдствіи нельзя было воздвигать и посвящать ничего, что требуетъ чистаго мѣста; чтобы государственные жрецы, всякій разъ, когда они будутъ возносить молитвы за аѳинскій народъ, его союзниковъ и ихъ войска и флоты, всякій же разъ проклинали бы и заклинали Филиппа, его дѣтей, его царство, македонскія сухопутныя и морскія силы, все племя и имя македонянъ. Прибавлено было къ декрету: если кто-либо впослѣдствіи предложитъ что-либо, относящееся къ безчестию и стыду Филиппа, народъ аѳинскій долженъ все это утвердить. А если кто скажетъ или сдѣлаетъ что-либо въ его честь, справедливо поступитъ тотъ, кто его убьетъ. Наконецъ, включено было въ декретъ, чтобы все тѣ постановленія, которыя нѣкогда были изданы противъ Писистратидовъ, имѣли бы силу и по отношенію къ Филиппу“ (Liv. XXXI, 44, 4—8). В. А. Шефферъ (ук. соч., стр. 424) совершенно справедливо указываетъ, что „противъ этого взрыва ненависти не могли устоять и обѣ македонскія филы“. Уничтоженіе Антигониды и Димитриады, думается мнѣ, и случилось въ средній лѣтъ 200 года ¹⁾.

Теперь, когда съ Македоніей произошелъ окончательный разрывъ и Филиппъ „не совершилъ въ Греціи чего-либо другого, достойнаго упоминанія“, а слѣдовательно и прекратилъ свои набѣги на Аѳины, послѣднія вздохнули свободнѣе. Теперь аѳиняне могли обратиться къ организаціи Атталиды, проектъ учрежденія которой былъ составленъ, какъ мы видѣли выше, полгода тому назадъ; повторю опять, что проектъ этотъ могъ „пролежать подъ сукномъ“ такъ долго потому, что аѳинянамъ некогда было думать о приведеніи его въ исполненіе. Ливій, рассказавъ о враждебной демонстраціи аѳинянъ противъ Филиппа, продолжаетъ: „Attalus Romanique cum Piraeum primo ab Hermione petissent, paucos ibi morati dies oneratique aequae immodicis ad honores sociorum, atque in iram adversus hostem fuerant, Atheniensium decretis navigant a Piraeo Andrum“ (XXXI, 45, 1—2). Быть можетъ, въ числѣ этихъ „immodica ad honores sociorum decreta“ былъ и декретъ о

¹⁾ Отмѣна Антигониды и Димитриады и учрежденіе Атталиды всеми исследователями относится къ 200 году: ср. Gilbert, Handbuch der griechischen Staatsalterthümer I, p. 222 сл. Vissot, Die griechischen Staats- und Rechtsaltertümer², p. 192. Toppfer, Pauly-Wissowa RE. I 2405. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten I⁶, p. 775 (относительно Атталиды). Разъ все согласны въ томъ, что эти факты имѣли мѣсто въ 200 году, необходимо, исходя изъ Ливія, относить ихъ, какъ и указываю, къ лѣту этого года. Если факты 200 года мною распределены неправильно, то, въ такомъ случаѣ, придется перемѣщать все событія съ лѣта 200 года на лѣто 199 года, что ведетъ къ страшной путаницѣ (ср. Первый годъ и т. д., стр. 143).

приведеніи въ исполненіе прежняго проекта касательно учрежденія Атталиды.

Въ связи съ отмѣною македонскихъ филъ и учрежденіемъ Атталиды стоитъ изданіе афинскимъ правительствомъ любопытной надписи, СГА II 991, представляющей собою остатокъ списка димовъ по филамъ. Надпись эта (и имѣлъ уже случай касаться ея выше) дошла до насъ въ самомъ печальномъ состояніи. Келлеръ, издавая ее въ СГА, замѣчаетъ: *superficies lapidis nunc ita comparata est, ut in dies magis evanescant, quae in ea quondam scripta fuerunt*. Новѣйшій изслѣдователь надписи, Р. Х. Лёперъ, говоритъ о ней: „надпись эта, къ сожалѣнію, плохо сохранившаяся, и не цѣлая, заключала въ себѣ единственный въ своемъ родѣ и неизвѣстно, для какой цѣли составленный, списокъ по филамъ димовъ, вѣроятно, одиннадцати филъ. Вопли въ списокъ почему-то не все димы каждой филы“¹⁾. Р. Х. Лёперъ сообщаетъ мнѣ, и это особенно для насъ важно, что съ лѣвой стороны камень цѣлъ, такъ что надпись, дѣйствительно, начиналась съ перечисленія димовъ Эрехоиды. Верхняя, нижняя и правая части камня обломаны. Надпись составлена, несомнѣнно, послѣ отмѣны македонскихъ филъ. Доказательствомъ этого служить то, что въ надписи димы, принадлежавшіе македонскимъ филамъ, являются теперь приписанными къ ихъ прежнимъ филамъ²⁾. (Съ другой стороны выходитъ, что надпись СГА II 991 составлена въ то время, когда еще не произошло окончательной организаціи Атталиды. Въ списокѣ димовъ Эрехоиды мы находимъ, какъ выше упомянуто, обѣ Агрилы, между тѣмъ одна изъ нихъ отошла въ Атталиду; въ списокѣ димовъ Эгиды стоятъ обѣ Анкилы, а одна изъ нихъ позже является димомъ Атталиды; въ списокѣ димовъ Пандіониды названъ [Προφῆ|ἀλ|ειδος] (на камнѣ сохранилось)ΚΑΑ), отошедшій въ Атталиду. Итакъ, выходитъ, что въ надписи СГА II 991 названы были димы только 11 филъ³⁾).

Назначеніе надписи предугадало отчасти В. А. Шефферомъ. Это

¹⁾ Ж. М. Н. II. 1891, дек., стр. 92. Ath. Mitt. XVII, p. 339.

²⁾ Такъ, въ списокѣ димовъ Эрехоиды и Эгиды стоятъ, вѣроятно, обѣ Агрилы и обѣ Анкилы, а въ эпоху существованія македонскихъ филъ, одна изъ Агрилъ и одна изъ Анкилъ принадлежали Антигонидѣ; точно также въ списокѣ димовъ Эрехоиды находимъ оба дима Αγροπράι, а одинъ изъ нихъ до того принадлежалъ Антигонидѣ; въ Эгиду попала уже Δόρα[ει], димъ, принадлежавшій Антигонидѣ. То же самое надо сказать и относительно димовъ Βατῆ и Γαργαρεῖς.

³⁾ Быть можетъ, скажетъ кто-нибудь, что въ надписи могли быть названы и димы Атталиды, ибо кто поручится, что димы Ἀγρολλῆ, Ἀγρολλῆ и Προφῆ|ειδος вошли въ составъ Атталиды тотчасъ же послѣ ея образованія, а не спустя нѣкоторое время? Мнѣ эта возможность кажется, однако, очень мало вѣроятной.

быль, говоритъ онъ (ук. соч., стр. 427), „официальный документъ, представленный для пользованія публѣки немедленно по отмѣнѣ Антигониды и Димитриады: прошло болѣе столѣтія со времени ихъ учрежденія, и только путемъ тщательнаго изученія актовъ можно было узнать, къ какой филѣ прежде принадлежали ихъ димы и въ ту пору должны были быть возвращены“. Пожалуй, такого рода документъ былъ необходимъ не только для аѣинской публѣки, но и для самого аѣинскаго правительства: и для него, при происходившей въ ту пору перемѣнѣ въ устройствѣ филѣ—отмѣна двухъ филѣ и учрежденіе вмѣсто нихъ одной новой — было далеко не лишнимъ имѣть подъ руками статистическій списокъ димовъ, составлявшихъ аѣинскую территорію. Въ Аѣинахъ были въ обычаѣ подобіе „каталоги“; вспомнимъ, хотя бы, списки архонтовъ и т. п.

Любопытно было бы опредѣлить, дѣйствительно-ли въ списокѣ CIA II 991 поименованы были всѣ димы. При печальномъ состояніи надписи, опредѣленно рѣшить этотъ вопросъ въ ту или иную сторону, конечно, будетъ дѣломъ рискованнымъ. Но все-таки нѣкоторыя соображенія, кажется мнѣ, скорѣе говорятъ въ пользу того, что въ списокѣ CIA II 991 названы были всѣ димы.

Возьмемъ списокъ димовъ Эрехоиды, который можетъ быть восстановленъ почти цѣлкомъ. Изъ ся димовъ не названы: *Ἀναχτοροῦς*, *Θηραχός* и *Κηφισία*. *Θηραχός*, какъ димъ Птолемаиды, исключается. Остается помѣстить димы *Ἀναχτοροῦς* и *Κηφισία*. Р. Х. Лёперъ (Ath. Mitt. XVII, p. 348) помѣщаетъ *Ἀναχτοροῦς* между нижней Агрилой и верхнимъ Ламптрами: „die Spuren des Oberteiles eines ρ an der Stelle des sechsten Buchstabens glaubte ich noch am Steine erkennen zu können“ (ср. Ж. М. П. П. 1893, февр., стр. 94 сл.). Хотя въ копіи CIA вовсе нѣтъ упоминанія объ этой строкѣ съ остатками ρ, но я охотно вѣрю Р. Х. Лёперу, имѣвшему возможность изучать надпись въ оригиналѣ. Но куда помѣщать Кифисію? Мнѣ думается, только наверхъ, въ 4-ую строку, такъ какъ за послѣднимъ димомъ Эрехоиды, *Φηγῶς*, слѣдуетъ ясно перечисленіе димовъ Эгиды¹⁾. Тогда въ 3-ей

¹⁾ Правда, если помѣщать Кифисію въ 4-ю строку, тогда нарушается система расположенія димовъ по третіямъ въ CIA II 991, которую желаетъ установить Р. Х. Лёперъ. Но, быть можетъ, Р. Х. Лёперъ увлекается въ общей оцѣнкѣ этого списка. Ср. замѣчанія Милыхёфера, Ath. Mitt. XVIII, p. 290 сл.: hier sei nur bemerkt, dass die Auswahl von Demeen, welche wir darin für die ersten fünf Phylen ganz oder bruchstückweise besitzen, zwar regelmässig mit städtischen anhebt, in Bezug auf die Paralia und Mesogaia aber entweder keine konstante Reihenfolge wahrht oder bisweilen eine dieser Landschaften überhaupt vernachlässigt.

ΚΥΑΘΝΕΙΟΝ ΑΓΟΣ Η ΑΘΗΝΑΙΩΝ ΠΟΛΙΤΕΙΑ.

А. Щукарева.

Первыя главы знаменитаго трактата Ἀθηναίων πολιτεία, приписываемаго Аристотелю, уже давно служатъ предметомъ различныхъ споровъ и сомнѣній. Въ особенности много поводовъ къ послѣднимъ даетъ четвертая глава, излагающая государственную реформу, произведенную Драконтомъ, и являющаяся не только совершенною новостью, но и находящаяся въ прямомъ противорѣчій со взглядомъ на Драконта самого же Аристотеля, высказываемымъ въ „Политикѣ“¹⁾. Ученые до сихъ поръ не пришли къ соглашенію относительно того, принимать или не принимать извѣстія о государственномъ устройствѣ, приписываемомъ этою главою Драконту; считать-ли эту главу интегральною частью трактата, входившею въ первоначальный планъ автора, или внесенною имъ самимъ, но позже, въ свой авторскій экземпляръ, или, наконецъ, интерполяціей болѣе поздняго происхожденія. Въ виду превосходныхъ литературныхъ обзоровъ всего вопроса, принадлежащихъ русскимъ ученымъ, В. П. Бузескулу и В. А. Шефферу²⁾, мы

¹⁾ Pol. II, 9(12), 9, p. 127a. Весь конецъ второй книги, трактующій о знаменитыхъ законодателяхъ древности, среди котораго находится противорѣчіи Ἀθ. πολ. наскалъ о Драконтѣ: Δράκωντος δὲ νόμοι μὲν εἰσι, πολιτεία δ' ἀπαρροβήθη τοῖς νόμοις εἶργον и т. д., заподозрѣвъ въ своей подлинности уже давно большинствомъ специалистовъ по Аристотелю. О. О. Соколовъ въ своемъ курсѣ, однако, цитируетъ обыкновенно извѣстія этой главы о Харондѣ и Залевкѣ, какъ аристотелевскія (напр., въ изданіи 1880—81 г., стр. 207).

²⁾ В. П. Бузескулъ, Вопросъ о новооткрытой Ἀθηναίων πολιτεία. Ж. М. Н. П., 1892—93 (и отдѣльно, С.-Петербургъ, 1893). В. А. Шефферъ, Bericht über die im Jahre 1891 und der ersten Hälfte des Jahres 1892 erschienene Litteratur zu Aristoteles Ἀθηναίων πολιτεία. Вугсап-Міттер's Jahresbericht, 1893, 1. 2. Продолженіемъ этого отчета могутъ считаться рецензіи на различныя, позже вышедшія, сочиненія, печатаемыя В. А. Шефферомъ, какъ матеріалъ для будущаго отчета въ Berl. Philolog. Wochen-schrift 1893—94 гг.; ср. его же Афоризмы и замѣтки къ Афинской политіи Аристотеля (по поводу соч. фонъ-Вилламовица-Мёллendorфа, Aristoteles und Athen, Berlin,

строкъ стояло обозначеніе филы, а въ 2-хъ первыхъ прескрипты. Итакъ, въ Эрехоидѣ были названы всѣ димы. По моему расчету вышло, что и димы филы Эгіиды, Пандіониды, Леонтиды и Птолемаиды были названы всѣ. Расчетъ этотъ я произвелъ слѣдующимъ образомъ: я представилъ себѣ надпись всю, цѣликомъ сохранившуюся (тогда выходитъ, что въ каждомъ столбцѣ было 42 строки) и въ свободныя мѣста сталъ вписывать неназванные димы. Если, такимъ образомъ, вписать всѣ димы Эгіиды, Пандіониды²⁾, Леонтиды и Птолемаиды, то получится, что перечисленіе димовъ одной филы непосредственно примыкаетъ къ перечисленію димовъ слѣдующей за ней филы. Выписывать весь этотъ расчетъ здѣсь заняло бы слишкомъ много мѣста. Къ тому же, признавая вполне искусственность подобнаго расчета, я не могу претендовать на его непреложную истину.

Послѣ этого длиннаго отступленія я возвращаюсь къ Атталидѣ. Она заняла послѣднее т. е. XII-ое мѣсто въ ряду аттическихъ филъ. Вотъ сопоставленіе документовъ, въ которыхъ упоминаются димы Атталиды:

СИА II 444 (16^{1/3}, Nomolle, Bull. de corr. hell. XVII, p. 164), почетное постановленіе въ честь побѣдителей на Θисіяхъ: . . . τῶν ἐπιλέκτων ἐνανδρία. φιλὴ ἐνίχα Ἄτ[τ]αλίδ[ε]ς [τὰ]ἱαρχοῦντος Ἀρχαίου [τοῦ] Ἀσκλά[π]ωνος Ἀτηνέως.

СИА II 446 (15^{6/5}), почетное постановленіе въ честь побѣдителей на Θисіяхъ: . . . τῶν ἐπιλέκτων ἐνανδρία. φιλὴ ἐνίχα Ἄτταλίδ[ε]ς τὰἱαρχοῦντος [Τι]μοκλέους τοῦ Τιμοκλέους Ἀ[γ]ουσίω.

Далѣе слѣдуютъ эфвическіе документы:

СИА II 469 (12^{2/1}): Ἀθμονέως (2), Προβαλίσιος (3), Ἀπολλων[ιεύς] (1), Ἀγκυλῆθεν (1), Σουμιεύς (1).

СИА II 470 (10^{7/6}): Σουμιεύς (2), Ἀθμονέως (1), Ἀτηνέως (2), Ἀγρουλῆθεν (1), Προβαλίσιος (1).

СИА II 465 (10^{3/2}): Προβαλίσιος (2), Ἀπολλωνιεύς (1), Ἀτηνέως (1), Ἀθμονέως (1).

СИА II 467 (10^{1/6}): Σουμιεύς (1), Τηρμείδης (2), Ἀθμονέως (1), Κορυθαλ(λεύς) (1), Τρινεμε(εύς) (1).

СИА II 481 (втор. полов. I в. до Р. X.): Σουμιεύς (2).

СИА II 483: Προβαλίσι[ος] (1), Ἀτηνέως (2).

Ср. СИА II 426 (II в. до Р. X.), обломок почетнаго постановленія въ честь притановъ Атталиды; ихъ секретарь: Εὐ[βω]λος Προ[β]α[λ]ίσιος.

²⁾ Списокъ Пандіониды могъ начинаться еще въ I столбцѣ, ср. Loeper, Ath. Mitt. XVII, p. 373.

считаемъ себя освобожденными отъ обязанности перечислять имена русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, высказывавшихся публично по этому вопросу ¹⁾, тѣмъ болѣе, что вопросъ о Драконтѣ и его законодательствѣ интересуеть насъ въ настоящемъ случаѣ лишь какъ побочный, связанный съ болѣе общимъ вопросомъ о расположеніи матеріала въ первыхъ главахъ трактата вообще, и въ частности вопросомъ о томъ, чтò излагалось въ первой главѣ (по условному дѣленію Kenіона), отъ которой до насъ дошелъ только конецъ, начинающійся съ середины фразы: — — Μύρωνος καὶ ἱερῶν ὁμόσαντες ἀριστίνδην. Καταγνωσθέντος δὲ τοῦ ἄγρου [αὐτοῖ] ²⁾ μὲν ἐκ τῶν τάφων ἐξεβλήθησαν. τὸ δὲ γένος αὐτῶν ἔφουγεν ἀειφυγίαν. Ἐπιμενίδης δ' ὁ Κρήης ἐπὶ τούτοις ἐκάθηρε τὴν πόλιν.

Одного взгляда на эти слова достаточно для того, чтобы понять, что здѣсь рѣчь идетъ о судѣ надъ алкмеонідами, виновными въ противозаконномъ и нечестивомъ избіеніи у алтарей приверженцевъ Киллопа, послѣ неудачной попытки этого послѣдняго завладѣть акрополемъ аонскимъ. Судъ этотъ, какъ явствуетъ изъ обстоятельнаго изложеніи Плутарха (Solon. XII), происходилъ спустя много времени послѣ самаго аттентата Киллона. Такъ какъ это послѣднее обстоятельство для насъ особенно важно, то мы позволимъ себѣ прослѣдить подробно контекстъ Плутарха. Въ предшествующихъ главахъ порядокъ разсказа таковъ. Въ одиннадцатой упоминается о священной войнѣ, относимой обыкновенно къ 590 году. Глава XII-ая начинается такъ: „килоповское нечестіе уже издавна (ἐκ πολλοῦ) производило смуты въ городѣ, съ тѣхъ поръ какъ Мегаклъ архонтъ убѣдилъ сойти умоляющихъ богиню на условіи суда...“ Но Мегаклъ съ товарищами перебили ихъ и, въ томъ числѣ, нѣкоторыхъ у алтарей. „Съ этихъ-то поръ они названы „оскверненными“ (ἐναγεῖς) и стали ненавидимы. Оставшіеся же въ живыхъ килоповцы снова приобрѣли силу и постоянно враждовали съ потомками Мегакла (στασιάζοντες

1893), Филол. Обзор. VII, I, стр. 47 сл. Вообще съ удовольствіемъ можемъ сказать, что Ἀθηναίων πολιτεία заинтересовала русскихъ филологовъ и историковъ ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ ученыхъ любой другой страны, не исключая многочисленныхъ нѣмцевъ. Уже появившіеся до сихъ поръ русскіе труды, вызванные находкой трактата, или касающіеся вопросовъ, находящихся съ нимъ въ связи, не менѣе важны, чѣмъ работы на другихъ языкахъ.

¹⁾ Мы прибавимъ здѣсь только, что Θ. Θ. Соколовъ, какъ въ своихъ курсахъ, такъ и въ рефератѣ, читанномъ въ Императорскомъ Русскомъ Археологическомъ Обществѣ въ 1893 году, присоединяется къ мнѣнію тѣхъ, которые считаютъ описываемое въ I-й главѣ устройство дѣйствительно драконтовскимъ.

²⁾ Поправка Кирхгофа вмѣсто прежняго чтенія [αὐτοῖ] необходима потому, что иначе слѣдовало бы сказать αὐ μὲν αὐτοῖ.

Надписи императорской эпохи:

СИА III 1276 (время Августы), recensus Amyndridarum: Ἀτταλίδης, Ἀθμονεῖς (3), Σοωνεῖς (3), Ἀπολλωνεῖς (1).

Ἐφημ. Ἀρχαιολ. 1890, p. 113 сл., обломокъ списка притановъ Атталиды (перв. полов. II в. по Р. X.): Ἀθμο(νεῖς) (1), Σοωνεῖς (1).

СИА III 1040, почетное постановление въ честь притановъ Атталиды (ок. 180): Σοωνεῖς (16), Ἀγγυρόσιος (3), Τυρμεῖδαι (2), Ἀθμονεῖς (18), Κορροῦδα[λ]λ[εῖς] (1), Π[ρ]ο[β]αλί[σ]τοι (1).

СИА III 1055, обломокъ документа, подобнаго предыдущему (нач. III в. по Р. X.): Ἀθμονεῖς.

СИА III 1058, обломокъ такого же содержания и того же времени: Ἀθμονεῖς (1), Προβαλίσιος (2).

Эфикические документы:

СИА III 1091 (83—96): Σοωνεῖς (2).

СИА III 1092 (ок. 100): Ἀγγυρόσιος (1), Ἀθμο(νεῖς) (2).

СИА III 1113 (140—150): Ἀγγυρόσιος (1), Σοωνεῖς (1).

СИА III 1120 (15⁰/₁): Ἀθμο(νεῖς) (1), Σοωνεῖς (1), Ἀγγυρόσιος (1), Ἀπολλωνεῖς (1).

СИА III 1121 (156): Σοωνεῖς (2), Κορροῦδαλλεῖς (1), Ἀθμο(νεῖς) (2), Τυρμ(εῖδης) (1).

СИА III 1128 (165): Οἰόθ(εν) (1), Σοωνεῖς (2), Ἀγγυρόσιος (1), Τυρμ(εῖδης) (1).

Ἐφημ. Ἀρχαιολ. 1893, p. 71 (ок. 16⁰/₇): Ἀθμονεῖς (2), Σοωνεῖς (2), Κορροῦδαλλεῖς (1)

СИА III 1133 (171): Ἀγγυρόσιος (3), Ἀθμονεῖς (1).

СИА III 1138 (17⁴/₅—17⁷/₅): Ἀθμο(νεῖς) (1), Σοωνεῖς (1), Κορροῦδαλλεῖς (1), Ἀγγυρόσιος (3), Τυρμ(εῖδης) (1), Οἰόθ(εν) (2).

СИА III 1147 (180—192): Ἀγγυρόσιος (4), Σοωνεῖς (1).

СИА III 1160 (19²/₃): Σοωνεῖς (1), Ἀγγυρόσιος (1), Ἀπολλωνεῖς (1).

СИА III 1163 (190—200): Ἀθμο(νεῖς) (2), Ἀγγυρόσιος (1).

СИА III 1171 (19⁷/₈—20⁷/₈): Ἀγγυρόσιος (2), Ἀθμονεῖς (1).

СИА III 1177 (21²/₃—22¹/₂): Οἰόθ(εν) (1), Χολαργ(εῖς) (1).

СИА III 1179 (послѣ 213): Σοωνεῖς (1).

Ср. Ἀθήναιον VII (1878), p. 390, обломокъ эфикическаго списка (нач. III в.): Ἀθμονεῖς (1).

Сопоставляю полученные димы Атталиды въ алфавитномъ порядкѣ:

1) Ἀγγύλη Па (ср. выше). Со времени образованія Атталиды одна

ἀεὶ διετέλουσιν πρὸς τοὺς ἀπὸ τοῦ Μεγακλέους). Тогда же (ἐν δὲ τῷ τότε χρόνῳ, т.-е. въ эпоху, непосредственно предшествующую законодательной дѣятельности Солона), когда распри партій достигли своего апогея и народъ раздѣлился на нѣсколько враждебныхъ лагерей, Солонъ, уже составившій себѣ имя..., убѣдилъ такъ называемыхъ „оскверненныхъ“ подвергнуться суду и судиться передъ трибуналомъ трехсотъ гражданъ, избранныхъ по знатности рода (ἀριστιγῶν). Обвинителемъ явился Миронъ изъ Флїи. Они были обвинены и живые изгнаны, а трупы умершихъ были вырты и выброшены за предѣлы Аттики ¹⁾. Последняя тирада до такой степени близка къ фрагментированному началу нашего трактата, что можно, думается намъ, съ достаточной дозой вѣроятїи даже нѣсколько реставрировать пропавшее начало его въ такомъ, приблизительно, видѣ: [— — ἐδικάζων δὲ αὐτοὺς τριακόσιοι, κατηγοροῦντος] Μύρωνος, καθ' ἑρῶν ὀμώσαντες ἀριστιγῶν... и т. д. Мы не можемъ похвастаться, конечно, что мы первые обратили вниманїе на такое совпаденїе оборваннаго начала нашего трактата съ XII главою плутарховской бїографїи Солона. Последняя цитировалась въ подстрочныхъ примѣчанїяхъ Кенїона къ началу трактата, кажется, уже въ первомъ изданїи. Правда, въ первое время послѣ находки трактата обыкновенно говорили, что онъ начинается разсказомъ о килоновскомъ покушенїи и что это событїе разсказано въ немъ раньше, чѣмъ законодательство Драконта, такъ что трактатъ блестяще подтверждаетъ гипотезу Бузольта ²⁾, доказывавшаго такую именно послѣдовательность этихъ событїй. Но Дильсъ уже въ 1891 году довольно энергично указалъ на то, что здѣсь говорится не о самомъ аттенатѣ Килона, а лишь о его довольно далекихъ послѣдствїяхъ ³⁾. Совершенно вѣрно говорить онъ, что между аттенатомъ и излагавшимся здѣсь судомъ должно полагать минимумъ одно поколѣнїе, т.-е. лѣтъ 35—40, въ теченїе которыхъ успѣли сойти въ могилу сами виновники и современники „печестїа“. Все дальнѣйшее изложенїе статьи Дильса, посвященной Эпимениду Критскому, самымъ убѣдительнымъ образомъ доказы-

¹⁾ Sol. XII... ἐν δὲ τῷ τότε χρόνῳ τῆς στάσεως ἀρχὴν λαβόντες μάλιστα καὶ τὸν δήμον διαστάντες, ἤδη ἄρξαν ἔχον ὁ Σόλων παρήλθεν εἰς μέσον ἄρα τοῖς ἀρίστοις τῶν Ἀθηναίων, καὶ δεύρωνος καὶ διδάσκων ἔπεισε τοὺς ἀναγὰς λεγομένους ἄλλα ὑποσχέσθαι καὶ κηθήσθαι τριακονταίων ἀριστιγῶν δικαζόμενον. Μύρωνος δὲ τοῦ Φιλῆος κατηγοροῦντος ἐβλήσαν οἱ ἄλλοι, καὶ μετίστασαν οἱ ζῶντες τῶν δ' ἀποθανόντων τοὺς νεκροὺς ἀνορύξαντες ἐξέρριψαν ὑπὲρ τοὺς ὄρους.

²⁾ Busolt, Griech. Gesch. II, p. 498² u p. 504 сл.

³⁾ Diefis, Ueber Epimenides von Kreta, Sitzungsber. Berl. Akad. 1891, I p. 387 сл.

изъ Анкилы находилась въ этой филѣ, другая оставалась въ Эгидѣ: СІА II 471. 470. 465. III 1091. 1092. Анкила Атталиды въ надписяхъ императорской эпохи не упоминается.

2) Ἀγροῖς Vc, ср. Steph. Byz. и Hesych. п. сл. Ἀγροῖς.

3) Ἀγρολή Ia, ср. Hesych. п. сл. Ἀγρολή. Одна изъ Агриль (по Мильхгёферу, Pauly-Wissowa, R. E., I 908 ὑπένερθεν) принадлежала Атталидѣ, другая оставалась въ прежней филѣ Эрехөидѣ: СІА II 469. III 1076. 1113. 1113a. Въ надписяхъ императорской эпохи Агрила Атталиды не встрѣчается ¹⁾.

4) Ἀθρονον VПс, ср. Hesych. п. сл. Ἀθρονεῖς: φολή τῆς Ἀθροῖδος Ἀθηναῖς. Быть можетъ, вмѣсто этого слѣдуетъ читать: φολῆς τῆς Ἀτταλίδος (какъ и Фиксъ) δῆμος (вм. δημότης, ср. у Иенхія же п. сл. Σουσιεύς: Σουσιῆς, δῆμος; Χολαργῆς: δῆμος φολῆς Ἀκαμαντίδος) ²⁾.

5) Ἀπολλωνεῖς, единственный димъ, вповь образованный для Атталиды, названъ по имени жены Аттала, Аполлоніи (или Аполлоіады), ср. Polyb. XXI, 20. Suidas п. сл. Ἀπολλωνιάς. Steph. Byz. п. сл. Ἀπολλωνεῖς. Hesych. п. сл. Ἀπολλωνεῖς (δῆμος τῆς Ἀττικῆς φολῆς. . . . Legendum igitur δῆμος τῆς Ἀττικῆς Ἀτταλίδος φολῆς, pro δ. φ. τ. Ἀττικῆς М. Шмидтъ, Hesych. Lexic. I, p. 250).

6) Ἀτήνη X b, ср. Steph. Byz. п. сл. Ἀτήνη: δῆμος τῆς Ἀντιχίδος φολῆς. Φρόνητος δὲ τῆς Ἀτταλίδος (рпш. Αἰολίδος) φησιν.

7) Κοροδαλλός VПa.

8) Οἶον VПa. Въ IV в. было два дима съ такимъ именемъ: димъ Леонтиды — Οἶον Δεκελειζόν и димъ Иппоонтиды — Οἶον Κεραμειζόν (Loefer, Ath. Mitt. XVII, p. 379 сл., ср., впрочемъ, замѣчанія Мильхгёфера, Ath. Mitt. XVIII, p. 301). Οἶον Атталиды взять былъ изъ Иппоонтиды, такъ какъ Οἶον Леонтиды встрѣчается въ этой филѣ и послѣ образованія пергамской филы: СІА II 1049. III 1231. 1076. 1092. 1093. 1113. 1114. 1120. 1121. 1124. 1132. 1133. 1138. 1142. 1145. 1160. 1176. 1177.

9) Πραβάλιθος III (b или c, ср. Milchhofer, Ath. Mitt. XVIII, p. 280).

10) Σόονον IVb, ср. Schol. Aristoph. Nub. 401.

11) Τρινεμεῖα. Въ IV в. этотъ димъ принадлежалъ Кекропидѣ. О принадлежности Тринемин Атталидѣ упоминается только въ СІА II 467,

¹⁾ Въ СІА II 467 . . . εἶδος Βακχίου Ἀγρολήθεν названъ эфивомъ Эгиды; эфѣвъ Ἀγρολήθεν написано, вѣроятно по опискѣ, вмѣсто Ἀγρολήθεν. Никакихъ другихъ данныхъ относительно существованія Агрилы въ Эгидѣ не имѣется.

²⁾ Поправка М. Шмидта (Hesychii Lexicon I, p. 61): δῆμος τῆς Ἀττικῆς Κεχροπίδος φολῆς далека отъ рукописнаго преданія.

ваетъ, что этого жреца-очистителя надо относить къ началу VI-го в. и считать современникомъ Солона. Главнымъ доводомъ Дильсу служить то, что теперь можно въ пользу такой датировки и противъ Платона, относящаго время жизни Эпименида къ эпохѣ, непосредственно предшествовавшей греко-персидскимъ войнамъ, привести авторитетъ Аристотеля. Но безусловное преклошеніе Дильса передъ Ἀθῆναίων πολιτεία, какъ передъ образцомъ стиля, изложенія и т. д., какъ передъ произведеніемъ глубоко стройнымъ и продуманнымъ въ цѣломъ и частяхъ, вредитъ ему и не позволяетъ сдѣлать необходимаго логическаго вывода изъ вѣрной посылки. Законодательство Драконта изложено въ трактатѣ послѣ суда надъ Алкмеонидами, и разсказъ о немъ вводится выраженіемъ: μετὰ δὲ ταῦτα (Ἀθ. πολ. IV), относимымъ Дильсомъ не къ изложенной въ III-й главѣ πρώτῃ πολιτεία, а къ дѣлу Килона, изложенному со всѣми его послѣдствіями, — слѣдовательно, Драконтъ почти современникъ Солона и Эпименида и его надо относить не къ 620-мъ годамъ, какъ это дѣлаютъ обыкновенно все, слѣдуя Евсевію-Иерониму, а къ самому концу вѣка, „отчего“, прибавляетъ Дильсъ, „станетъ понятию близость Эпименида къ Солону и все развитіе драконто-солонического законодательства“¹⁾. Рюль²⁾, П. Г. Випоградовъ³⁾, В. А. Шефферъ⁴⁾ и др. также указывали на то, что въ первой главѣ, начало которой утеряно, излагалось не только самое дѣло Килона, но и судъ надъ Алкмеонидами, имѣвшій мѣсто позже, и все-таки упомянутые ученые не дѣлали велѣдъ за этимъ, кажется, столь простаго и необходимаго дальнѣйшаго шага, не приходили къ выводу, долженствующему служить, по крайней мѣрѣ, лишнимъ доводомъ въ пользу взгляда большинства изъ нихъ.

Но прежде, чѣмъ указать на этотъ выводъ, какъущійся намъ столь естественнымъ—еще одно маленькое отступленіе. Не смотри на упомянутыя указанія, общій голосъ до сихъ поръ признаетъ, что гипотеза Бузольта блестяще подтверждается нашимъ трактатомъ, все увѣровали въ то, что аттенатъ Килона предшествовалъ законодательной дѣятельности Драконта, и, сообразно съ этимъ, передѣланы соотвѣтствующіе

¹⁾ Die Is., ук. ст., p. 388!... Da nun Drakon bei Aristoteles μετὰ ταῦτα gesetzt wird (wenn nicht über Myron und Epimenides vorgreifend berichtet war), kann man schwerlich diesen... Ol. 40. 1 = 620 ansetzen, sondern wird bis ans Ende des Jahrhunderts hinabgehen, wodurch des Epimenides Verbindung mit Solon und die ganze Entwicklung der Drakonisch-Solonischen Verfassung verständlicher wird.

²⁾ Rhein. Mus. 1891, p. 123.

³⁾ Филол. Обзор. III, 2, стр. 99 сл.

⁴⁾ Ibid., VII, 1, стр. 90 и сл.

гдѣ послѣднимъ эфивомъ Атталиды названъ: *Δημοφῶν Δημητρίου ΤΡΙΝΕΜΕ*. Есть основаніе сомнѣваться въ правильности этого чтенія. Дѣло въ томъ, что, и послѣ образованія Атталиды, димъ *Τρινεμεία* встрѣчается въ Кекропидѣ: CIA II 465. III 1037. 1100. Быть можетъ, вмѣсто *ΤΡΙΝΕΜΕ* слѣдуетъ читать *ΤΥΡΜΕΙ* ¹⁾).

12) *Τορμεῖδα* VIa.

13) *Χολαργός*. Въ эпоху 10-ти филъ *Χολαργός* принадлежалъ Акамантидѣ. И послѣ образованія Атталиды димъ этотъ упоминается во многихъ надписяхъ также въ качествѣ дима Акамантиды: CIA II 465. 956. III 1030. 1031. 1113 a. 1114. 1121. 1124. 1153. 1177. 1186. 1193. 1229. Въ виду этого, единственное упоминаніе о принадлежности Холарга Атталидѣ въ поздней надписи CIA III 1177 (нач. III в. по Р. X.), гдѣ эфивомъ названъ ибкій *Αἰ(ρήλιος) Σόφος Πειρέως Χολαργεύς*, приходится считать, вѣроятно, недоразумѣніемъ; тѣмъ болѣе, что и на камнѣ этотъ *δημοτικόν* въ CIA III 1177 имѣетъ странную форму **ΧΟΛΑΡΕ**.

14) *Οἰνόη* IXb, ср. Hesych. п. сл. *Οἶναι· οἱ μὲν τῆς Ἀτταλίδος* (поправка Скалигера, рки. *Ἰταλίας*), *οἱ δὲ τῆς Πτολεμαίδος φολῆς εἶναι*. Что Иноя перешла изъ Иппоонтиды въ Птолеманду, объ этомъ мы говорили выше. Относительно принадлежности *Οἰνόη* Атталидѣ подтвержденія въ эпиграфическихъ памятникахъ пока нѣтъ; но и *Οἰνόη* Эантиды въ надписяхъ послѣ 200 г. не встрѣчается. Диттенбергеръ (Hermes IX, p. 395), по моему, былъ правъ, предположивъ, что изъ Эантиды димъ *Οἰνόη* былъ перенесенъ въ Атталиду. Ниже мы увидимъ, что, при образованіи Адрианиды, въ эту филу взято было по одному диму изъ каждой изъ 12-ти филъ; если отрицать принадлежность Инои Атталидѣ, то выходитъ, что Атталίδα была единственною филою, не удѣлившею своего дима для Адрианиды.

Для образованія Атталиды взято было по одному диму изъ каждой клисѣновой филы, за исключеніемъ Иппоонтиды, которая дала

¹⁾ Диттенбергеръ, Hermes IX, p. 411 не соглашался на такое исправленіе. По поводу Тринемин онъ говоритъ: bei dieser Sachlage ist nicht zu entscheiden, ob der Demos etwa getheilt wurde, so dass der Haupttheil immer in der Kekropis blieb, oder ob der ganze Demos in die Attalis versetzt, aber zeitig der Kekropis zurückgegeben wurde, so dass es in der Kaiserzeit überhaupt nur in der Kekropis Trinemeser gab. Къ сожалѣнію, другихъ примѣровъ подобнаго дѣленія и странствованія димовъ изъ одной филы въ другую не имѣется. Eine dritte Möglichkeit, dass das einzige für Trinemea in der Attalis vorkommende Zeugnis auf einer Verwechslung zwischen einem *Τρινεμείας* und einem *Τορμεῖδας* beruhe, hat geringere Wahrscheinlichkeit, denn diese Demotiken sind sich doch bei weitem nicht so ähnlich, wie *Φηγαεός* und *Φηγαόσιος*, *Ἀγρολῆμεν* und *Ἀγκολῆμεν*, deren Verwechslung oben nachgewiesen ist.

отдѣлы всѣхъ извѣстныхъ намъ руководствъ и общихъ сочиненій по исторіи и древностямъ греческимъ¹⁾. Припомнимъ прежде доводы Бузольта, приведенные имъ въ первомъ изданіи его исторіи, до находки трактата. Во-1-хъ, олимпійская побѣда Килона, гордость которою играла столь рѣшительную роль въ выборѣ Килономъ Олимпій, какъ „величайшаго праздника Зевса“, для приведенія въ исполненіе своего плана, приходится по каталогу олимпіониковъ у Евсевія (ed. Schöne I, p. 198) на 640 годъ = Ол. XXXV, 1. Во-2-хъ, все предпріятіе Килона является въ разсказѣ Геродота „дѣломъ юношескаго увлеченія — eine That jugendlichen Ueber- und Hochmutes, — что въ особенности замѣтно въ выраженіи его (V, 71): *ὄψτος ἐπὶ ταραχῇδι ἐχόρησε, προσποιεσάμενος δὲ ἐταιρητῆρ τῶν ἡλικιωτέων* и т. д. Изъ этихъ двухъ положеній естественный выводъ, что заговоръ приходится на одинъ изъ ближайшихъ олимпійскихъ годовъ, т. е. 636, 632 и т. д. Что попытка Килона не опиралась на глухое недовольство народа пресловутой строгостью законовъ Драконта (какъ думали, напр., Дункеръ и Германъ) и, слѣдовательно, можетъ относиться къ болѣе ранней эпохѣ, Бузольтъ доказывалъ косвенно тѣмъ, что народъ, по разсказу Фукидида (I, 126), при первомъ извѣстіи о захватѣ акрополя, тотчасъ же послѣшилъ изъ всей Аттики въ городъ и сталъ осаждать занятый заговорщиками акрополь. Этого единодушія не было бы, если бы народъ тяготился тогда подъ бременемъ „кровавыхъ законовъ“. Опъ тотчасъ сталъ бы за тираппа, какъ это было въ ту самую эпоху во многихъ пелопоннескихъ городахъ.

Таковы убѣдительные доводы Бузольта, и мы вполне признаемъ ихъ силу. Но, спрашивается, нашли-ли они себѣ подтвержденіе въ *Ἀθηναίων πολιτεία*? По нашему убѣжденію, этого пиконимъ образомъ нельзя утверждать. Нашъ источникъ не говоритъ ни за ни противъ доводовъ Бузольта. Это-то мы и желали поставить на видъ въ настоящей статьѣ.

¹⁾ Busoll, Griech. Altertümer² (=J. w. Müller's Handbuch IV, 1²), p. 135 и прим. 5-е, гдѣ Бузольтъ, ссылаясь на первое изданіе своей Griech. Gesch. I, p. 505, замѣчаетъ: «diese der gewöhnlichen Annahme widersprechende Datierung ist durch Aristot. *Ἀθην. πολ.* I bestätigt worden. Hermann, Staatsaltertümer³, p. 344. E. Meyer, Gesch. des Altertums II (1893), § 399, прим. (p. 639). Beloch, Griech. Gesch. I (1893), p. 322. Въ редактированномъ мною 6-мъ изданіи учебника Исторія Греціи и Рима, Я. Г. Гуревича, я также помѣстивъ Килона до Драконта, повторивъ вкратцѣ доводы Бузольта, по сдѣлавъ это не потому, что ихъ подтверждаетъ *Ἀθηναίων πολιτεία*, а именно вѣдѣвіе вѣрности ихъ самихъ. Специальное послѣдованіе Wright, The date of Cylon, Boston, 1892, приходящее тоже къ тому, что трактатъ подтверждаетъ Бузольта, я знаю только по рецензіямъ.

въ Атталиду два дима—*Κορυδαλλός* и *Οἶον*, оба принадлежавшіе городскому округу ¹⁾. Городской округъ дати для Атталиды 5 димовъ, береговой 4 (3), средншій 2 (3) (ср. выше о димѣ *Προβύλιθος*). Надо замѣтить также, что въ число 11-ти димовъ Атталиды вошло 4 дима (*Ἀγρολή, Ἀγροῖς, Ἀγρόλη, Ἀτῆγι*), принадлежавшихъ въ свое время македонскимъ филамъ.

Самыми населенными димами Атталиды оказываются: *Σόβριον, Ἄδριον* и *Ἀγροῖς*, менѣе всего населенными—*Ἀγρόλη* и *Ἀγρολή*.

Время образования Адрианиды, филы, учрежденной въ честь императора Адриана, приурочивается обыкновенно къ одному изъ пребываній Адриана въ Аониахъ, скорѣе ко второму, чѣмъ къ первому ²⁾.

Исследовать подробно не разъ разбирающуюся хронологию путешествій Адриана по Греціи и время пребыванія его въ Аониахъ, потребовало бы много времени, еще болѣе мѣста. Но кетати, быть можетъ, будетъ указать на то, что для рѣшенія этого вопроса далеко не послѣднее значеніе имѣють теперь двѣ эпидаврійскія надписи, изданныя Каввадією въ его „*Fouilles d'Épidaure*“ (Athènes, 1893), №№ 226 и 35, и разобранныя имъ въ указанной въ примѣчаніи статьѣ. На основаніи первой изъ этихъ надписей (ср. Gardthausen, *Rhein. Mus.* 1890, p. 658) оказывается, что первое пребываніе Адриана въ Греціи имѣло мѣсто не въ 12⁵/₆ г., какъ вывелъ Дюрръ (*Die Reisen des Kaisers Hadrian, Wien, 1881*), а въ 124 г., какъ предполагалъ Диттенбергеръ (*СІА III 735*). Въстѣ съ тѣмъ оказывается, что посвященіе храма Зевса Олимпійскаго и учрежденіе Панеллиніа неудобно приурочивать ко времени второго путешествія Адриана по Греціи, т.-е. къ 129 году (по Дюрру). На основаніи второй изъ указанныхъ надписей, поставленной въ связь съ первою, выходитъ, что эти событія произошли въ 131 году. Предположеніе Каввадіи (*Δελτ. Ἀρχαιολ.* 1892, p. 117), что посвященіе храма Зевса Олимпійскаго и учрежденіе Панеллиніа случилось въ присутствіи въ Аониахъ самого Адриана, вполнѣ правдоподобно. А это ведетъ къ тому, что Адрианъ былъ въ Аониахъ и въ третій разъ въ 131 году, какъ предполагали въ свое время Гаакъ и Флеммеръ (*Pauly, R. E. III 1033*). Принимая во вниманіе все это, равно какъ и соображенія В. А. Шеффера (ук. соч., стр. 428 сл.), учрежденіе Адрианиды, думается мнѣ, могло произойти *между 129—131 годами*.

¹⁾ Быть можетъ, Иппоонтида дала два дима въ пергамскую филу вмѣстѣ Штолеманды, которую, какъ недавно образованную, не хотѣли трогать.

²⁾ В. А. Шефферъ, ук. соч., стр. 427 сл. Ср. *Καββάδιος, Περί τῆς ἐπιδηρίας τοῦ Ἀδριανοῦ εἰς τὴν Ἐλλάδα καὶ τῆς καθιερωσεως τοῦ Ὀλυμπείου, Δελτ. Ἀρχαιολ.* 1892, p. 113 сл.

Мы уже видѣли, что отрывокъ, составляющій первую главу по общепринятому дѣленію, трактуеть не о заговорѣ Килона, а о судѣ надъ Алкмеонидами, приходящемся на эпоху дѣятельности Солона и бывшемъ лишь однимъ изъ позднихъ послѣдствій заговора. Судъ этотъ былъ, очевидно, рассказанъ съ тою же подробностью, какъ мы видимъ это у Плутарха, и нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній утверждать, что о немъ было упомянуто лишь въ добавочныхъ фразахъ къ подробному изложенію килоноваго дѣла. Ускорбе, подобно тому, какъ и у Плутарха, это мѣсто служило началомъ изложенія дѣятельности Солона, который, въ качествѣ протата народа, уже упоминается въ слѣдующей второй главѣ, непосредственно примыкающей по содержанию къ первой и излагающей гражданскія смуты, предшествовавшія собственно законодательной дѣятельности Солона. Она начинается словами: Μετὰ δὲ ταῦτα συνέζη σπασιάσαι τὸς τε γυφρίμους καὶ τὸ πλῆθος πολλὸν χρόνον... Это, конечно, та самая σπασίαι, которая упоминается въ гл. XII, какъ предшествовавшая законодательству Солона. Расположеніе матеріала, слѣдовательно, здѣсь то же самое, что и у Плутарха, у котораго въ XII-й главѣ, послѣ суда надъ Алкмеонидами (и эпизодическаго упоминанія о потерѣ Саламина), рассказывается объ Энименидѣ, а въ XIII-й—о σπασίαι, съ нѣкоторыми отсутствующими въ 'Αθ. πολ. подробностями, но въ общемъ съ несомнѣнными совпаденіями, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Изъ этого, по нашему мнѣнію, несомнѣнно слѣдуетъ, что III и IV главы трактата, повѣствующія о древнемъ государственномъ устройствѣ (τῆς ἀρχαίας πολιτείας τῆς πρὸ Δράκωντος) и о реформѣ Драконта, раздѣляются не рассказъ о Килонѣ отъ рассказа о Солонѣ, продолжающагося съ V-й главы, а вторгаются въ самый рассказъ о дѣятельности этого послѣдняго, расположенный въ томъ же порядкѣ, какъ и у Плутарха, отрѣзывая его начало отъ остальной, главной части. Оставляя совершенно въ сторонѣ цѣлность и протехожденіе свѣдѣній, заключающихся въ этихъ главахъ, нельзя не признать, что они находятся не на своемъ мѣстѣ и разрываютъ правильно текущій историческій рассказъ. Что это такъ, думается намъ, лучше всего доказывается той спайкой, представляющей ремнищенцію изъ второй главы, и совершенно не связанною ни грамматически, ни логически съ непосредственно ей предшествующей фразой, которая заключаетъ четвертую главу. Чтобы избавить читателя отъ необходимости раскрывать на этомъ мѣстѣ 'Αθηναίων πολιτεία, я приведу ее вмѣстѣ съ послѣднимъ отдѣломъ

Адріанида заняла седьмое, среднее, мѣсто въ ряду аттическихъ филь.

Сопоставляю надписи, гдѣ упоминаются димы, вошедшіе въ составъ Адріаниды:

СІА III 1041 (ок. 160), списокъ притановъ Адріаниды: Ἐλεούσιοι, Ὀαθῆν.

СІА III 1113 (14^{3/4}): Βησα(εύς) (3).

СІА III 1113 a (14^{4/5}): Ἰταῖος (2), Βησαεύς (2), Ἀφιδ(ναῖος) (1), Ἀντινο(εύς) (1), Οἰναῖος (1).

СІА III 1114 (147): Παμβωτάδης (1), Τριχο(ρύσιος) (1), Ὀα(θῆν) (1), Ἀντινοεύς (1), Φηγυ(όσιος) (1), Βησα(εύς) (1), Φηγ(αεύς) (1).

СІА III 1120 (15^{1/2}): Ἐ[λαιούσιοι] (1), Οἰ[ναῖος] (1).

СІА III 1121 (156): Τριχο(ρύσιος) (3), Βησα(εύς) (3), Παμβωτάδης (1), Δαιδ(αλίδης) (1), Ἀντι(νοεύς) (2).

СІА III 1124 (150—160): Βη(σαеуς) (2).

СІА III 1128 (165): Δαιδ(αλίδης) (1), Ἰταῖος (1), Σκαμβ(ωνίδης) (1), Βησα(εύς) (2), Θриа(σιος) (1), Ὀαθῆν (1).

СІА III 1133 (171): Ἐλε(ούσιος) (1), Δαιδ(αλίδης) (2).

СІА III 1137 (172—7): Παμβω(τάδης) (1), Φηγγ(αеуς) (1).

СІА III 1142 (ок. 188): Φηг(αеуς) (1), Τριχο(ρύσιος) (1).

СІА III 1153 (ок. 190): Βησα(εύς) (2), Οἰν(αῖος) (4), Φηγγ(αеуς) (1), Ὀαθ(ῆν) (1).

СІА III 1160 (19^{2/3}): Βησα(εуς) (3), Φηγγ(αеуς) (2), Ὀαθ(ῆν) (1), Ἀφιδ(ναῖος) (1).

СІА III 1163 (190—200): Ἰταῖ(ος) (2), Δαιδ(αλίδης) (1), Παμβω(τάδης) (2), Σκαμβ(ωνίδης) (1), Φηγγ(αеуς) (1), Οἰναῖ(ος) (1).

СІА III 1171 (19^{7/8}—20^{7/8}): Ἀντι(ноеуς) (2).

СІА III 1172 (19^{7/8}—20^{7/8}): Ἀντι(ноеуς) (2), Ἐλε(ούσιος) (1).

СІА III 1177 (21^{2/3}—22^{1/2}): Βη(σαеуς) (1).

СІА III 1180 (послѣ 21^{2/3}): Βησα(εуς) (3), Ἀντι(ноеуς) (1), [Ἰ]ταῖ(ος) (1).

СІG 2309, дилоская надпись, обломокъ эфивического списка: Ἐ[λαιούσιοι] (1), Ὀ[αθῆν] (1), Φ[ηγγαеуς] (1).

Полученные димы располагаю въ алфавитномъ порядкѣ (римская цифра означаетъ порядокъ филь, бывший до Адріана, съ Птолемаидою на V-мъ, Атталидою на XII-мъ мѣстѣ):

1) Ἀντιноεῖς, вновь образованный димъ, названный по имени Адріанова любимца Антиноя.

2) Ἀφιδνα V c.

IV-й главы, упоминающимъ объ Арсонагѣ при Драконтѣ: ἡ δὲ βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου φύλαξ ἦν τῶν νόμων καὶ διετίθει τὰς ἀρχὰς ὕπως κατὰ τοὺς νόμους ἄρχουσιν. ἐξῆν δὲ τῷ ἀδικουμένῳ προθ[ε]ς τῶν] Ἀρεοπαγιτ[ῶν] βουλῆν εἰσαγγέλλειν ἀποφαίνοντι παρ' ὃν ἀδικεῖται νόμον. ἐπὶ δὲ τοῖς σὼ- [μα]σίον ἦσαν (κ τ ο ! ?) δεδεμένοι, καθάπερ εἴρηται (во II главѣ), καὶ ἡ χώρα δι' ὀλίγων ἦν¹⁾). Эта фраза, выглядящая совершенно заплатой на предшествовавшемъ изложеніи, представляетъ столь же неожиданный, сколько и неумѣлый переходъ къ изложенію дѣятельности Солона въ V-й и слѣдующихъ главахъ, начинающемуся словами: τοιαύτης δὲ τῆς τάξεως ὄψεως, καὶ τῶν [π]ολλῶν δουλευόντων τοῖς ὀλίγοις, ἀντέστη τοῖς γυωρίμοις ὁ δῆμος... и т. д. Слова эти, а съ ними и вся глава примыкали непосредственно ко второй главѣ. И въ этомъ утверженіи мы не претендуемъ на оригинальность. Намъ предупредили другіе и въ томъ числѣ В. А. Шефферъ, пытающійся даже выяснитъ себѣ, въ какомъ порядкѣ нарастала въ нашемъ мѣстѣ интерполяция²⁾. Мы не рѣшаемся высказываться по этому послѣднему вопросу сколько-нибудь опредѣленно и довольствуемся указаніемъ, что III-я и IV-я главы разрѣзываютъ цѣльный рассказъ о Солонѣ, пасколько намъ извѣстно, никакъ еще опредѣленно не сдѣланнымъ. Это указаніе и должно прибавитъ одинъ лишній камушекъ въ пользу если не поздняго происхожденія, то, по крайней мѣрѣ, поздней вставки III-й и IV-й главъ на то мѣсто, на которомъ мы ихъ нынѣ видимъ.

Если же сохранившееся начало трактата говоритъ уже о дѣятельности Солона, то, спрашивается, можно-ли утверждать, что въ трактатѣ говорилось о Килонѣ раньше Драконта и что онъ, такимъ образомъ, подтверждаетъ самое по себѣ прекрасную гипотезу Бузольта? — Разумѣется, нѣтъ. XII глава, перечисляющая всѣ существовавшія въ Аѳинахъ государственныя устройства, также не даетъ на этотъ конецъ никакихъ опредѣленныхъ указаній. Вотъ тотъ выводъ, который, по нашему мнѣнію, является совершенно необходимымъ, разъ мы признали, вмѣстѣ съ Дильсомъ и другими, что начало трактата излагаетъ событія, происходившія уже въ эпоху дѣятельности Солона.

¹⁾ Δ9. πολ. ввиду цитируется по третьему изданію Кеніона, 1892 г.

²⁾ Филлос. О б о з р. VII, 1. стр. 93.

- 3) Βῆσα XI b.
- 4) Δαίδαλίδα VIII (c?).
- 5) Εἰτέα VI a.
- 6) Ἐλαιῶς IX (b?).
- 7) Θρῖα VII b.
- 8) Ὀα III c.
- 9) Οἰνόη XII b.
- 10) Παρβωτάδα I b.
- 11) Σκαρβωνίδα IV a.
- 12) Φγγαία II b ¹⁾.

Итакъ, для образованія Адрианиды каждая изъ 12-ти существовавшихъ въ то время филъ дала по одному диму. По населенію, все димы Адрианиды оказываются болѣе или менѣе равными; только димъ Βῆσα является болѣе населеннымъ въ сравненіи съ остальными.

¹⁾ Былъ еще димъ Φγγαία въ Пандіонидѣ, но въ надписяхъ императорской эпохи онъ не встрѣчается. Ср. Dittenberger, Hermes IX, p. 387. Φγγαία Эвнды упоминается въ CIA III 1076, эфв. снч. 7 г. до Р. X. (Bull. de corr. hell. XVII, p. 179).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

И. Холодняка.

I. Къ Петронію.

Въ числѣ намѣренныхъ рустцизмовъ, влагасныхъ поэтомъ въ уста своимъ героямъ, мы замѣтили двѣ небольшихъ детали, остающіяся доселѣ, сколько намъ извѣстно, не отмѣченными какъ таковыя. Въ гл. 44-й поэтъ влагаетъ въ уста Ганнимеду ярую филиппику противъ „мошенниковъ эдиловъ“, стакнувшихся съ хлѣботорговцами (*qui cum pistoribus colludunt*) и допускающихъ въ своей погонѣ за наживой прѣстой народъ чуть не умирать съ голоду. Ганнимедъ припоминаетъ доброе старое время, когда не переводились такіе честные магистраты, какъ Сафній, которые съ плутами торговцами расправлялись въ рукопашную (*larvas sic istos percolorabant, ut illis Jupiter iratus esset*), а потому и хлѣбъ былъ дешевъ до-нельзя: *itaque illo tempore annona pro luto erat: asse panem quem emissas, non potuisses cum altero devorare; nunc oculum bublum vidi maiorem. heu, heu! quotidie peius! haec colonia retro-versus crescit; tanquam coda vituli!* Причину всѣхъ этихъ бѣдствій Ганнимедъ сейчасъ же и формулируетъ слѣдующей фразой: *sed quare nos habemus aedilem trium sauniarum, qui sibi mavolt assem, quam vitam nostram.* И въ послѣднемъ, 3-мъ изданіи лучшей издатель текста поэта, Фр. Бюхелеръ, продолжаетъ придавать этой фразѣ характеръ вопроса и ставитъ послѣ *vitam nostram* соответственный знакъ; Фридендеръ (*Cena Trimalchionis*, p. 111) переводитъ: *aber warum haben wir einen Aedilen, der keinen Pfifferling werth ist! Der es lieber hat, wenn er einen Denar einstecken kann, als wenn wir das liebe Leben behalten!* Два восклицательныхъ знака не уничтожаютъ отѣпка вопроса въ переводѣ, а въ текстѣ *en regard*—стоитъ тоже знакъ вопроса послѣ *vitam nostram*. Но уже категоричный тонъ всей выходки Ганнимеда, который, какъ и всѣ

Кликоеновы филы (число указывает на количество известных имъ димовъ, входившихъ въ составъ каждой филы, см. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 431—433).	Антиохиды	Димитриады	Птолемаиды	Атталиды	Адрианиды	
I. Эрехоида (14)	Ἀγρολή, Ακρπτραί (2)	—	Θηρακός (1)	Ἀγρολή (1)	Παρβωτάλα (1)	
II. Эгида (21)	Ἀγρολή, Γαργητιάς, Διόρεια (3)	Βατεί, Ἰκαρία (2)	Κοδωνίδα (1)	Ἀγκίλη (1)	Φηγάιχ (1)	Въ надписяхъ имп. эпохи не упоминается димъ Κολωνός. О димѣ Εὐφωριον CIA III 1202 ср. P. X. Лѣперъ, Ж. М. Н. II. 1891, дек. стр. 91 ¹ .
III. Пандионида (12)	Κοδωνίτιον, Παικία (2)	—	Κοθώλη (1)	Προβάλλινθος (1)	Ἦος (1)	Въ надписяхъ имп. эпохи не упоминается димъ Φηγάιχ. О димѣ Κάλειαις CIA III 10 ср. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 371 сл.
IV. Леонтида (20)	Αἰθαλίδα, Δαιράδες (2)	—	Ἐκίλη (1)	Σόονιον (1)	Σκαρβωνίδα (1)	
V. Акамантида (14)	—	Ἀγνός (1)	Πρόσπαλιχ (1)	Ἀγνός (1)	Εἰτιά (1)	Въ CIA II 459 эфивъ Акамантиды Νε[ε]μ[ε]ίδων Πολυαργεον Ποτ[ε]μ[ε]ν[ε]ς, вѣроятно, вмѣсто Πόρ[ε]ς. О CIA III 1114, гдѣ, вмѣсто Κοθ[η]ρήρ[ε]ς, слѣдуетъ, вѣроятно, читать Κορ[ε]τ[ε]ρ[ε]ς, см. P. X. Лѣперъ, Ж. М. Н. II. 1891, дек., стр. 954.
VI. Пинида (13)	—	Ἰπποταμίαι, Κοθωνίδα (2)	Βουτάδα (1)	Τουρμιδα (1)	Θρία (1)	
VII. Кекропида (11)	—	Μελίτη, Ἐοπατή (2)	Φλόα (1)	Ἀθμονον (1)	Δαβαλίδα (1)	
VIII. Иппооонтида (19)	—	Κούλη (1)	Οἰνός (1)	Κοροδαλλός, Οἶον (2)	Ἐλαιός (1)	Въ надписяхъ имп. эпохи не упоминается димъ Ἐροάδα. Въ CIA III 1121 упоминается въ списке эфивовъ Иппооонтиды: Κόιντος Ζηθου ΠΟΛ. Это 1) или вновь образованный димъ, 2) или ошибка, можетъ быть, вмѣсто ΠΕΙ (выше названо 5 эфивовъ Пирейцевъ).
IX. Эантида (11)	—	—	Ἀφιδνα, Θοργονίδα, Περιόδα, Τετακίδα (4) [+], можетъ быть, Κλωπίδα]	Οἰνός (1)	Τρικέρραθος (1)	Въ CIA III 1128, эфивъ Эантиды Νικέφορος Χρυσάνθος ΕΥΩΝ, вѣроятно, ошибка: можетъ быть, вмѣсто ΦΑΛΗ, ср. CIA III 1093 Γοργία Χρυσάνθ[ο] Φαλή(ρεός).
X. Антиохиды (19)	Εἰτιά (1)	Ἀτήνη, Θοραί (2)	Αἰγλία, Κολωνός, Μαλαιναί, Πεντελή (4)	Ἀτήνη (1)	Βίσα (1)	Въ CIA III 1138 эфивъ Антиохиды Σωτήργος ΔΕ... вѣроятно, ошибка, ср. P. X. Лѣперъ, Ж. М. Н. II. 1891, дек. стр. 109 ¹ . Объ измѣненіи въ CIA III 1031. 1147 Λευ(κονοεός) въ Λευ(κιοποεός), см. Loerer, Ath. Mitt. XVII, p. 426 ¹ .
			Вновь образованные димы: Ανοκί, Βερονκίδα, Εὐνοσιόδα, Πεταλία, Σημαχίδα(?) Ὑπόρεια (6)	Ἀπολλωνεῖς (1)	Ἀγνισαί (1)	
Итого: 154	10	10	23	12	13	

„дѣти народа“, рѣшаетъ вопросъ вполне безапелляціонно,—долженъ былъ бы навести комментаторовъ на неумѣстность вопросительнаго отъѣика въ этой заключительной фразѣ; несравненно умѣстнѣе именно заключеніе: „а все потому, что нашему эдилу—грошъ цѣпа“. Подтвержденіемъ нашей догадки служитъ надпись С. IX 3473 (Peltuinum)¹⁾, которую мы въ виду ея color rusticus приведемъ цѣликомъ: d m s | Maximus et Lascius (=Lascivus), duo fratres, convenientes in uno (sic) hunc titulum nobis posuimus vivis, ut possemus ad superiores securius vitam bonam gerre (sic), qua fini fata volebant. Qui qua vita viximus una, nunquam inter nos fecimus verbum amarum; voluptates secuti simus (sic) omnes; vita nostre (sic) a nobis nunquam quitquam negatum est. Ita tu, qui legis, bona(m) vita(m) vive, sodalis, quare post obitum nec risus, nec lusus, nec ulla voluptas erit. „Habe, Maxima!“ (слова путника)—Menten habae (= mentem habe== in mente habe) quod legeris, quare vita morti propior fit cottidia! (слова покойнаго). Vale.—Такия сентенціи на надписяхъ вводятся обыкновенно повѣствовательно, а не вопросительно, ср. С. II 391: vivite victuri, moneo: mors omnibus instat; X 2503: qui legitis, moneo, vivite, mors properat²⁾. И наше простонародье, особенно, какъ и Ганимедь, потершееся немного въ городѣ, выражается иногда почему что, вм. потому что. А Ганимеду, говорящему peregrorabant, schemas loquebatur, delectum (=directum), bublus, coda, dibus (=dis)—такое quare вполне простительно. Соответственное употребленіе quare въ средневѣковой латини и отношеніе къ нему франц. car—извѣстны.

Въ гл. 69-й послѣ множества сюрпризовъ подають за пиромъ довольно диковишное блюдо (fericulum longe monstrosius), которое Эпиколію показалось „anser allis circaque pisces et omnia genera avium“. Его удивленіе еще возрасло послѣ словъ хозяина, заявившаго: quidquid videtis hic positum, de uno corpore est factum. Чтобы оцѣнить по достоинству слѣдующія слова Эпиколія, нужно припомнить, что ему и вообще такіе пиры, какъ эта „сена“, въ диковишку; въ началѣ онъ пробуетъ спрашивать у своихъ сосѣдей разъясненія вещей, имъ непонятыхъ, но одинъ изъ его вопросовъ (гл. 41) былъ такъ наивенъ, что сосѣдь отвѣтилъ ему: plane etiam hoc servus tuus indicare potest: non enim amigma est, sed res aperta; Эпиколій жестоко переконфузился: damnavi ego stuporem meum, говоритъ онъ, et nihil amplius interrogavi, ne viderer nunquam inter honestos cenasse. Нѣчто за трапезой кажется ему, кромѣ того, не-

¹⁾ Уже Бюхелеръ отмѣтилъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ перифразой Федра (III Epil. 9 sq.): exhibe vocis fidem: nam vita morti propior est cotidie.

²⁾ Слѣва: descripsi ego, recognovit et emendavit Dressel.

симпатичнымъ, и онъ неоднократно высказываетъ свое неудовольствіе: гл. 31, 35, 49, 53 и др. И вотъ онъ, съ одной стороны, желая, наконецъ, выставить себя не вовсе невѣждой (*ego—statim intellexi quid esset*), съ другой — подтрунить надъ несимпатичнымъ амфитріономъ, тихонько говоритъ своему знакомцу Агамемнону (именно знакомцу, гл. 3 сл., потому что такія вещи незнакомымъ сообщаются очень осторожно): *mirabor, nisi omnia ista de facta sunt, aut certe de luto. De facta*, чтеніе единственной рукописи этого эпизода (*cod. Traguricensis*), несомнѣнно непорочно. Ограниченіе *aut certe* (=или по меньшей мѣрѣ) указываетъ въ предыдущемъ на довольно сильную терминологию, какая иногда, дѣйствительно, влгается въ уста Эпиколію (гл. 9); Бюхелеръ вставляетъ *fimo*: *nisi omnia ista de fimo facta sunt*, но *fimus* здѣсь не достаточно сильно. Эпиколій употреблялъ терминъ „непечатный“, въ литературѣ рѣдкій (*fimus*—слово не особенно рѣдкое), а потому писцомъ и не понятый (на полѣ: *al. defuncta*). Если Петроній знаетъ *facere* въ специальномъ значеніи, гл. 62: *ad stelas facere* (*ep. гл. 71: ne in monumentum meum populus cacatum currat*), то ему было извѣстно и *factum*, употребленное Эпиколіемъ въ значеніи „матеріала“ въ разбираемомъ мѣстѣ; тотъ же терминъ мы встрѣчаемъ въ надписи С. IX 2689 (*Aesernia*), содержащей единственный въ своемъ родѣ образецъ „счета“ въ гостиницѣ невысокаго ранга; по этому счету, путешественнику его собственная трапеза обходится всего въ три асса, а за сѣно для мула съ него требуютъ цѣлыхъ два асса; раздосадованный такимъ расходомъ, онъ вымещаетъ свою досаду на мула словами: *iste mulus me ad factum dabit*, гдѣ Froehner предлагалъ *adfectum*, а Моммзенъ толковалъ все выраженіе = *feret me ad opus rusticum* (?). Что здѣсь кроется то же самое *factum*—явно какъ день; Зола могъ бы перевести: *se mulet-là me fera e—er*, и былъ бы правъ. Только при выходѣ Эпиколія: *omnia ista de facto sunt*, получаетъ всю свою силу эпическое ограниченіе *aut certe*, и является *sui generis* каламбуръ къ словамъ хозяина: *de uno corpore est factum*.

Гл. 30. Въ описаніи триклинія дома Трималхіона Эпиколій упоминаетъ о характерномъ украшеніи на косякахъ дверей: *in postibus triclinii fascēs erant cum securibus fixi, quorum una pars quasi embolum navis aeneum finiebat, in quo erat scriptum* (слѣдуетъ дедикативъ Киппама). Комментаторовъ очень затрудняетъ это *una pars*, дающее дѣйствительно довольно странный смыслъ. Отсылая за попытками объясненія къ Фридендеру (*Sena, p. 206 Anmerk.*), мы отмѣтимъ только, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ несомнѣнной порчей оригинальнаго чте-

ція і там, прошедшей еще въ архетипѣ обѣихъ рукописей Пира: Leidensis Скалигера и Parisinus. Порча эта могла явиться между IX и XII вѣками уже въ мишускульный періодъ, до появленія диакритики надъ *i* [Wattenbach, Anleit., p. 52 (4-te Aufl.)].

Что і тамъ даетъ необходимый смыслъ, видно изъ упоминанія такихъ же „*fascēs infra acuminati*“, C. V 5035, на надписи тоже севпра въ Тридентѣ: *v. f. | L. Octavius L. J. | Trophimus VI vir* .

II. Къ надписямъ.

Въ числѣ метрическихъ надгробій Корпуса есть нѣсколько до такой степени фрагментированныхъ, что издатели оставляютъ ихъ, даже при содѣйствіи Бюхелера, недополненными. Въ виду общепризнаннаго факта, что въ такихъ надгробіяхъ взаимная аналогія есть довольно вѣроятный способъ хотя приблизительнаго возстановленія текста (ср. Cagnat, Sur les manuels professionnels des graveurs d'inscriptions romaines. Revue de philologie, 1889, p. 51 sqq.; Cours d'épigraphie latine², Paris, 1890, p. 250), и на основаніи имѣющагося у насъ подъ руками полнаго собранія названныхъ метрическихъ надписей, помѣщенныхъ въ Корпусѣ, мы предлагаемъ читателямъ рядъ собственныхъ реставрацій; аналогіи къ отдѣльнымъ стихамъ не приводимъ: для опытнаго читателя Корпуса онѣ излишни.

VIII 434 (11518) Ammaedara.

hic situs est Varius cognomine Frontonianus,
quem coniunx lepida posuit Cornelia Galla,
dulcia restituens veteris solacia vite,
marmoreos voltus statuit, oculos animunque

5. longius ut kara posset saturare figura;
hoc solamen erit visus: nam pignus amoris
pectore contegitur memor(i) dulcedine mentis,
nec poterit facili labiūm oblivione perire;
set dum v[er]ita manet, toto est in corde maritus.
10. nec mir(um), quoniam tales quæ femina mores
vel [iactare potest animunque fidemque marito?]
ille pius vixit semper sine crimine vite,
indulgens comisque suis et karus amicis;
et quoniam amborum iunxit concordia mentes.
15. felix iam poterat voti composque videri.
set fors, quæ humanis rebūis includere gaudet,
eripuit [Varium prima florente iuventa:
nam bis undenos nondum compleverat annos]

nec li[cuit misero, morbo properante maligno,]
anno]rum numerum sex condere mensibus illum].

2. вѣр. *teride*; 9. VSTA камень; см. нашу замѣтку въ Ж. М. Н. П. 1894, май, отд. кн. фил., стр. 70; ср. Verg. Aen. VI 608; Corp. VIII 16163; фразеологически ср. II 1399; III 3211. 6175; V 6693; VIII 2803. 4524; IX 4796; XII 712. 973 и др.

VIII 2035 *vicinia Thevestae*.

inter odoratos nemorum ubi laeta recessus
mater pingit humus et lectis dedala tellus
floribus exultat gratisque et frondibus alnum
vix patitur cum sole diem, — hic, provide Felix

5. Florentine, decus cum coniuge, sancta, pudica
Hostiliana, tua et Splendonillae, natoque
cons[picitur remanetque aevo sub marmore tecta.]
hic puler[am in speciem confectas arte fabrili]
aedes Pen[telicus lapis in sublimia ducit,]

10. incertu[m ut reddant oculum lumenque tuentis.]
constru[cta mole hac, optamus, provide Felix,]
felices ut[i dehinc possis durare per annos!]

2. вѣр. *humumque*; ср. Lucret. r. n. I, 7; 4—7 конструкция установлена Штудемундъ: hic, provide Felix Florentine, decus sancta pudica Hostiliana, tua et Splendonillae (filia), cum coniuge natoque conspicitur.

X 5631 *Fabrateria Nova*.

quem cernis, titulo ho]e de]corat maestus monumentum]
heu! natae mise]rae g[enitor, pro tempore raptae.]
concessa est non l]onga s[atis mihi vita puellae,]
cuius vix aet]as ter den[os contigit annos,]

5. nec merita]e invite d[ata sors lacrimanda per avum:]
votaque vix fuerant] kari complet[a mariti,]
cum me Par]ca potens mise]ram demisit ad Orcum.]
finis done]c adest rebus lu]xque alma recedit,]
conlacrimabitur usq]ue meis miserab]ile fatum!]

10. nunc genitor]que mater <que> miseri [luctuque soluti]
maestus avusque] bonus flent pign[us morte peremptum.]
inrigant fletu]que genas sine fine [mudentes.]
a, male! amant]i fata obstant, n[e kara revivat:]
num pietate move]bis Tartara nigr[a querendo —]

15. sit licet hoc lacrimis] dign(um) — de coniuge a [missa?]
exornet funet]am cum gloria, qua[e mihi parta est,]
kare, dolor]em muleendo rogi]tare remitte,]
post fatum deus ut me aliqui]s redducat ad aur[as].

12. mudentes, 14. nigr[a], 18. aur[as] дополнилъ Nohl.

VIII 676 (11828) Mactaris.

quae rēs mort[a]llis úr[guent] perpetuáliter]
 miserósque reddu[nt] hómines impetú suo]
 animósque torq[uent] cúris permanéntibus,]
 [reliq[ui] cunctas: hóc tamen solláci[um]

5. [vitae dimissae nobis inge]ns p[er]manet,
 [quod ágminibus pep[er]ci nullis hó]stium.
 [obitús peregre, sepúlt]us in patrió solo,
 [vitaeque miserae iám sol]utus taedio,
 [in Elysüs vitá]m dego et timeó nihil;
 10. [ideóque] dignis úto[r] n[un]c [ego pra]emiis]
 [opés] despiciens ét fortunas ál[terius].

5. фрагментовъ: (I) стихи 1—3, (II) 4—6, (III. IV) 7—9, (V) 10. 11; 1. ur[guent],
 2. reddu[nt], 3. torq[uent] дополнить Штуцмундъ; 4. sollacium, 6. hostium, 8. absol[utus],
 9. vita]m дополнить Шмидтъ.

Къ исторіи противоцерковныхъ движеній въ Македоніи въ XIV вѣкѣ.

В. Меліоранскаго.

Изъ житія преп. Θεодосіа тръновскаго извѣстно, что въ движеніяхъ, волновавшихъ болгарскую церковь въ середнѣ XIV в., современники различали три ереси: оживившееся богомилство, варлаамизмъ и жидовскую ересь, которыя всѣ трудами преп. Θεодосіа и были осуждены на тръновекомъ соборѣ 1355 г. Первые двѣ изъ этихъ ересей, кажется, могутъ считаться въ достаточной мѣрѣ выясненными наукой. Въ прекрасномъ трудѣ проф. Успенскаго „Очерки византійской образованности“ выяснена сущность спора варлаамитовъ съ паламитами, указана связь паламитства съ богомилствомъ и близкая аналогія между паламитствующимъ, такъ сказать, богомилствомъ и русскимъ строгольничествомъ. Только „жидовская“ ересь остается пока въ тѣни; проф. Успенскій ограничился относительно ея подстрочнымъ примѣчаніемъ: „позволимъ себѣ сдѣлать догадку, что и такъ называемая жидовская ересь, о которой говоритъ житіе (стр. 7—8), не представляетъ никакихъ чертъ, по которымъ бы можно было видѣть въ ней отличное отъ богомилства ученіе“ (стр. 374, прим. 2-е).

Дѣло въ томъ, что, кромѣ житія преп. Θεодосіа, до сихъ поръ въ научномъ обращеніи не было матеріаловъ для ея изученія. Всѣ наши свѣдѣнія о ней ограничивались тѣмъ, что въ середнѣ XIV в. три болгарскихъ еврея „дерзнуша хулити на иконы Господа нашего Иисуса Христа и на Пречистую его Матерь, Пресвятую Богородицу. И не точію честныя иконы хуляще, но и божественныя храмы и приносима въ нихъ жертвы безстыдно хуляще и уничижающе, и ина многая бздословяще, яже не лѣтъ есть писанію предати; еще же священники безчестити, инокомъ ругатися и иная безмѣстна дѣяти. Вина же снмъ дѣющимся отъ іудеевъ... о еже падѣтися на царицу, яко отъ рода тѣхъ сущу.“ Надежда ихъ оказа-

лась тщетною: „ереси жидовскія“ были осуждены соборомъ, и сами евреи приговорены къ смерти, (согласно 25 ст. 9 титула Фотіева помоканона — см. *Ῥάλλη καὶ Ποτλί, Συγг. χαρ.*, I, р. 197), но помилованы и при-суждены „казнію казненнымъ быти“. Одинъ изъ нихъ обратился тогда въ христіанство, другой еще до совершенія казни былъ убитъ разъярен-ной толпой, третьему отрубали языкъ, губы и уши. Таковы данныя житія. Безспорно, въ нихъ нѣтъ ничего, что давало бы возможность отдѣлить жи-довскую ересь не только отъ богомилской, но почти отъ какой угодно. Почти все еретики, считая церковное ученіе неправильнымъ, отвергали православные храмы и таинства и старались всячески очернить право-славныхъ духовныхъ лицъ, — посетителей церковной догмы, своихъ пря-мыхъ противниковъ; очень многіе уничижали Пресвятую Богородицу и отвергали иконопочтавіе. Чему же такому еще учили евреи, „яже не-лѣтъ есть писанію предати“? что за „длая безмѣстная“ дѣлали они? Были-ли у нихъ послѣдователи изъ числа христіанъ, или все ерети-ческое общество состояло изъ этихъ трехъ евреевъ и, можетъ быть, еще нѣсколькихъ, кощунствовавшихъ на свой страхъ, въ расчетѣ на защиту царицы? На все это въ житіи, да и нигдѣ нѣтъ отвѣта ¹⁾.

По словамъ іероихимонаха Спиридонія, переведшаго „житіе“ на церковно-славянской языкъ (оно было первоначально написано по-гре-чески константинопольскимъ патріархомъ Каллистомъ), еврейское дви-женіе было, будто бы, опаснѣйшимъ и виднѣйшимъ изъ всѣхъ: „яко въ то время“ (т. е. при преп. Θεοδοσίи), говоритъ онъ, „умножилися блху ереси въ Българіи и наипаче іудейскій народъ съ превеликимъ дерз-новеніемъ худилъ христіанскую вѣру, Христа и Пречистую его Матерь“.

¹⁾ Г-нъ Иречекъ (*Gesch. der Bulgaren*, т. XXI, р. 313) возлагалъ въ этомъ от-ношеніи надежду на рукопись Имп. Публ. Библ. изъ собранія гр. Ф. А. Толстого, № 204, по описанію Калайдовича и Строева, именно на статью (листы 414—421): „Объщаніе (ошибка, слѣдуетъ отвѣщаніе) божественнаго священнаго събора и оучительство о свѣтѣмъ крещеніи иже вѣдете трънова обрѣтающимся, честнѣйшему-же въ священноинокѣхъ куръ Θεοδοсію и честнѣйшему въ иноцѣхъ куръ Роману и къ прочимъ священникомъ“. (Г-нъ Иречекъ даетъ совершенно невѣрное заглавіе: „отвѣщаніе събора тръновскаго къ Θεοδοсію и крѣ Роману“). Разсмотрѣвъ эту рукопись, я нашелъ, что она содержитъ переводъ посланія патріарха Каллиста къ болгарскому духовенству, черновикъ котораго напечатанъ у Миклошича въ *Acta Patr. Cril.*, т. I, подъ № CLXXXVI: тутъ рѣчь идетъ о титулярномъ характерѣ тръновскаго и о каноническомъ преимуществѣ констан-тинопольскаго патріархата и о допущенныхъ болгарскимъ духовенствомъ обрядовыхъ уклоненій въ совершеніи таинства крещенія. Статья интересна только тѣмъ, что болгарскіе монахи, допесіи Каллисту о сепаратистическихъ стремленіяхъ болгарской церкви, названы въ русскомъ текстѣ Осодосіемъ и Романомъ (въ текстѣ Миклошича вѣдето именъ пробыль). Такимъ образомъ, преп. Осодосій является борцомъ не только противъ догматическихъ ересей въ болгарской церкви, но и противъ канонической, такъ сказать, ереси ея самой — ея стремленія къ самостоятельности отъ Византіи.

Но Спиридоній писаль, повидимому, уже въ позднее время: онъ самъ говоритъ, что найденное имя житіе Θεοδοσία (неясно, греческій подлинникъ, или неизвѣстный теперь болгарскій переводъ) находилось въ сборникѣ житій „отъ древняго извода“,—и не видно, чтобы онъ предполагалъ какими-либо особыми свѣдѣніями о жидовской ереси.

Мнѣ кажется, нѣкоторый свѣтъ на затронутый мною вопросъ проливаетъ грамота, давно уже напечатанная, но до сихъ поръ не обращавшая на себя вниманія изслѣдователей (Mikl. Acta Patr. Cril., т. I, № LVII). Это — черновой протоколъ засѣданія синода патріарха Іоанна XIV Калеки, безъ конца и безъ даты, но съ указаніемъ (какимъ — увидимъ ниже) на конецъ 1336 года, какъ на время его составленія.

Я приведу, для ясности, всѣ важныя для насъ мѣста этого документа въ греческомъ текстѣ и русскомъ переводѣ, а остальные — въ пересказѣ. Скобками [] я обозначаю слова, которыя при переводѣ для ясности можно пропустить; скобками () — слова, прибавленныя въ переводѣ для ясности; съ разрядкой напечатаны мѣста, которыя для насъ особенно важны, и ниже будутъ разобраны подробно.

Ἐλαλήθησαν τινα πρό τινας ἤδη καιροῦ, ὅσα ὄντα καὶ ἐλαλήθησαν παρὰ τοῦ Χιονίου κατὰ τοῦ τιμωτάτου διακισφύλακος καὶ οἰκονόμου τῆς ἀριωτάτης μητροπόλεως Θεσσαλονίκης, διακόνου τοῦ Καβάσιλα, ἔτι δὲ καὶ τῶν ἐπιμωτάτων, τοῦ τε χαρτοφύλακος διακόνου τοῦ Στρομζάκου καὶ τοῦ σακελλίου, διακόνου τοῦ Βρεννίου, τὸ δ' αἴτιον, ὅτι προσαγγειλάντων τινῶν ἱερομένων καὶ μοναχῶν αὐτῶν ὄντων τὸν Χιονίου, ὡς εἶη μετὰ τῶν αὐτῶ ἀδελφῶν τὰ τῆς εὐσεβείας ἐξομώμενος καὶ τὰ Ἰουδαίων φρονῶν, διατεθέντες οὕτοι ὄντι οἱ τῆς ἐκκλησίας, ὡς εἰκὸς ἦν καὶ δίκαιον, εἰς τοῦτο διατεθῆναι, ἐξετάσει τὰ κατ' αὐτῶν θεδώνασι ἀκριβεῖ ἐπ' ἐκκλησίας, καὶ Ἰουδαίαν ἀπελεγεθῆναι. συνελάβοντο τοῦτον καὶ κατέσχον καὶ παραδεδώκασιν τὸν τοιοῦτον τῷ ἐκ θεοῦ

Уже за нѣкоторое время передъ симъ были говорены Хіоніемъ нѣкія рѣчи, [каковыя были говорены,] противъ честивѣйшаго диеофилакса и иконома святѣйшей митрополіи Солунской, діакона Кавазила и почтеннѣйшихъ: хартофилакса діакона Стримвакона и сакелларія діакона Врениія; причиною же (тому было то), что когда нѣкоторыя лица священнаго сана и монахи донесли на Хіонія, что онъ со своими братьями (можетъ быть, со своею братіей?) отрекся отъ благочестія и придерживается іудейскаго образа мыслей, эти (служители) церкви отнесли къ этому дѣлу какъ слѣдовало и какъ справедливость требовала отнесли — подвергли (взведенныя) на него (обвиненія) тща-

χρατίστω καὶ ἀγίῳ μου αὐτοκράτο-
ρι, ὡς καὶ κατειργήσῃται ἐντεῦθεν,
διὸ δὴ καὶ ἔχθησαν οὕτως δὴ ὁ Χιό-
νιος καὶ κακίαν εἰς αὐτοὺς ἔχων, ἐξ-
εταξόμενος προστάξει βασιλικῆ παρὰ
τῶν συγκλητικῶν ἀρχόντων περὶ τῶν
αὐτοῦ διδασκάλων καὶ μαθη-
τῶν καὶ τινὰς εἰπὼν καὶ κατα-
μηγύσας, τραπεῖς καὶ κατὰ
τῶν τοιοῦτων ἐκκλησιαστι-
κῶν, ἐλάλησέ τινὰς καὶ κατ'
αὐτῶν ἀγοάς, τὰ δὲ ἦν, κατὰ μὲν
τοῦ οἰκονόμου, ὡς ἤκουσε περὶ αὐτοῦ
ὁ τοιοῦτος Χιόνιος παρὰ τοῦ Σταχρίτζι,
ὡς ἔτι παῖς ὢν ὁ οἰκονόμος εἰργάσατό
τι ἔργον κοιρανικὸν καὶ θαυματοῦδες.
κατὰ δὲ τοῦ χαρτοφύλακος, ὅτι ἀναδεξά-
μενος ὁ αὐτὸς Χιόνιος τὴν κρίσιν τῶν
ἐκεῖσε Ἰουδαίων καὶ τὰς παρεμπιπτού-
σας αὐτοῖς ὑποθέσεις διευλυτῶν, ἐπειδὴ
συνέβαιεν ἐπιέναι τινὰς τῶν ἐποίκων
τῆς πόλεως τούτοις δὴ τοῖς Ἰουδαίοις
καὶ κακοῦν αὐτούς, ἐξυβρίζειν τε καὶ
τὸ σέβας καὶ τὸν νόμον αὐτῶν δεινο-
παθήσας αὐτὸς ἐπὶ τοῖς τοιοῦτοις, καὶ
μάλιστα ὅτι τὸν τοῦ Μωϋσέως ὑβρί-
ζουσι νόμον. δι' αὐτοῦ δοθέντα παρὰ
θεοῦ, ἀπῆλλε διερχαλῶν πρὸς τὸν χαρ-
τοφύλακα κατὰ τῶν τοιοῦτων ἐποίκων
τῆς πόλεως, ὅτε καὶ εἰπόντι, ὅτι οὐδὲ
τοῦτο καλῶς ποιῶσι οὕτοι δὴ οἱ τῆς
πόλεως ἔποικοι, ὅτι τὸν θεῶλον πλέον
τοῦ δεσπότης τιμῶσι, καὶ συναθροί-
ζονται μὲν παμπληθεῖ εἰς τὸν ναὸν
τοῦ ἀγίου μεγαλομάρτυρος καὶ μωρο-
βλήτου Δημητρίου, τὸν δὲ ναὸν τοῦ
δεσπότης σωτήρος Χριστοῦ παρατρέ-
χουσι, εἶπεν αὐτῷ ἰδὼν ὁ χαρτοφύ-
λαξ, ὅτι πλέον τιμῶσι οἱ Θεσσαλονι-

сворникъ.

тельному разслѣдованію въ церкви
и уличивъ его въ іудей-
ствованіи, взяли его и заклю-
чили (подъ стражу) и передали
его Божіей милостію могуще-
ственнѣйшему и святому моему са-
модержцу, такъ что съ тѣхъ поръ
онъ находился въ заключеніи; по-
этому-то этотъ Хіоній, держа на
шихъ вражду и злобу, будучи
допрашиваемъ, по приказу
императора, начальствующими ли-
цами изъ синклита относительно
своихъ учителей и уче-
никовъ, назвавъ и ука-
завъ нѣкоторыхъ, обратил-
ся также и на этихъ служив-
телей церкви, и произнесъ нѣ-
что слышанное и на нихъ, а имен-
но: на иконома, будто онъ, Хіоній,
слышалъ про него отъ Стахида, что
икономъ, еще будучи ребенкомъ,
содѣлать нѣкое чародѣйственное
и бѣсовское дѣло; на хартофилак-
са, что-де онъ, Хіоній, принявъ ученіе
тамонскихъ іудеевъ и неповѣдую
миѣнія, обращающіяся среди нихъ,
когда случилось сойтись съ этими
евреями нѣсколькимъ изъ город-
скихъ жителей и (они стали) бра-
нить ихъ и издѣваться надъ ихъ
святыней и закономъ, онъ, задѣтый
этимъ за живое, особенно тѣмъ,
что они ругались надъ закономъ
Моисея, чрезъ него даннымъ Бо-
гомъ, отошелъ съ жалобой на этихъ
городскихъ жителей къ хартофи-
лаксу; тутъ-то, когда онъ еказалъ,
что-де и то не хорошо дѣлають

καὶς τὸν μάρτυρα τοῦ Χριστοῦ. Κατὰ δὲ τοῦ σακελλίου εἶπε μὲν μὴ γινώσκειν τι κατ' αὐτοῦ. ἀκοῦσαι δὲ παρὰ τοῦ οἰκείου τῷ κρατίστῳ καὶ ἀγίῳ μὲν αὐτοκράτορι, κ̅ϛ̅ Γεωργίῳ τοῦ Ἀγγέλου, ὅτι οὐ δοξάζει νεκρῶν ἀνάστασιν.

городскіе жители, что раба чтуть больше господина, и собираются во множествѣ въ храмъ св. великомученика и мироточца Димитрія, а мимо храма Господа Спасителя Христа проходить (безъ вниманія), сказали ему на это хартофилакть, что (да,) солуняне чтуть мученика больше, чѣмъ Христа. О сакелларіи же онъ сказалъ, что самъ ничего противъ него не знаетъ, но слышалъ о немъ отъ близкаго къ могущественнѣйшему и святому моему самодержцѣу кирь Георгіи Ангела, что онъ не вѣруетъ въ воскресеніе мертвыхъ.

Дѣло по этимъ обвиненіямъ было, говорится далѣе въ актѣ, отложено за вдовствомъ солунской каедры¹⁾; затѣмъ, когда дѣло Хіонія разбиралось въ патріаршемъ синодѣ, въ присутствіи императора, Хіоній повторилъ свои обвиненія и оговоренныхъ рѣшено было пригласить въ судъ. Икономъ и хартофилакть за старостью и болѣзнью не явились, а прислали письменныя оправданія. Явился сакелларіи Вріенній и отъ лица хартофилакца его зять, Памфилъ. По особому указу императора состоялось засѣданіе патріаршаго синода, въ присутствіи двоюроднаго брата императора, Андроника Палеолога, συμπένθερος²⁾ императора ἐπὶ τῆς τραπέζης, Георгіи Хумна, великаго друнгарія и протоаглагатора (вмѣсто именъ двухъ послѣднихъ въ грамотѣ оставлены пробѣлы); кромѣ того, въ засѣданіе были приглашены архимандриты и игумены константинопольскіихъ (τῶν ἐνταῦθα) монастырей и не мало мірянъ изъ наиболѣе уважаемыхъ.

... καὶ τῶν ἀπολογητικῶν γραμμάτων ἀναγνωσθέντων ἐν ἐπιχώρῳ καὶ διεξιόντων πρὸς τοὺς ἄλλους τοῦ μὲν οἰκονόμου, ὡς οὐδέ μιν εἶχε μετ' αὐτοῦ οὐδέ ποτε κοι-

...И когда оправдательныя грамоты были прочтены велухъ, гдѣ ко всему прочему разъяснялось: (въ грамотѣ) иконома, что ни въ какомъ общеніи или ка-

¹⁾ Въ Acta Patr. Cr—tani солунскій митрополитъ упоминается нѣсколько разъ въ 1315—1324 годахъ. Отодвигать начало дѣла Хіонія далѣе къ первымъ годамъ XIV вѣка не позволяетъ выраженіе въ началѣ нашего акта: πρὸ τῆς ἡδὴ κειροῦ (ожидалось бы πρὸ πολλῶν ἡδὴ χρόνων); поэтому 1324 годъ можно принять за terminus post quem этого дѣла.

νωνίαν ἢ τινα ὀμιλίαν ὁ Χιόνιος, ἀλλ' αἰεὶ καὶ δι' ἔχθρας ἦν πρὸς αὐτόν, τοῦ χαρτοφύλακος δὲ, ὡς δι' ὁμοῦν ἄλλο, ἀλλ' ἦ διὰ τὴν εἰρημένην ἀνωτέρω αἰτίαν τῆς εἰς αὐτοὺς ἔχθρας τὰ τοιαῦτα κατ' αὐτῶν ἐλάλησε ὁ Χιόνιος.

Тогда самъ Хіоній, выслушавъ эти грамоты, призналъ ихъ правдивость, и не смотря на многократныя увѣщанія собора, не скрывать, если онъ знаетъ, что оговоренныя лица что-нибудь сдѣлали или думали неподобающее (εἴ τι σύννοιθεν αὐτοὺς τῶν μὴ καθήκόντων εἰργασμένους ἢ καὶ φρονίσαντας), отрекся отъ своихъ словъ, а относительно сакелларія засвидѣтельствовалъ пѣчто достойное похвалы и свидѣтельствующее о его боголюбивомъ настроеніи (τινὰ τρόπον θεοφιλοῦς καὶ ἐπαίνου ἄξιος). Наконецъ, претуплено было къ дѣлу сакелларія. Сначала онъ самъ публично засвидѣтельствовалъ, что вѣруеть въ воскресеніе мертвыхъ, а затѣмъ прочитанъ былъ слѣдующій письменный отзывъ Георгія Ангела, на котораго ссылался Хіоній, обвиняя сакелларія.

Ὁ δοῦλος τοῦ κρατ. καὶ ἀγ. ἡμῶν αὐθ. καὶ βασ. Γεώργιος ὁ Ἄγγελος τὸ παρὸν γράμμα ποιῶ, κάτωθεν μέλλον ὑπογράψειν αὐτὸ, διὸ δὴ καὶ λέγω καὶ ἐξασφαλίζομαι ἐνώπιον τοῦ θεοῦ καὶ τῶν ἀγίων ἀγγέλων ἀληθεύσειν ἐπεὶ γὰρ πρὸ καιροῦ οὐκ ὀλίγου ὁ Χιόνιος ἐλεγχθεὶς εἰς οἷαν ἐνέπεσεν ἀσέβειαν κατηγοροῦς γέγονε προσώπων τινῶν καὶ δὴ μετὰ τῶν ἄλλων τοῦ σακελλίου τοῦ Βρυεννίου, ἣ δὲ κατ' αὐτοῦ κατηγορία ἦν τοιαύτη λαληθεῖσα ἐνώπιον τῆς συγκλήτου, ὅτι ἤκουσε παρ' ἐμοῦ εἰπόντος, ὡς οὐ δοξάζει ἀνάστασιν ὁ τοιοῦτος σακελλίου καντεῦθεν ἡρωτήθη ν μὲν καὶ τότε ὑπὸ τῆς συγκλήτου καὶ εἶπον καὶ τότε ἃ μέλλω καὶ νῦν εἰρεῖν, ἡρωτήθη δὲ καὶ νῦν ὑπὸ τοῦ ἀγιωτάτου μου δεσ-

комъ-любѣ знакомствѣ Хіоніій съ нимъ никогда не былъ, но даже всегда былъ противъ него враждебно настроенъ. (а въ грамотѣ) хартофилакса, что ни по какой другой причинѣ, кромѣ вышесказанной, именно по своей враждѣ къ нимъ, Хіоніій наговорилъ на нихъ эти обвиненія.

Я, рабъ могущественнѣйшаго и святого нашего государя и императора, Георгій Ангель, составляю настоящую грамоту, имѣя намѣреніе ниже подписать ее; посему общаю и утверждаю предъ лицомъ Бога и святыхъ ангеловъ, что буду говорить правду. [Такъ какъ] довольно задолго до сего Хіоніій, уличенный въ нечестіи, въ которое онъ впасть, возсталъ обвинителемъ нѣкоторыхъ лицъ, между прочими сакелларія Вриеннія; обвиненіе противъ него, высказанное предъ лицомъ синклита (состояло въ томъ), что онъ слышалъ отъ меня [слова], что не вѣруеть въ воскресеніе мертвыхъ этотъ сакелларій. По этому случаю былъ я

πότεν τοῦ πανερωτάτου μητροπολίτου
 Θεσσαλονίκης ὑπερέτερον καὶ ἐξάρχον
 πάσης Θεσσαλίας μετ' ἐπιτιμίου ἀφο-
 ρισμοῦ ἐνώπιον τοῦ περιποθήτου γαμ-
 βροῦ τοῦ χρ. κ. ἀγ. ἡμ. ἀθθ. κ. βί.,
 τοῦ πιγκέρνη, τῶν οἰκείων τῷ χρ. κ.
 ἀγ. ἡμ. ἀθθ. κ. βί., πανσεβαστοῦ ἐπάρ-
 χου τῶν μεγάλων ἀδυναμιστῶν τοῦ τε
 Ἰαλέα κῆρ Ἀλεξίου καὶ τοῦ Κοκαλιᾶ
 κῆρ Γεωργίου τοῦ κριτοῦ τοῦ Θεοφρου-
 ρήτου φωσάτου τοῦ Συναχηρείμ. τοῦ
 ἐταιριάρχου τοῦ Γλαβᾶ. παρόντος δὲ
 καὶ τοῦ καθολικοῦ κριτοῦ τῶν Ῥωμαίων
 μεγάλου διοικητοῦ τοῦ Γλαβᾶ, ἤδη
 ὅσον γνώσκω, ὅτι εἶπον βεβαίως καὶ
 ὁμολογουμένως, λέγω τοῦτο μετὰ πά-
 σης ἀληθείας μεμνημένους μὲν καὶ τῆς
 φοβεραῆς κρίσεως, βλέπων δὲ καὶ πρὸς
 τὸν ἐπιτεθέντα μοι μετ' ἐπιτιμίου ἀφο-
 ρισμὸν ἐπεὶ γὰρ ἐδέχσε γενέσθαι δια-
 ζύγιον παρὰ τῆς ἐκκλησίας ἐμοῦ τε
 καὶ τῆς γυναικὸς μου, ἣς εἶχον, ἐδέχσε
 δὲ γενέσθαι ὑπερέτερον τοῦ τοιοῦτου
 γράμματος τὸν ἀγλωθέντα σακελλίον.
 εἶχε δὲ ὕβρεις κατ' ἐμοῦ τὸ τοιοῦτον
 διαζύγιον, λυπηθεὶς ἐγὼ ἅμα μὲν καὶ
 διὰ κεφάλαιά τινα τῆς κρίσεως ἐμπε-
 ρισιλημμένα τῷ τοιοῦτῳ διαζύγιῳ, ἐφ'
 οἷς ἐλογιζόμην ὅτι ἡδικούμην, ἅμα δὲ
 καὶ διὰ τὸ πολὺ καὶ σκληρὸν καὶ ἀφό-
 ρητον τῶν κατ' ἐμοῦ ὕβρεων ἐξηνέχθην.
 ὁμολογῶ, καὶ εἶπον κυριε ἐλέησον, καὶ
 πιστεύει ὁ γράψας ταῦτα ἀνάστασιν ἣ
 κρίσιν, καὶ γράφει τοιαῦτα κατ' ἐμοῦ·
 ὡς φαίνεται, ἀσεβῆς ἐστὶ, καὶ διαβάλ-
 λει με ὅπως, ὅτι περιπατῶ ἐγὼ εἰς
 καπλιεῖα καὶ ἀδιαφορίας καὶ ἀσωτείας·
 ταῦτα καὶ μετὰ τοιοῦτου σκοποῦ καὶ
 κατὰ τὸν τοιοῦτον νοῦν εἶπον καὶ

и тогда опрошенъ синклитомъ, и тогда сказалъ тоже, что намъренъ сказать и те-
 перь; спрошенъ же былъ я теперь
 святѣйшимъ моимъ господиномъ,
 преосвященнѣйшимъ митрополи-
 томъ солунскимъ и всея Θεσσαλιν
 ексархомъ, подѣ страхомъ отлуче-
 ния, предѣ лицомъ побезѣйшнаго
 зятя мого, и св. нашего гого, и ими,
 синкерна, приближенныхъ мого, и
 св. м. г. и ими, всепочтеннаго
 епарха великихъ адноміастовъ,
 киръ Алексія Палеи и Кокалы,
 киръ Георгія, судиѣ богохранимаго
 фосата Сенахиримова, естеріарха
 Главѣ, въ присутствіи также и
 вселенскаго судиѣ ромеевъ, вели-
 каго динкита, Главѣ; вотъ, все, что
 знаю, что я дѣйствительно и не-
 сомнѣнно сказалъ, то говорю со
 всякою правдивостью, и памятуя
 о страшномъ судѣ, и взирая на
 угрожающее мнѣ наказаніе от-
 лученія. Когда долженъ былъ со-
 стоятья чрезъ церков(ную) власть)
 разводъ меня и жены моеѣ, кото-
 рую я имѣлъ, то изготovitъ эту
 грамоту долженъ былъ означенный
 сакелларій; а въ разводномъ актѣ
 этомъ находились оскорбительныя
 для меня вещи. Я, огорченный
 какъ нѣкоторыми статьями приго-
 вора, заключавшимися въ этомъ
 разводномъ актѣ, въ которыхъ ви-
 дѣлъ несправедливость противъ
 себя, такъ и большимъ числомъ
 жестокихъ и невыносимыхъ наре-
 каній на меня, вышель изъ себя,

ἐλάλησα πρὸς τὸν Χιόνιον, ὅσον εἶπον. ἐνώπιον δὲ τοῦ Θεοῦ οὕτε παρ' αὐτοῦ τοῦ σακελλίου δι' ἐμαυτοῦ ἤ δι' ἐτέρου τινὸς ἤ ἤκουσα ἢ κατέλαβον τρέφοντα δόγμα ἐτερόδοξον τῆς καθολικοῦ ἐκκλησίας, ἀλλὰ μᾶλλον γινώσκω καὶ τοῦτον εὐσεβεῖ καὶ ὁμόδοξον μετὰ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας καὶ ἱερωμένον. καὶ εἰς διήλωσιν τούτου τὸ παρὸν ἐξεθέμη γράμμα μὴνὶ ὀκτωβρίῳ εἰκοστῆ τεταρτῆ ἡμέρᾳ. πέμπτης. (Это хронологическое указание я разумѣлъ выше).

сознаюся въ этомъ, и сказалъ: Господи помилуй, вѣрить же писавшій это въ воскресеніе и судъ, и писать на меня такія вещи; то-есть, онъ неблагочестивъ, и клевететь на меня, что я таскаюся по харчевнямъ и (творю) безчстія и распутствую. Это, съ такою цѣлью и въ такомъ смыслѣ, я сказалъ и говорилъ (потомъ) Хіонію то, что сказалъ; но, предъ лицомъ Бога, ни самъ, отъ самого сакелларія, ни отъ кого-либо другого я не слыжалъ и не получалъ извѣстій, чтобы онъ питалъ въ сердцѣ догматъ иномысленный каоолической церкви; напротивъ, я знаю его за благочестиваго и единомысленнаго каоолической церкви (человѣка) и послѣщаго священный санъ; и въ удостовѣреніе сего я выдалъ настоящую грамоту мѣсяца октябрія 24-го (числа), индикта 5-го“ (1336 г.).

Послѣ этихъ показаній синодъ объявилъ, что все обвиненія составлены *συχωφαντικῶς*, несостоятельны и невѣроятны, и постановилъ считать всехъ 3-хъ оговоренныхъ безусловно оправданными. Основанія для приговора указаны были слѣдующія: 1) Хіоній, какъ еретикъ, вообще говоря, „непріятель“ не только какъ обвинитель, но и какъ свидѣтель ¹⁾, особенно въ дѣлахъ, касающихся правовѣрія и противъ лицъ, имѣющихъ духовный санъ; 2) Стахицъ также личность слишкомъ подозрительная; онъ тоже былъ уличенъ икономомъ въ неблагочестіи и бѣжалъ отъ суда; 3) обвиненіе противъ хартофилакса признано было само по себѣ несостоятельнымъ: „что же сказано противъ хартофилакса, въ томъ нѣтъ ничего такого, что бы давало подозрѣніе относительно здраваго и православнаго образа мыслей его“.

¹⁾ Последнее относилось, вѣроятно, къ дѣлу Вріеннія, гдѣ, собственно говоря, обвинителемъ является не Хіоній, а православный Георгій Ангелъ, а Хіоній лишь свидѣтелемъ.

Таково содержаніе акта. Для ближайшей цѣли моей замѣтки мнѣ нѣтъ надобности входить въ его подробный анализъ, съ цѣлью рѣшить вопросъ—виновны или нѣтъ были обвиненныя Хіоніемъ лица. Съ насъ довольно пока и того, что уже въ промежутокъ времени отъ 1324—1336 года въ Солунии существовало въ средѣ греческаго населенія еретическое іудействовавшее общество, одинъ изъ членовъ котораго, Хіоній, опрошенный относительно своихъ единомышленниковъ, дважды—на епархіальномъ и потомъ на патріаршемъ судѣ—указалъ, между прочимъ, на трехъ важнѣйшихъ церковныхъ чиновниковъ солунской митрополіи. Что онъ указалъ на нихъ именно какъ на единомышленниковъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Таковъ, во-первыхъ, постоянный юридическій смыслъ самой формулы: ἐξετάζόμενος περὶ τῶν αὐτοῦ διδασκάλων etc... τινὰς εἰπὼν καὶ καταρηγόσας... τραπεῖς καὶ κατὰ... ἐλάλησε. Затѣмъ, это совершенно согласно съ обычнымъ порядкомъ судопроизводства. Даже болѣе того: самое вчиненіе дѣла, съ которымъ мы познакомились, только въ этомъ случаѣ могло состояться. Если даже Хіоній и клеветалъ, желая отомстить людямъ, обличившимъ и посадившимъ его въ тюрьму, то, въ силу каноновъ, онъ не могъ иначе заставить себя слушать, какъ запугавъ ихъ въ свое дѣло, объявивъ ихъ своими соучастниками. Въ нашемъ актѣ есть указаніе на то, что церковная власть съ самаго начала старалась замѣть поднятое Хіоніемъ дѣло; именно, тамъ сказано, что оно было отложено за вдовствомъ митрополичьей каѳедры; но изъ письменнаго отзыва Георгія Ангела видно, что онъ уже давалъ, по вызову сипклита, свое показаніе, слѣдовательно, разбирательство было начато и потомъ положено подъ сукно. И вотъ теперь обвиненія Хіонія разбираться, по особому императорскому указу, синодъ, въ чрезвычайномъ засѣданіи, въ присутствіи представителя императора, государственныхъ чиновниковъ, выборныхъ архимандритовъ и даже мірянъ. Къ чему бы все это, если бы можно было, оставалось на строго законной почвѣ, заявить Хіонію, что не ему, обличенному (и нераскаянному) еретнику, судить о православіи другихъ (какъ это сдѣлано въ концѣ нашей грамоты заднимъ числомъ, уже послѣ состоявшагося разбирательства, съ легкой передержкой)?

Въ частности, икономъ Кавасила несомнѣнно такъ и понималъ обвиненіе Хіонія. Онъ завѣряетъ въ своей оправдательной запискѣ, что не имѣлъ съ Хіоніемъ *κοινωνία* и *ὀμιλία*. Если бы онъ хотѣлъ только сказать, что Хіоній не имѣлъ съ нимъ вообще личныхъ сношеній и, слѣдовательно, не можетъ знать и его запятій и убѣжденій, то такое оправданіе не имѣло бы смысла, такъ какъ и Хіоній не утверждалъ

ничего подобнаго, а обвиняя иконома, ссылаясь на какого-то Стахида. Мелю поэтому, что слова *ζωωνία* и *δριλία* употреблены икономомъ какъ каноническіе термины; онъ завѣряетъ (вѣроятно, клятвенно), что не былъ съ Хіоніемъ въ церковномъ общеніи, не имѣлъ сношеній съ обществомъ, къ которому тотъ принадлежалъ. Что касается хартофилакса, то изъ текста акта непосредственно ясна попытка Хіонія представить его въ единомысліи съ собою.

Итакъ, мифы, которыя Хіоніи приписывалъ обвиняемымъ имъ лицамъ, мы имѣемъ право считать за отрывки ученія его еретическаго общества, то есть: мы знаемъ о едунскихъ жидовствующихъ, что они 1) занимались чародѣйствомъ и обвинялись въ сношеніяхъ съ нечистой силой; 2) хвалили законъ Моисеевъ и нападали на чрезмѣрное почитаніе святыхъ и мощей, въ ущербъ почитанію Бога; 3) не вѣрили въ воскресеніе тѣлъ¹⁾. Роль чародѣевъ, знающихся съ дѣвломъ, византийцы приписывали евреямъ постоянно; припомнимъ хотя бы Льва Исавра, или суетвѣрныхъ враговъ патріарха Фотія. Иконоборцы (а съ иконоборствомъ тѣсно связано отрицаніе мощей) у православныхъ носили постоянную кличку *ἰουδαϊστρούς* (наравнѣ съ *σαρακηνοῦστρούς*). Отрицаніе воскресенія тѣлъ также слыло у православныхъ за іудейство, въ частности—за саддукейство. Свое особое уваженіе къ Моисееву закону и свои тѣсныя сношенія съ евреями Хіоніи, какъ мы видѣли, засвидѣтельствовали самъ. Всего этого было, безъ сомнѣнія, вполне достаточно, чтобы ересь его обозначить именемъ жидовства—*τὸ ἰουδαϊζεῖν*²⁾.

Замѣчательно, что эти самыя обвиненія ввоздвигались на русскихъ жидовствующихъ и обозначались тѣмъ же самымъ терминомъ: *ἰουδαϊκὰ ἔργον*—жидовская мудрствуй, *ἰουδαϊζεῖν*—жидовствовать.

Мнѣ считаю совершенно ненаучнымъ отъ подобныхъ и даже гораздо болѣе близкихъ аналогій заключать къ генетической связи историческихъ явленій, пока нѣтъ фактовъ, прямо свидѣтельствующихъ о та-

¹⁾ Это не значить, что они не вѣрили въ безсмертіе души и воздаяніе за гробомъ. *Νεκρῶν ἀνάστασις* есть обозначеніе для специфически христіанскаго догмата воскресенія и преобразованія тѣла и тѣлесной будущей жизни. Отмѣчаемъ это потому, что нѣкоторые наши ученые, незнакомые спеціально съ богословіемъ, склонны иногда смѣшивать эти ученія, или ставить ихъ въ неразрывную связь (напр., и проф. Успенскій).

²⁾ Авторитетнѣйшій канонистъ Византии, Вальсамонъ, такъ опредѣляетъ терминъ *τὸ ἰουδαϊζεῖν* (См. *Ῥάλλη καὶ Πουλίη. Σύσταγμα Κανόνων*, т. 4, р. 242, толкованіе на 89 правилу Василия Великаго) *...τὰ τὸ παλαιὸν νόμον, ἀνεὶ ὃν ῥητὸς ἐδέξατο ἡ ἐκκλησία, ἐσχόλασεν, καὶ ὁ χροόμενος τοῦτοις ἰουδαϊζει*. Онъ же принужденъ былъ протестовать противъ обвиненія въ жидовствѣ постигшихъ въ субботу и употребляющихъ въ пищу опрѣсноки (см. тамъ же, т. 2, стр. 329 и 90/91). Совершеніе литургій на опрѣснокахъ византийскіе и русскіе полемисты постоянно сбываютъ жидовствомъ.

кой связи; особенно через большія разстоянія — географическія и временныя. Умъ человѣческій вездѣ равенъ себѣ; среди людей, воспитанныхъ въ одинаковыхъ понятіяхъ византійскаго христіанства, пережившихъ сходныя церковныя построенія и пошавшихъ подъ тѣ же вліянія, легко могла возникнуть и совершенно независимо — у однихъ одинаковая ересь, у другихъ одинаковый взглядъ на нее. Но, я думаю, меня не упрекнутъ въ неосторожности, если я поставлю солунскихъ жидовствующихъ пачала 2-й четверти XIV вѣка съ болгарскими сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ того же вѣка.

Къ сожалѣнію, разобранное нами извѣстіе совершенно одиночно. Въ нашемъ актѣ нѣтъ указавій, кто такой былъ Хіоній, хотя личность его предполагается, кажется, хорошо извѣстною (*ὁ Χιόνιος*); ни въ другихъ документальныхъ источникахъ, ни у историка эпохи, Никифора Григоры, нѣтъ упоминаній ни о немъ, ни объ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ.

Самый актъ дошелъ до насъ неподписаннымъ (вѣроятно, онъ долженъ былъ оканчиваться приговоромъ соборнаго суда самому Хіонію); вмѣсто имени великаго другарія и протоалагатора въ немъ оставлены пробѣлы. Повидимому, и теперь сочли за лучшее положить дѣло подъ сукно. Не потому-ли и Никифоръ Григора ничего о немъ не знаетъ?

КЪ ВОПРОСУ О ГОДѢ РОЖДЕНІЯ ТЕРЕНЦІЯ.

М. Крашенинникова.

Post editas <sex> comoedias nondum quintum atque tricesimum egressus annum, - - egressus <urbe> est neque amplius rediit, говорятъ Светоній о Теренціѣ ¹⁾. Извѣстно, что послѣдній изъ римскихъ спектаклей, на которыхъ шли произведенія Теренція въ то время, когда онъ находился еще въ столицѣ, состоялся въ сентябрѣ 160 года до Р. Х. *Сразу ли* послѣ того нашъ поэтъ покинулъ Италію, какъ это обыкновенно думаютъ ²⁾, или еще пробылъ въ Римѣ до слѣдующаго 159 года, мы не знаемъ, но, на нашъ взглядъ, пѣтъ серьезныхъ основаній отрицать возможность и послѣдняго предположенія ³⁾. Во всякомъ случаѣ однако, онъ выѣхалъ за границу никакъ не позже весны 159 года, такъ какъ за границей ему пришлось пробыть, вѣроятно, не меньше полугода, а въ томъ же году онъ и скончался ⁴⁾.

Итакъ, въ концѣ 160 или началѣ 159 года Теренцію шелъ тридцать пятый годъ отъ роду. Оставаиваясь на первой датѣ, узнаемъ, что поэтъ родился въ 194 или 195 году ⁵⁾, а принимая вторую, получаемъ 193-й или 194-й, т. е., иными словами, дату рожденія Теренція слѣдуетъ искать между 195 и 193 годами до Р. Х.

Приблизительно такъ же разсуждали и наши предшественники ⁶⁾

¹⁾ Vita Terent. p. 5. I Dziatzko == p. 211. I Ritschl (въ opusc. III).

²⁾ Шиндлеръ (Obs. crit. et hist. in Ter., Hal. 1881, p. 51 sq.) заставляетъ Теренція уѣхать изъ Рима даже въ началѣ 160 г., но его опровергаетъ Фабіа (Les prologues de Térence, Par. et Avign. 1888, p. 12 sq.).

³⁾ Фабіа, p. 12, отрицаетъ, ссылаясь на вышеприведенное мѣсто біографіи, но эта ссылка есть плодъ недоразумѣнія.

⁴⁾ Vita p. 5, 13 Dz. Ошибается бл. Геронимъ, относилъ смерть Теренція къ 158 г., ср. Ritschl, Opusc. 3, 201.

⁵⁾ Эта неспредѣленность обуславливается неизвѣстностью числа и мѣсяца рожденія поэта.

⁶⁾ Разница лишь въ томъ, что изъ пяти одни стоятъ за 559/194 или 558/195 (ср., напр., Ladewig въ Pauly R. E. 6, 1696), другіе за 559/194 или 560/193 (цитаты у Vābга, Gesch. d. röm. Lit., I, 291, 6), третьи за 560 (Тапап. Fabri Epist. II² p. 23: оригинальное вычисленіе!), четвертые даже за 561/192 (Führmann, Harles и др.).

до Ричля. А этотъ ученый, положивъ въ основу своего изданія теренціевой біографіи древнѣйшую рукопись *A* (cod. Paris. 7920, XI вѣка) и положившись на сличенія Гупцикера, Шопена и Газе, сталъ читать въ вышеприведенномъ мѣстѣ, велѣдъ за Ротомъ (*Rhein. Mus.* 1857, p. 182), *vicesimum* вмѣсто *tricesimum*, находя опору и въ дрезденской рукописи (*D*), гдѣ Фалепъ прочелъ *vigessimum*.

Принимая это новоявленное *vicesimum*, Ротъ не входилъ въ разборъ дѣла по существу (ср. I. с., p. 184), ограничиваясь возстановленіемъ „руки автора“ (p. 182). Ричль пошелъ далѣе: опъ рѣшительно сталъ на сторону *AD* и, по существу дѣла, объявилъ Теренція именно однопѣткомъ Сципіона Младшаго (род. въ 185 г.) и обозвалъ интерполированными рукописи, дающія чтеніе *tricesimum*¹⁾. Историки римской литературы не замедлили преклониться предъ авторитетомъ Ричля и древнѣйшей рукописи²⁾.

Въ новую фазу развитія вступилъ данный вопросъ, когда имъ заинтересовался Зауппе³⁾, который, съ одной стороны, отнесся съ полнымъ недоувѣріемъ къ чтенію „интерполированныхъ“ рукописей, съ другой—попытался дискредитировать авторитетъ и другаго чтенія, какъ историко-литературнаго свидѣтельства. Онъ исходилъ при этомъ изъ слѣдующаго мѣста біографіи, p. 3, 9 Dz.: *Hic (Terentius) cum multis nobilibus familiariter vixit, sed maxime cum Scipione Africano et C. Laelio, quibus etiam corporis gratia conciliatus existimatur: quod et ipsum Fenestella arguit contendens utroque maiorem natu fuisse, quamvis et Nepos aequales omnes fuisse tradat et Porcius suspicionem de consuetudine per haec faciat, et проч.* Фенестелла, разсуждаетъ Зауппе p. 115, былъ „ученымъ и прощипательнымъ человѣкомъ, и, естественно, у него были сочиненія Варрона и другихъ о Теренціѣ такъ же, какъ и у Светонія. Если въ этихъ сочиненіяхъ имѣлось положительное извѣстіе о возрастѣ поэта, то онъ не могъ утверждать, что Теренціѣ былъ старше Лелія и Сципіона. Утверждать это онъ могъ лишь въ томъ случаѣ, если объ этомъ возрастѣ сообщались и другія свѣдѣнія, или если не было никакихъ опредѣленныхъ извѣстій, но имѣлись факты, позволявшіе и оправдывавшіе выставленіе одной догадки противъ другой“. Отмѣчая затѣмъ, что утвержденію Фенестеллы Светоній не противопоставляетъ опредѣленной ссылки на годъ рожденія Теренція, Зауппе и приходитъ къ заключенію, что и древніе не знали этой даты въ точности, и что, зна-

¹⁾ *Opusc.* 3, 252 sq.

²⁾ Ср. *Bernhardy* 5, p. 470, 347. *Bähr*, I, 289.

³⁾ *Götting. Nachr.*, 1870, p. 111 sqq.

читать, и извѣстіе о 25-лѣтнемъ возрастѣ поэта въ годъ его поѣздки за-
границу является просто результатомъ чьей-то догадки, основанной на
фактѣ ровесничества Теренція со Сципіономъ.

Этихъ соображеній, къ которымъ примкнули и новѣйшіе историки
римской литературы ¹⁾, нельзя не признать очень остроумными, но бѣда
въ томъ, что заложены то они на слишкомъ непрочномъ фундаментѣ;
этого впрочемъ нельзя ставить въ вину Заунне, такъ какъ фунда-
ментъ осѣлъ и далъ трещины лишь впоследствии.

Прежде всего надо замѣтить, что ни въ *A*, ни въ *D* не читается
vicesimum: въ *A*, по провѣркѣ Г. Мейнке, оказалось *inicesimum*,
а въ *D* Юнгманъ и Енгъ нашли *trigessimum* вмѣсто фаленовскаго
vigessimum ²⁾. Палеографически *inicesimum* столь же близко къ *vicesi-*
num, сколько и къ *tricesimum*, но если бы даже и было несомнѣнно,
что *inicesimum* въ *A* произошло именно изъ *vicesimum*, то и тогда не
слѣдовало бы слѣпо довѣряться этому чтенію. Дѣло въ томъ, что Ричль
ужь слишкомъ умалилъ значеніе семи позднѣйшихъ рукописей: путемъ
тщательнаго изученія вариантовъ мы пришли къ убѣжденію, что для
критики текста біографіи Теренція ватиканская рукопись *F* (cod. Reg. in.
1492, XV вѣка) ничуть не менѣе важна, чѣмъ *A* ³⁾, хотя послѣдняя
гораздо древнѣе. Въ résumé, чтеніе *vicesimum*, изъ-за котораго и
сырь-боръ то загорѣлся, оказывается просто висящимъ въ
воздухѣ.

Что же касается „contendens“ Фенестеллы, то оно допускаетъ и
совсѣмъ иное объясненіе, устраняющее выводъ, сдѣланный Заунне. Дѣло
въ томъ, что неизвѣстенъ былъ годъ рожденія Лэлія; знали только, что
онъ былъ старше Сципіона, а былъ ли и онъ младше Теренція на-
счетъ этого мнѣнія въ древности расходился. Фенестелла и могъ „con-
tendere“, что Теренціи былъ старше обонхъ, т. е. и Лэлія.

¹⁾ Teuffel-Schwabe ³, p. 178, 7. Schanz, p. 62, 41. Ribbeck, Gesch. d.
röm. Dicht., I², p. 131.

²⁾ Ср. Ritschl, Opusc. 3, 211, 216.

³⁾ Объ этомъ подробнѣе поговоримъ въ другомъ мѣстѣ.

ГДѢ ПИСАНО ПОРФИРЬЕВСКОЕ ЧЕТВЕРОЕВАНГЕЛІЕ 835 ГОДА?

Г. Церетели.

Гардтгаузенъ въ своей Griechische Palaeographie (стр. 184), вполне справедливо отождествляя Порфирьевское Четвероевангеліе 835 г. ¹⁾, въ виду одинаковости принци, съ тѣмъ Евангеліемъ, которое видѣлъ Шольцъ ²⁾ въ лаврѣ Саввы Освященнаго, высказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предположеніе, что монахъ Николай, писецъ Евангелія, жилъ въ лаврѣ и тамъ окончилъ свой трудъ. Основаніемъ же для этого предположенія служитъ у Гардтгаузена та мысль, что, при стѣпенномъ положеніи христіанъ на Востокѣ въ первой половинѣ IX в., столь отдаленный монастырь, какъ лавра св. Саввы, едва-ли могъ дѣлать какія-либо пріобрѣтенія.

Отсюда Гардтгаузенъ дѣлаетъ затѣмъ слѣдующій выводъ: „Итакъ, древнѣйшіе достовѣрные слѣды вполне сформировавшагося минускулянаго письма ведутъ насъ не къ Византійской имперіи, а къ Мертвому морю“ ³⁾.

Но этотъ выводъ разрушается небольшою замѣткой, которая находится на л. 344 упоминаемаго Евангелія и принадлежитъ рукѣ того же монаха Николая.

Въ замѣткѣ этой, посвященной памяти трехъ святыхъ: Платона, Θεοδωρα и Ιωσήφ, мы читаемъ слѣдующее:

ἐτελειώθη ἐν κ(ορ)ίω ὁ βίσις (καὶ) θεοφόρος
π(ατ)ήρ ἡμῶν πλάτων ὁ τοῦ χ(ριστο)ῦ ὁμολογη
[τ]ής ὁ μέγας τής αἰχομενης φωστήρ

¹⁾ Оно хранится теперь въ С.-Петербургской Императорской Публичной библиотекѣ за № 219.

²⁾ Scholz, Biblisch-kritische Reise, 1823. Перечисляя на стр. 145 рукописи, видѣныя имъ въ лаврѣ св. Саввы, Шольцъ упоминаетъ объ Евангеліи IX в., которое писано монахомъ Николаемъ въ 835 г. и приписъ котораго, приведенная Шольцомъ, вполне тождественна принципъ Порфирьевскаго Четвероевангелія.

³⁾ Griechische Palaeographie, p. 184: Die frühesten sicheren Spuren einer durchgebildeten Minuskel führen also nicht ins Byzantinische Reich, sondern ans Tode Meer.

μην(ι) ἀπριλλίω δ̄ ἰνδ(ικτιῶνος) ε̄ ἡμέ(ρα) δ̄
 ἐτελειώθη ὁ ἐν ἀγίοις θεόδωρος ὁ κοινὸς π(ατ)ῆρ ἡμῶν
 (καὶ) νέος τοῦ χ(ρι)στοῦ ὁμολογ(η)τήης)
 πολλοὺς ὁρόμους (καὶ) ἀγῶνας διανοήσας
 ἐν τῇ ἀμωμήτῳ (καὶ) ἀληθινῇ τῶν χ(ρι)στι
 ανῶν πίστει πολλοὺς τε φωτίσας (καὶ)
 ὁδηγῆσας εἰς ἐπίγνωσιν εὐσεβείας
 (καὶ) σ(ωτη)ρίας μην(ι) νοεμβρίῳ ἰα ἰνδ(ικτιῶνος) ε
 ἡμέ(ρα) α
 ἔτους δὲ ἀπὸ κτίσεως κόσμου Sτλε̄
 ἐτελειώθη(τη) ὁ ἐν ἀγίοις π(ατ)ῆρ ἡμῶν ἰωσήφ ὁ ἀγι
 ὄτατος ἀρχ(ι)επίσκοπος) θεσσαλονίκης
 (καὶ) νέος τοῦ χ(ρι)στοῦ ὁμολογ(η)τήης ἐν καλῇ ὁ
 μολογίᾳ (καὶ) μαρτυρίᾳ θανὼν ὑπὲρ
 τῆς ἀληθείας μην(ι) ἰ(ο)υλίῳ ἰε ἰνδ(ικτιῶνος) ι
 ἔτους δὲ κόσμου Sτμ + .

Какъ видно изъ контекста, года смерти Платона въ рукописи пѣтъ, но такъ какъ умершіе святые расположены въ хронологическомъ порядкѣ и смерть Θεодора падаетъ на 826 г. (6335 — 5509 = 826), которому соответствуетъ 5-й индиктъ, мы можемъ считать вполне достовернымъ, что въ первомъ случаѣ нужно поставить годъ 813-й, т. е. ἀπὸ κτίσεως κόσμου Sτκα, которому дѣйствительно, соответствуетъ 6-й индиктъ. Итакъ, Платонъ умеръ 4 апрѣля 813 г.

Теперь нужно точнѣе опредѣлить личности святыхъ: св. Платонъ ¹⁾, скончавшійся въ 813 г., былъ именуемъ Саккудиона и приходился дядей по матери знаменитому возстановителю Студійскаго монастыря Θεодору, воспитаніемъ и развитіемъ котораго онъ занимался съ особымъ усердіемъ.

Θεодоръ же Студитъ умеръ въ 826 г. и память его празднуется 11 ноябрю ²⁾, а слѣдовательно Θεодоръ, упомянутый въ разбираемой нами запискѣ, и есть тотъ святой, который такъ энергично отстаивалъ почитаніе иконъ и ввелъ знаменитый монашескій уставъ, послужившій основаніемъ для устава Кіево-Печерской лавры. Что же касается св. Іосифа, архіепископа Θεσσαλονικεσкаго, то онъ, какъ извѣстно, былъ братомъ Θεодора Студита и, отстаивая почитаніе иконъ, умеръ муче-

¹⁾ См. Четьи-Минен, апрѣль, день 5, а также Thomas, Theodor von Studion und sein Zeitalter, 1892 г.

²⁾ См. Четьи-Минен, ноябрь.

нической смертью въ 832 г., на что, повидимому, и указываютъ слова ἐν μαρτυρίᾳ θανὼν ὑπὲρ τῆς ἀληθείας. Такимъ образомъ, въ приведенной нами замѣткѣ упомянуты три главныхъ представителя Студійскаго монастыря, связанные между собой не только родственными отношеніями, но и общностью взглядовъ. А именно: Платонъ былъ не только дядей Θεодора Студита, но и воспитателемъ его, вполне раздѣлявшимъ всѣ мысли своего племянника; Осодоръ—энергичный дѣятель, отстаивавшій истину Христовой церкви и ея интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ обязанъ Платону своимъ духовнымъ развитіемъ, а Юсифъ, братъ Осодора, былъ его горячимъ послѣдователемъ, и вплоть до своей смерти боролся, подобно брату, противъ преслѣдователей ев. иконъ.

Но такъ какъ въ каждомъ монастырѣ преимущественно уважаются свои собственные святые, какъ люди главнымъ образомъ способствующіе славлѣ монастыря, то и въ данномъ случаѣ происхожденіе замѣтки о трехъ вышеупомянутыхъ святыхъ трудно объяснить простымъ желаніемъ писца сказать нѣсколько словъ о выдающихся представителяхъ церкви того времени. Скорѣе причину этой замѣтки нужно видѣть въ томъ, что самъ Николай принадлежалъ къ Студійской общинѣ, на что и указываютъ слова, относящіяся къ Θεодору и какъ бы выдѣляющія его изъ числа двухъ другихъ святыхъ, а именно: ὁ κοινὸς πατὴρ ἡμῶν—общій отецъ нашъ, т.-е. настоятель монастыря, игуменъ, πολλοὺς φωτίσας καὶ ὁδηγήσας εἰς ἐπίγνωσιν εὐσεβείας.

Студійскій же монастырь находился въ Константинополѣ, и, слѣдовательно, древнѣйшій памятникъ вполне образованнаго строчнаго письма, Четвероевангеліе 835 г., ведетъ насъ не „къ Мертвому морю“, къ центру Византійской имперіи. Здѣсь, гдѣ было главное средоточіе научно-литературной дѣятельности всего государства, естественно должна была получить свое начало и мысль о необходимости преобразовать господствовавшее до того времени курсивное письмо. Въ силу своего главнаго принципа, какъ можно болѣе соединять одну букву съ другою, курсивъ мало-по-малу сдѣлался до такой степени неразборчивымъ, что невольно приходилось замѣнить его новымъ родомъ письма, болѣе удобнымъ какъ для написанія, такъ и для переписыванія всякаго рода литературныхъ произведеній. Поэтому, когда курсивъ, получивъ свою окончательную переработку, преобразовался въ строгостилизованное строчное письмо, послѣднее въ скоромъ времени приобрѣло самое широкое распространеніе и стало употребляться не только для книгъ свѣтскаго, но и духовнаго содержанія, замѣнивъ, въ послѣднемъ случаѣ, существовавшій исключительно для этой цѣли

установить, доказательствомъ чего и служить, прежде всего, Порфирьевское Четвероевангеліе 835 г. Но для того, чтобы новый родъ письма могъ приобрести полныя права гражданства, нуженъ былъ, конечно, продолжительный періодъ времени, такъ что мы съ полной достовѣрностью можемъ относить начало вполне образованнаго строчнаго письма къ концу VIII вѣка.

Переходимъ теперь къ палеографическому разбору замѣтки (см. снимокъ):

Изъ буквъ, въ сравненіи съ буквами Евангельскаго текста, главнымъ образомъ, со стороны формы выдѣляются слѣдующія: ε, η, ζ, ι, θ и ς.

Буква ε въ замѣткѣ по большей части имѣетъ форму строчную, но два раза въ лигатурахъ ευ и ερ она принимаетъ форму чисто-курсивную, которую мы находимъ уже въ надписяхъ VI в.

Эта форма представляетъ изъ себя полукъ, отъ котораго идетъ вверху вправо прямая линія, соединяющаяся затѣмъ посредствомъ вспомогательнаго штриха съ послѣдующей гласной или согласной. Такая же форма встрѣчается очень часто и въ текстѣ Евангелія въ лигатурахъ ες и ες̄.

Буквы η и ζ, въ свою очередь, интересны тѣмъ, что ихъ лѣвая сторона начинается небольшимъ тонкимъ штрихомъ, который имѣетъ наверху закругленіе и затѣмъ переходитъ въ прямую перпендикулярную линію, причемъ присутствіе этого штриха не всегда обуславливается желаніемъ соединить букву η или ζ съ предыдущей. То же самое можно сказать и о буквѣ ι, которая встрѣчается здѣсь въ такой формѣ гораздо чаще, чѣмъ въ обыкновенной, но исключительно въ серединѣ слова.

Что же касается до буквы θ, то на ряду съ формою строчной мы находимъ четыре раза форму курсивную въ словахъ: θεόδωρος. ἀληθινῆ, θανών и ἀληθείας (строки 5, 8, 16, 17). Особенно интересна лигатура θι (ἀληθινῆ). Здѣсь мы видимъ курсивное θ, соединенное своей правой стороной съ буквою ι, которая почти вся спускается подъ строку, причемъ обѣ буквы такъ тѣсно связаны одна съ другою, что на первый взглядъ кажутся однимъ цѣлымъ.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о буквѣ ς. Эта буква одинъ разъ попадаетъ здѣсь въ замѣткѣ въ формѣ, нѣсколько отличающейся отъ нормальной строчной, а именно въ словѣ ὁπέρ (строка 16) лѣвая сторона буквы нѣсколько выше правой и начинается къ тому же

небольшимъ загибомъ. Такую же форму, и притомъ въ томъ же слогѣ, $\omega\pi$ мы находимъ нѣсколько разъ въ Евангеліи на лл. 340 и 341.

Сверхъ всего этого относительно письма замѣтки можно сдѣлать еще слѣдующія замѣчанія:

1) Удареній и придыханій въ замѣткѣ почти нѣтъ; исключеніе представляютъ слова: $\kappa\alpha\iota$ (строка 6), $\delta\iota\alpha\lambda\omicron\iota\sigma\alpha\varsigma$ (строка 7), $\kappa\alpha\iota$ (строка 9), $\delta\ \acute{\alpha}\rho\iota\omega\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ (строка 13), $\delta\omicron\mu\omicron\lambda\omicron\gamma\iota\alpha$ (строка 15) и $\mu\alpha\rho\tau\omicron\rho\iota\alpha$ (строка 16).

2) Двѣ точки надъ ι и υ ставятся, какъ и въ самомъ Евангеліи, лишь въ томъ случаѣ, если эти буквы начинаютъ собою новое слово. Ср. $\iota\omega\sigma\eta\varphi$ (строка 13), $\epsilon\upsilon\delta\iota\kappa\tau\iota\omega\nu\omicron\varsigma$ (строка 11), $\iota\omega\lambda\iota\omega$ (строка 17), $\epsilon\upsilon\delta\iota\kappa\tau\iota\omega\nu\omicron\varsigma$ ib., $\upsilon\pi\epsilon\rho$ (строка 16).

3) Изъ лигатуръ, кромѣ упомянутыхъ выше, мы находимъ еще слѣдующія: $\alpha\gamma$, $\alpha\nu$, $\alpha\tau$, $\epsilon\iota$, $\epsilon\nu$, $\epsilon\tau$, $\epsilon\upsilon$, $\epsilon\sigma\sigma$.

4) Изъ сокращеній встрѣчаются, во-первыхъ, сакральныя: $\pi\eta\rho$, $\omega\omega$, $\chi\rho$, во-вторыхъ, куренныя: $\eta\mu$, и, въ-третьихъ, тахиграфическія, а именно значки для союза $\kappa\alpha\iota$ и слоговъ $\eta\nu$ и $\alpha\varsigma$.

5) Какъ итализмъ, можно отмѣтить $\delta\iota\alpha\lambda\omicron\iota\sigma\alpha\varsigma$ вм. $\delta\iota\alpha\lambda\omicron\sigma\alpha\varsigma$, и, наконецъ, необходимо указать на то, что въ строкѣ 4-ой изъ словъ $\mu\eta\upsilon\iota$ $\acute{\alpha}\pi\rho\iota\lambda\lambda\iota\omega$ δ $\epsilon\upsilon\delta$. ξ $\eta\mu\epsilon$. δ слова ξ $\eta\mu\epsilon$ ($\rho\alpha$) δ , вписаны хотя и той же рукой, но чернилами, болѣе блѣдными. Причина, повидимому, заключается въ томъ, что онѣ внесены писцомъ нѣсколько позже.

Вообще, при сравненіи письма замѣтки съ письмомъ Евангельскаго текста въ глаза бросается нѣкоторая разница какъ въ общемъ характерѣ письма, такъ и въ особенностяхъ отдѣльныхъ элементовъ. А именно, вся замѣтка написана гораздо небрежнѣе, съ допущеніемъ кое-какихъ вольностей, которыхъ мы не замѣчаемъ въ самомъ текстѣ. Причина заключается въ томъ, что писецъ, который смотрѣлъ на переписываніе Евангелія, какъ на трудъ, требующій особой тщательности и старанія, естественно, прилагалъ все свои силы къ тому, чтобы сдѣлать письмо какъ можно болѣе изящнымъ и красивымъ; составленіе же простой замѣтки давало ему больше простора и слѣдствіемъ этого могло явиться допущеніе новыхъ лигатуръ и небрежность въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ.

Handwritten text in an ancient script, likely Coptic, on a fragment of papyrus. The text is arranged in approximately 15 horizontal lines, though the fragment is irregular and shows signs of wear and damage. The script is dense and cursive, with some characters appearing to be ligatures. The fragment is oriented vertically, with the text running from top to bottom. The background of the fragment is light-colored, possibly due to the age and texture of the papyrus.

О ФРИГІЙСКОМЪ БОГѢ МѢСЯЦѢ.

Я. Смирнова.

Желая принять послѣднее участіе въ издаваемомъ сборникѣ, дабы выразить глубокое уваженіе къ виновнику его изданія, авторъ настоящей статьи предполагалъ издать два рельефа Аонискаго Центрального Музея, но работа разрослась въ собраніе матеріаловъ о культѣ изображеннаго на этихъ рельефахъ бога.

Исслѣдованія о культѣ фригійскаго бога Мѣсяца начались, какъ то бываетъ нерѣдко, съ толкованія извѣстія, относящагося не къ нему, а къ сирійскому богу луны, чтившемуся въ Каррахъ. Этотъ богъ извѣстенъ изъ разказа Спартіана объ убіеніи Каракаллы и называется имъ „Lunus deus“¹⁾; ниже тотъ же Спартіанъ прямо указываетъ на то, что божество луны представляли въ Каррахъ въ мужскомъ видѣ²⁾.

Ученые, толкуя этотъ разказъ Спартіана, привлекли сюда извѣстія о лунномъ богѢ МѣсяцѢ, чтившемся въ М. Азій. отождествивъ этихъ двухъ боговъ, они занялись преимущественно вопросомъ о значеніи „Luni dei“ Спартіана: чтился ли въ образѣ его Мѣсяцъ, какъ свѣтило, или же Мѣсяцъ, какъ время, опредѣляемое движеніемъ свѣтила³⁾.

Когда къ литературнымъ свидѣтельствамъ были присоединены нумизматическія данныя, то явилась возможность болѣе правильнаго сужденія о МѣсяцѢ, причемъ выдвинулся на первый планъ фригійскій богъ⁴⁾. Аббатъ Le Blond, въ текстѣ къ изданію рѣзныхъ камней гер-

¹⁾ Spartian. Carac. VI, 6 (Script. hist. Aug. I, p. 186 Peter).

²⁾ Ibid. VII, 3—5. Прочіе историки, упоминая о храмѣ въ Каррахъ, называютъ почитаемое тамъ божество просто Луною, не отмѣчая представленія ея въ образѣ мужскаго божества, ср. Herodian. IV, 13, 3. Ammian. Marcell. XXIII, 3, 2.

³⁾ Казобонъ стоялъ за первое толкованіе, Сальмазій — за второе. Также расходились въ мнѣніяхъ и иные ученые. Ср. Guigniaut, Religions de l'antiquité, II, 3, p. 962.

⁴⁾ Полное собраніе указаній изъ старыхъ нумизматическихъ изданій о МѣсяцѢ, именовавшемся и до сихъ поръ именуемомъ нумизматами Lunus, см. у Rasche, Lexicon universale rei numariae vet. et praes. Graecorum ac Romanorum, Leipzig, 1785—1805, II, 2, p. 1883—1886.

цога Орлеанскаго, объясняя одну голову юноши въ фригійскомъ колпакѣ со звѣздами, какъ изображеніе Мѣсяца, говоритъ вкратцѣ объ этомъ богѣ и приводитъ нумизматическія указанія; тутъ же возстаетъ онъ противъ имени *Lunus*, устремляемаго антикварами, какъ слова, встрѣчающагося лишь однажды, и то у поздняго писателя. Le Blond считаетъ Мѣсяцъ богомъ не луны, а мѣсяца (*meusis*); въ текстѣ Стравона (см. ниже I, 6) Le Blond предлагаетъ читать вмѣсто *Ἀρχαῖος* и *Ἀσχαῖος* — *Ἀσκηρός*, основываясь на одной сардской монетѣ, а въ изображеніи страннаго божества на монетахъ Фарнака I видитъ Мѣсяцъ „Фарнаку“¹⁾. На заключительной вишкеткѣ у Le Blond'a издана монета съ погруднымъ изображеніемъ Мѣсяца и надписью *Κουδὸν Γαλατίας*²⁾.

Тотъ же Le Blond вернулся къ той же темѣ въ читанныхъ имъ въ „Académie des Inscriptions“ „Observations sur le prétendu dieu Lunus“³⁾. Здѣсь онъ доказываетъ то же, что и при описаніи упомянутаго выше камня, но его доказательства, приводимыя въ пользу главнаго положенія, не убѣдительны. Слово *μήνη* Le Blond считаетъ происшедшимъ отъ *μήν* на основаніи свидѣтельства Исидора Пелусійскаго (s. v *Μήνη*); прямое указаніе Стравона (см. ниже) о святилищѣ Мѣсяца считаетъ указаніемъ лишь на то, что въ этомъ святилищѣ чтилась и Селпна и т. д. Указанія о культѣ Мѣсяца изъ нумизматики собраны Le Blond'омъ весьма тщательно, приведены и важнѣйшія свидѣтельства писателей, причемъ у Лукіана (I, 1) вмѣсто *Μήνη* онъ предлагаетъ читать, согласно съ оксфордской рукописью, *Μηνί*. Основываясь на одѣяніи бога Мѣсяца, онъ считаетъ его фригійскимъ.

Яблонскій, въ статьѣ своей: *Remplah, Aegyptiorum deus*⁴⁾, примыкаетъ къ тѣмъ, которые считали Мѣсяцъ богомъ времени, и для доказательства этого указываетъ, въ особенности, на свидѣтельство Прокла (I, 12); съ стравоповымъ эпитетомъ Мѣсяца *Ἀσχαῖος* или *Ἀρχαῖος* Яблонскій сопоставляетъ упоминаніе Плутарха⁵⁾ о Зевсѣ Аскреѣ, чтив-

¹⁾ Le Blond, Description des principales pierres gravées du Cabinet de S. A. S. M. le Duc d'Orléans, Paris, 1780, I, p. 81 сл.

²⁾ Монета съ изображеніемъ Мѣсяца, относимая Le Blond'омъ къ Тиверіадѣ, принадлежитъ Паппѣ Писидійской (ср. Saulcy, Numismatique de la Terre Sainte, Paris, 1874, p. 338, № 10), а монета съ изображеніемъ бюста Мѣсяца на одной сторонѣ и горбатаго быка на другой, съ надписью *ANTIOX ΔΙΟΝΥΣΟΥ*, принадлежитъ не Антиоху VI Діонису (о монетахъ его см. Catalogue of the Coins Seleucid Kings of Syria, p. 63 сл.), а, вѣроятно, одной изъ мало-азійскихъ Антиохій.

³⁾ Histoire de l'Académie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, XLII, p. 381—391.

⁴⁾ Jablonskii Opera, ed. Water, 1806, II, p. 64—72.

⁵⁾ Plutarch. Animine an corporis affectiones sint peiores, 4 (Moralia III, p. 301 Bernardakis).

ишемся въ Лидіи, съ которымъ, конечно, эпитетъ Мѣсяца не имѣеть ничего общаго, кромѣ нѣкотораго созвучія.

Крейцеръ въ своей „Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen“¹⁾ посвятилъ Мѣсяцу особый параграфъ, гдѣ собралъ свѣдѣнія о его культѣ, останавливаясь преимущественно на представленіяхъ луны въ мужскомъ образѣ и сближая поэтому Мѣсяцъ съ кипрскимъ „Афродитомъ“.

Гораздо полнѣе трактуетъ о Мѣсяцѣ Гиньо въ его распространенномъ переводѣ Крейцера²⁾. Въ обширномъ примѣчаніи „sur le dieu Men, Lunus et Mensis“ Гиньо занимается, главнымъ образомъ, вопросами о значеніи имени бога (Lunus или Mensis) и о происхожденіи его культа. По мнѣнію Гиньо (р. 966), Мѣсяцъ одновременно является и божествомъ самого свѣтила, и божествомъ опредѣляемаго его движеніемъ времени. Заслугу Гиньо, на нашъ взглядъ, составляетъ то, что онъ привлекъ для доказательства „индо-персидскаго“ (арійскаго) происхожденія культа Мѣсяца изображенія на индо-бактрійскихъ монетахъ бога Мао (р. 968—971); но напрасно, повидимому, считаетъ Гиньо нужнымъ, для выясненія „истинныхъ началъ“ этого культа, обращаться къ семитическому Востоку. Это привело Гиньо къ невѣрному наименованію Зевса Уранія на монетахъ Антиоха VIII Грива³⁾ Зевсомъ Мѣсяцемъ и „Мѣсяцемъ Діемъ“ македонскаго календаря.

Альфредъ Моріи представилъ обстоятельное изслѣдованіе о Мѣсяцѣ, на основаніи извѣстныхъ ему данныхъ⁴⁾. Сравнивая изображенія бога Мѣсяца съ изображеніями бога „Мао“ на индо-скиоскихъ монетахъ, а эпитетъ „Φαράχου“ объясняя изъ персидскаго языка, Моріи считаетъ Мѣсяцъ божествомъ арійскимъ; но онъ не отдѣляетъ его отъ бога, чтившагося въ Каррахъ, и даже предполагаетъ, на основаніи каррскихъ монетъ, что древнѣйшими изображеніями м. азійскаго бога были овалыныя камни, украшенные полумѣсяцемъ. Съ Мѣсяцемъ „Φαράχου“ Моріи сближаетъ какого-то мисійскаго бога Фанаку, упоминаемаго Авзоніемъ⁵⁾, а также бога, чтившагося въ Закавказьѣ у Албанцевъ (Армянъ?)⁶⁾.

¹⁾ 3 изд. 1841, II, p. 359 сл.

²⁾ Guigniaut, Religions de l'antiquité, Paris, 1829, II, 1, p. 83—85 и примѣчаніе II, 3, p. 962—978.

³⁾ Guigniaut, p. 973, pl. LXXII, 331. Cp. Babelon, Catalogue des monnaies grecques de la Bibliothèque Nationale. Les Rois de Syrie, d'Arménie et de Commagene, Paris, 1890, p. 179 и CLIX, pl. XXIV, 12.

⁴⁾ Maury, Histoire des religions de la Grèce antique, Paris, 1859, III, p. 123—130.

⁵⁾ Auson. Epistol. XLVIII, XLIX, p. 330—331 Peiper.

⁶⁾ О разрушеніи храма этого бога христіанами см. Wolff, De novissima oraculorum aetate, p. 27.

Ваддингтонъ первый положилъ въ основаніе разсужденія о богѣ Мѣсяцѣ наиболѣе прочный матеріалъ—надписи. Онъ представилъ списокъ извѣстныхъ изъ надписей и упоминаній писателей эпитетовъ Мѣсяцевъ, чтившихся въ М. Азін ¹⁾.

Неоднократно касался культа Мѣсяца Дрекслеръ. Такъ въ *Zeitschrift für Numismatik* XIV (1887), p. 115 сл., онъ собралъ нумизматическія и эпиграфическія данныя о сопоставленіи Мѣсяца съ Артемидою; въ томъ же томѣ, p. 375 сл., по поводу статьи Schlumberger'a о статуэткѣ изъ Кулы, собраны имъ примѣры сопоставленія Мѣсяца съ пѣтухомъ. Въ *Zeitschrift für Numismatik* XV, p. 76 сл., Дрекслеръ говоритъ о нѣкоторыхъ изображеніяхъ Мѣсяца на монетахъ, а также о сближеніи Мѣсяца съ Асклипіемъ и Савазіемъ ²⁾.

Наиболѣе обстоятельное изслѣдованіе о Мѣсяцѣ принадлежитъ Рошеру ³⁾. Особенно важно это изслѣдованіе, помимо того, что въ немъ представлень сводъ разнаго рода свѣдѣній о культѣ Мѣсяца, двумя таблицами (Ia и Ib) съ изображеніями Мѣсяца на монетахъ, такъ какъ до тѣхъ поръ болъшая часть этихъ монетъ была извѣстна лишь по описаніямъ, а рисунки нѣкоторыхъ изъ нихъ не были достаточно точными ⁴⁾. Авторъ изслѣдуетъ вопросъ о распространеніи культа Мѣсяца (p. 119—131) на основаніи данныхъ литературныхъ, эпиграфическихкихъ и нумизматическихкихъ, а также вопросъ о „смѣшеніи малоазійскаго Мѣсяца съ Миорою, Аттисомъ, Савазіемъ, Асклипіемъ и Ека-

¹⁾ Le Bas et Waddington, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. Inscriptions III, 2. Explications des inscriptions grecques et latines, V partie, №№ 667. 668. Въ своихъ статьяхъ о путешествіи по М. Азін, напечатанныхъ въ *Revue Numismatique* 1851—1853, Ваддингтонъ касается культа Мѣсяца лишь мимоходомъ, по поводу нѣкоторыхъ изображеній его на монетахъ. Ср. также краткія замѣчанія о культѣ Мѣсяца Гѣзэ (Hesey), при изданіи имъ рисунка (довольно неяснаго) съ рельефа въ Bayeux въ Нормандіи. *Rev. Archéol.* XIX (1869), p. 1—6, pl. I. Schlumberger, *Gaz. archéol.* 1880, p. 191—195, pl. 32, издавая глиняную статуетку Мѣсяца изъ Месоніи при объясненіи ея, говоритъ преимущественно о пѣтухѣ, якобы неизвѣстномъ до тѣхъ поръ атрибутъ Мѣсяца, и приводитъ по этому поводу интересныя указанія о принесеніи въ жертву пѣтуха лувимымъ божествамъ у Семитовъ.

²⁾ Ср. также замѣтки о Мѣсяцѣ того же Дрекслера въ *N. Jahrb. f. Philol.* 1894, p. 322, 326—327.

³⁾ W. H. Roscher, Ueber die Reiterstatue Jul. Caesars auf dem Forum Julium und den *ἄπτερος πρότερος* einer Münze des Gordianus Pius von Nikaia (Bithynien). *Berichte über die Verhandlungen der K. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Phil. hist. Classe* XLIII (1891), p. 96—154, особенно p. 119 сл.: Einiges über Kult, Wesen und bildliche Darstellung des kleinasiatischen Mondgottes. Указаніемъ на эту статью я обязанъ любезности II. Вольтера.

⁴⁾ Хотя въ этой части своего труда Рошеръ во многомъ обязанъ содѣйствию извѣстнаго нумизмата Imhoof-Blumer'a, по ему не удалось далеко исчерпать всѣхъ изображеній Мѣсяца на монетахъ.

тою“ (р. 131—137), что требовалось главнымъ предметомъ всей статьи, никейскою статуею Цезаря. Въ ней авторъ видитъ изображеніе Цезаря въ образѣ бога Мѣсяца-Мнѳры (р. 138 сл.), хотя, на нашъ взглядъ, несомнѣнныхъ примѣровъ именно такого отождествленія божествъ автору найти и не удалось.

Наконецъ, въ послѣднемъ изданіи „Греческой мнѳологіи“ Преллера культу Мѣсяца посвящены слѣдующія строки: „daneben (на ряду съ Селиною) wurde später auch ein männlicher Mondgott, der Μῆν τὸ-ρανος, dessen Cult aus Kleinasien zu stammen scheint, namentlich in Attika vielfach verehrt“¹⁾.

Указанными статьями исчерпывается наиболѣе важная литература о культѣ фригійскаго Мѣсяца.

I.

Литературныя свидѣтельства о культѣ фригійскаго бога Мѣсяца немногочисленны и, по содержанию своему, очень скудны. Предлагая ихъ сопоставленіе, мы предпошлемъ тѣ изъ нихъ, которыя не сообщаютъ о богѣ Мѣсяцѣ ничего иного, кромѣ того, что онъ почитался во Фригіи.

1. Лукіанъ (Jupiter tragœdus, 42), очевидно, играя словами, сопоставляетъ почитаніе фригійцами Мѣсяца съ почитаніемъ эііопами Дня: Φρύγες δὲ Μῆνῆν (лучше Μηνί по поправкѣ Диндорфа)²⁾ καὶ Αἰθίοπες Ἡμέραν (Θύοντες)³⁾.

2. Очевидно, Мѣсяцъ же должно понимать въ словахъ Климента Александрійскаго о язычникахъ (Cohortatio ad gentes = Patrol. gr. VIII, p. 96 Migne): καὶ προσεκύνησαν ἧλιον ὡς Ἴνδοὶ καὶ σελήνην ὡς Φρύγες⁴⁾.

Въ числѣ правилъ, приписываемыхъ Пифагору, находится одно, воспрещающее убивать бѣлаго пѣтуха, какъ посвященнаго Мѣсяцу. Объ этомъ правилѣ упоминаютъ:

3. Діогенъ Лаэртскій (Vit. philos. VIII, 34).

4. Ямвлихъ (Vita Pythag. XVIII (84), ср. XXVIII (147)).

5. Ямвлихъ (Protrept. XXI, 18, p. 107 Pistelli) приводитъ 16-ое правило Пифагора въ такой формѣ: ἀλεκτρούνα τρέφε μὲν μὴ θῆε δέ. Μῆνῆν (Μηνί?) γὰρ καὶ ἡλίῳ καθιέρωται⁵⁾.

¹⁾ Preller-Robert, Griechische Mythologie I⁴, p. 446.

²⁾ Ср. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes (=Studien zur griechischen Mythologie und Kulturgeschichte vom vergleichenden Standpunkte, 4-es Heft), Leipzig, 1890, p. 133¹.

³⁾ Ср. Schol. ad Lucian. IV, p. 173 Jacobitz.

⁴⁾ Стравонъ (см. ниже, 6), перечисляя святилища Мѣсяца, называетъ ихъ σελήνης ἱερά.

⁵⁾ Свидѣ, п. сл. Πυθαγόρας, говоритъ о посвященіи пѣтуха только солнцу.

Изъ этихъ свидѣтельствъ ясно, что объясненія Диогена Лаэртскаго и Ямвлиха (первое), будто бы пѣтухъ былъ посвященъ Мѣсяцу потому, что онъ крикомъ своимъ указываетъ время, основаны на ошибочномъ или умышленномъ пониманіи слова *Μῆν*, какъ „мѣсяць“ (*mensis*). Изъ второго свидѣтельства Ямвлиха слѣдуетъ, что бѣлый пѣтухъ былъ посвященъ не отвлеченному понятію времени, а свѣтилу или богу этого свѣтила ¹⁾.

Наиболѣе точныя свѣдѣнія о культѣ Мѣсяца въ М. Азии даетъ Стравонъ.

6. Говоря о понтийскомъ городѣ Кавирахъ (*τὰ Κάβειρα, Διόσπολις, Σεβαστή*) Стравонъ (XII, р. 557) упоминаетъ о близъ лежащемъ святилищѣ Мѣсяца: *ἔχει δὲ καὶ τὸ ἱερόν Μηνὸς Φαρνάκου καλούμενον, τὴν Ἀμερίαν χωμόπολιν πολλοὺς ἱεροδοῦλους ἔχουσαν καὶ χώραν ἱεράν, ἣν ὁ ἱερωμένος ἀεὶ καρποῦται. ἐτίμησαν δ' οἱ βασιλεῖς τὸ ἱερόν τοῦτο οὕτως εἰς ὑπερβολὴν ὥστε τὸν βασιλικὸν καλούμενον ὄρκον τοῦτον ἀπέφηναν „τύχην βασιλέως“ καὶ „Μῆνα Φαρνάκου“. ἔστι δὲ καὶ τοῦτο τῆς Σελήνης τὸ ἱερόν, καθάπερ τὸ ἐν Ἀλβανοῖς καὶ τὰ ἐν Φρυγίᾳ, τό τε τοῦ Μηνὸς ἐν τῷ ὁμωνύμῳ τόπῳ καὶ τὸ τοῦ Ἀσκαίου τὸ πρὸς Ἀντιοχείᾳ τῇ πρὸς Πισιδίᾳ καὶ τὸ ἐν τῇ χώρᾳ τῶν Ἀντιοχέων.*

7. Въ разсказѣ объ Антиохіи Писидійской Стравонъ (XII, р. 577) сообщаетъ: *ἦν δὲ ἐνταῦθα καὶ ἱερωσύνη τις Μηνὸς Ἀρχαίου, πλήθος ἔχουσα ἱεροδοῦλων καὶ χωρίων ἱερῶν κατελύθη δὲ μετὰ τὴν Ἀμόντου τελευταίην ὑπὸ τῶν πεμφθέντων ἐπὶ τὴν ἐκείνου κληρονομίαν ²⁾.*

8. Наконецъ, говоря о границахъ между Фригіей и Каріей, Стравонъ (XII, р. 580) упоминаетъ еще объ одномъ святилищѣ Мѣсяца: *μεταξὺ δὲ τῆς Λαοδικείας καὶ τῶν Καρόρων ἱερόν ἐστὶ Μηνὸς Κάρου καλούμενον τιμώμενον ἀξιολόγως.*

Можно думать, что эта святильня *Μηνὸς Κάρου* соотвѣтствуетъ выше упомянутой святильнѣ Мѣсяца ἐν τῷ ὁμωνύμῳ τόπῳ: „соименное мѣсто“ могло быть соименно или имени бога или его прозвищу.

9. Въ первомъ случаѣ сюда надо отнести упоминаемую Аэинеемъ (II, р. 43 а), при перечисленіи свойствъ источниковъ м. азійскихъ, *Μηνὸς κόμη* во Фригίи, замѣчательную своими минеральными водами. Во второмъ случаѣ имя деревни должно было быть „*Κάρου*“. У Стефана

¹⁾ Насколько древне это указаніе и откуда оно ведетъ свое начало, мы этого рѣшить не можемъ. Замѣтимъ лишь, что В. Розе внесъ свидѣтельство Диогена Лаэртскаго въ число отрывковъ сочиненія Аристотеля *περὶ τῶν Πλάτωνα*. V. Rose, Aristoteles Pseudepigraphus, р. 200.

²⁾ Т.-е., послѣ 25 г. по Р. X. Ср. Mommsen, Röm. Geschichte V², р. 308 сл. Duc de Luynes, Rev. numism. 1845, р. 253 сл.

Византійскаго упоминается *Καρόπολις: πόλις Καρίας: Ἀλέξανδρος Καρικῶν πρότερον* (= FNG III, p. 234, fr. 54 Müller). Если считать это имя образованнымъ по аналогіи съ именами другихъ городовъ по имени чтившихся въ нихъ боговъ (Діосполь, Созополь), то и *Καρόπολις* объясняется какъ *πόλις Κάροου*; въ такомъ случаѣ онъ будетъ, быть можетъ, тождествененъ съ святилищемъ *Μηνὸς Κάροου* на границахъ Каріи. Но при такомъ толкованіи можно предполагать, что это поселеніе при святынѣ *Μηνὸς Κάροου* пришло въ упадокъ, такъ какъ „городъ“ Александра Полистора (I пол. I в. до Р. X.), во время Стравона, не былъ уже городомъ: иначе едва-ли онъ называлъ бы его просто *τόπος*. Далѣе, если Карополь тождествененъ съ *Μηνὸς κόμη*, упоминаемой Афинесемъ, то надо допустить, что онъ позже обратился въ деревню. Когда это случилось, намъ неизвѣстно, такъ какъ мы не знаемъ источника Афиней въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, едва-ли слѣдуетъ придавать особенное значеніе разницѣ въ обозначеніи этого селенія: Стравонъ называетъ Америю, селеніе при другой святынѣ Мѣсяца, довольно неопредѣленно *χωρόπολις*.

10. Упоминаніе Лукіана (*Jupiter tragoedus*, 8) о золотыхъ статуяхъ Мѣсяца далеко не имѣетъ того общаго значенія, какое придалъ ему Мори, утверждая, что статуи мѣсяца были обыкновенно золоченыя ¹⁾.

Лауард ²⁾ полагалъ, что изображенія лунныхъ боговъ бывали, большею частью, серебряныя. Онъ указывалъ на то, что одинъ пальмирецъ посвятилъ своему лунному богу „*σίγγον ἀργυροῦν*“ ³⁾ и понималъ это *σίγγον* въ смыслѣ статуи. Намъ кажется болѣе вѣроятнымъ понимать это *σίγγον* (лат. *signum*) какъ военный терминъ=знамя, значекъ, *signum militare* ⁴⁾.

11. Эліанъ въ утраченномъ сочиненіи своемъ „*περὶ Προνοίας*“ упоминалъ о томъ, что „*ἐν Γαδείροις βωμὸς Ἐνιαυτῶ ἴδρωται καὶ Μηνὶ ἄλλος ἐς τριῆν Χρόνον βραχυτέρον τε καὶ μακροτέρον*“ (fragm. 19, II, p. 195 Her-

¹⁾ Maury, Hist. des religions de la Grèce antique III, p. 123.

²⁾ Recherches sur le culte du cyprés pyramidal, p. 48.

³⁾ Kaibel, IGSI 971 (235 г. по Р. X.).

⁴⁾ Примѣры постановки такихъ значекъ, иногда съ изображеніемъ полумѣсяца, въ сврійскихъ храмахъ мы находимъ на монетахъ съ изображеніемъ іерусалимскаго храма (Sich, Numism. Chron. 1878, p. 120 сл.) и каррскаго храма (ср. Anali XIX (1847), tav. d'agg. P. V), а также на одномъ рельефѣ изъ Трахонитиды (изданъ въ собраніи фотографій Православнаго Палестинскаго Общества), гдѣ значекъ въ видѣ полумѣсяца стоитъ сбоку аркады съ алтарями семи планетъ. О «*Luna argentea*», пожертвованной Аттику, упоминаетъ надпись изд. Orelli 1903.

cher = Eustath. in Dionys. 453). Отдаленность этого алтаря отъ центра культа фригійскаго Мѣсяца не можетъ быть приводима какъ доказательство противъ принадлежности алтаря этому богу, такъ какъ одно изображеніе его найдено въ Бретоніи (см. ниже). Съ другой стороны, изъ словъ Эліана нельзя, конечно, заключать, что въ Гадирахъ чтился именно фригійскій Мѣсяць.

12. Философъ Проклъ (in Timaeum IV, p. 251, стр. 607, по изд. Шнейдера) упоминаетъ, что различныя подраздѣленія времени почитались какъ боги: *ὁ τὸν χρόνον μόνον ὡς θεὸν ὑμνήσασιν (θεουργοί), ἀλλὰ καὶ ἡμέραν αὐτὴν, καὶ νόκτα, καὶ μῆνα θεόν, καὶ ἐνιαυτόν*. Слѣдующія ниже слова указываютъ, что подъ „Мѣсяцемъ“ здѣсь надо разумѣть фригійскаго Мѣсяца: *ἐπεὶ καὶ παρ' Ἑλλήσι Μηνὸς ἱερά παρειλήφαμεν καὶ παρὰ Φρυγῶν Μῆνα Σαβαζίζιον ὑμνοῦμενον καὶ ἐν μέσαις Σαβαζίζιον τελεταῖς* ¹⁾.

13. Въ орфическихъ гимнахъ фригійскія божества упоминаются очень часто; но Мѣсяць упоминается лишь однажды (ad Musæum 40).

14. Нѣкоторыя весьма краткія упоминанія о фригійскомъ Мѣсяцѣ находятся у христіанскихъ апологетовъ (ср. выше 2). Тертуліанъ (Apologet. XIV), осмѣивая языческихъ боговъ, говоритъ: *cetera lasciviae ingenia etiam voluptatibus vestris per deorum dedecus operantur: despiciite Leatulorum et Hostiliorum venustates, utrum mimos an deos vestros in jocis et strophis vestris rideatis, mœchum Anubin, masculam lunam et Dianam flagellatam et Jovis mortui testamentum recitatum et tres Hercules famelicos irrisos. Sed et histrionum literae omnem fœditatem eorum designant*. Едва-ли можно сомнѣваться, что подъ masculam lunam слѣдуетъ разумѣть мужского луннаго бога, бога не греческаго и не римскаго, и, въ силу уже одного этого, смѣшного въ глазахъ апологетовъ.

15. Ипполитъ, римскій епископъ начала III в., (Perat. p. 186, 39 Gotting), отмѣчаетъ фригійское, очевидно, представленіе о Мѣсяцѣ, какъ податель плодовъ: *ὄναμις δεξιὰ ἐξουσιάζει καρπῶν. τοῦτον ἡ ἀγρωσία ἐκάλεσε Μῆνα*.

16. Большой интересъ для знакомства съ фригійскими вѣрованіями представляетъ гимнъ Аттеу, сохранный въ *Φιλοσοφοῦμενα* Ипполита ²⁾.

¹⁾ Страннымъ образомъ всѣ ученые, кромѣ Яблонскаго, приводившіе этотъ текстъ, пропускали почему-то первую фразу о заимствованіи культа (ἱερά ?) Мѣсяца отъ Эліанцевъ. Дѣйствительно, это, повидимому, противорѣчитъ всѣмъ прочимъ извѣстіямъ о фригійскомъ происхожденіи культа Мѣсяца. Но у Прокла подъ Эліанами, вѣроятно, разумѣются м. азійскіе греки въ отличіе отъ иныхъ варварскихъ народностей.

²⁾ Bergk. Poet. lyr. gr. III¹, p. 685 сл., гдѣ указана предшествующая литература. Ср. Froehner, Mélanges d'épigraphie et d'archéologie XV (1875), p. 49 сл.

Въ этомъ гимнѣ нѣкоторыя выраженія болѣе подходятъ къ Мѣсяцу, чѣмъ къ Аттису, напр., (*σὲ καλοῦσιν*) *ἐπουράμιον μηνὸς κέρασ* "Ἕλληνες ¹⁾. Конецъ гимна также скорѣе долженъ относиться къ Мѣсяцу, а не къ Аттису: *Εὐάν, ὡς Πάν, ὡς Βαχχεύς,*
ὡς ποιμήν λευκῶν ἄστρον.

Въ этомъ гимнѣ Аттису, быть можетъ, должно видѣть такое поэтическое произведеніе, въ которомъ, какъ и въ орфическихъ гимнахъ, авторъ старался возвеличить воспѣваемое божество путемъ отождествленій его съ другими божествами ²⁾.

17. Въ виду засвидѣтельствованнаго надписями (II, 1. 2) существованія въ Аттикѣ въ III в. до Р. X. культа Мѣсяца, мы считаемъ возможнымъ объяснять этимъ именно культомъ сохраненное Макробіемъ (Saturn. III, 8. 3) свидѣтельство аѳинскаго историка Филохора о существованіи двойныхъ представленій о лунѣ, какъ божествѣ женскомъ и мужскомъ: *Philochorus quoque in Atthide eandem* (двуполая) *adfirmat esse lunam et ei sacrificium facere viros cum veste muliebri, mulieres cum virili, quod eadem et mas aestimatur et femina* (= Müller, FNG I, p. 385, fr. 15). Издаваемый ниже аттический рельефъ (III, 28) рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ странному свидѣтельству Филохора о переодѣваніяхъ. Это свидѣтельство, быть можетъ, основано на неточныхъ и отчасти ироническихъ разсказахъ о м. азіійскомъ культѣ Мѣсяца, который Греки привыкли почитать какъ луну ³⁾. Подобныя разсужденія философовъ и мнѳологовъ о двойкой природѣ луны могутъ быть объясняемы тѣмъ, что имъ были извѣстны представленія о богинѣ Луны у Грековъ и существованіе луннаго бога у восточныхъ варва-

¹⁾ Ранѣе авторъ привелъ это выраженіе, снабдивъ его своими искусственными и насильственными толкованіями: *οὗτος ἐστίν (богъ), φησίν, ὁ ἐν πᾶσι ἀρσενόθλος ἀνθρωπος, οἱ ἀρσενότες Γηροόνην καλοῦσιν τρισφρατον, ὡς ἐκ γῆς βέοντα Γηροόνην, κοινῇ δὲ "Ἕλληνες «ἐπουράμιον Μηνὸς κέρασ», ὅτι καταμέμυχε καὶ κεραιακὲ πάντα πᾶσι.* На основаніи неожиданнаго упоминанія о Гиріонѣ Фрѣнеръ вводитъ упоминаніе его и въ текстъ гимна; это, кажется намъ, правильно: во Фригій почему-то въ число многочиселыхъ обитателей ея включили и Гиріона, какъ видно изъ разсказа Павсанія (I, 35, 7. 8) о костяхъ, найденныхъ близъ Темевооръ.

²⁾ Вѣроятно, цѣлныя указанія о культѣ Мѣсяца содержатся въ житіяхъ м. азіійскихъ святыхъ, но они намъ въ настоящее время, къ сожалѣнію, недоступны. *Leipziger, Rev. Arch.* XXVIII (1874), p. 303³ указываетъ на обильныя свѣдѣнія о фригійскихъ вѣрованіяхъ въ житіи Θεодора Анкирскаго.

³⁾ О двуполомъ представленіи Луны упоминается также въ орфическихъ гимнахъ IX, 4. Макробіи, Saturn. III, 8, 3, приводитъ свидѣтельство какого-то писателя Левина (Laevidius) о двойственности *Noctilucae* (т.-е., вѣроятно, *Lunae Noctilucae*), храмъ которой находился на Палатинѣ, ср. *Varr. de l. l. IV, 10.* Подобныя представленія приписывали также и Египтянамъ: *Plutarch, de Iside et Osiride 43* (*Moralia II, p. 516 Bernardakis*).

ровъ, изъ которыхъ наиболѣе близкими и извѣстными были, конечно, фригійцы. Поэтому-то въ этихъ философствованіяхъ и можно, кажется, видѣть косвенное свидѣтельство о фригійскомъ Мѣсяцѣ. Что такія двойкія представленія о природѣ Луны ограничивались лишь философскими разсужденіями, а не выражались опредѣленно въ практикѣ культа, объ этомъ свидѣлствуетъ то обстоятельство, что у насъ нѣтъ прямыхъ указаній о сопоставленіи гдѣ-либо мужского и женскаго божествъ Луны: ни *Mήν καὶ Μήνη*, ни *Lunus et Luna*, нигдѣ не называются рядомъ ¹⁾).

II.

Надписи, относящіяся къ культу Мѣсяца, въ громадномъ большинствѣ, м. азійскаго происхожденія. Въ М. Азіи такихъ надписей найдено весьма немного, а имена посвятившихъ ихъ лицъ исключительно варварскія; это доказываетъ, что культъ Мѣсяца въ европейскихъ странахъ не нашелъ себѣ столь многочисленныхъ послѣдователей, какъ нѣкоторые другіе азіатскіе культы.

Аттичскія надписи свидѣлствуютъ, что культъ Мѣсяца существовалъ въ Атикѣ въ III в. до Р. Х. и что этотъ богъ чтился тамъ азіатскими выходцами.

1. Прейская надпись CIA II 1587: *Διονύσιος καὶ Βαβυλίαι τῷ Μηνί τὸ ἱερὸν ἀνέθεσαν*, по характеру начертанія, не старше III в. до Р. Х. Отсутствие *patronymica* указываетъ на то, что лица, поставившія надпись, были метками или рабами, имя же *Βαβυλίαι* явно свидѣлствуетъ объ ихъ м. азійскомъ происхожденіи ²⁾).

2. Надпись того же времени, CIA II 1593, на посвяtitельномъ рельефѣ, найденномъ въ *Θορική* и хранящемся въ Аѳинскомъ Цен-

¹⁾ Косвенное свидѣтельство о ниже описываемыхъ изображеніяхъ Мѣсяца съ луннымъ серпомъ за плечами можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ математика первыхъ вѣковъ по Р. Х., Клеомена (*Κοκκλική θεωρία περὶ μετεώρων*, 13. 112, ed. Baeke, p. 135): *Μήν δὲ καλεῖται κατὰ τέσσαρα σημαίνοντα, καὶ γὰρ (1) ἡ Σελήνη (al. θεός) ὅταν ἢ σιγμοειδῆς τῷ σχήματι: Μήν καλεῖται... (слѣдуетъ 2-ое) Δύο μὲν οὖν τὰ πρῶτα σώματα ἔστιν, ἥτε μηνοειδῆς θεός (al. Σελήνη) καὶ τὸ τοῦ ἄερος κατάστημα, τὰ δὲ εἴη δύο σώματα и т. д. Конечно, это можно было бы понимать просто какъ указаніе на то, что серпъ мѣсяца назывался *μήν*, что подтверждается такими словами, какъ *μηνίσκος*, *μηνοφόρος*, *μηνοειδής*, но упоминаніе о богѣ (вѣриѣ, богинѣ) указываетъ, повидному, на знакомство автора съ изображеніями Селены и Мѣсяца съ серпомъ Луны за плечами.*

²⁾ Плита, на которой вырѣзана надпись, служила, судя по углубленію на верхней ея плоскости, подставкою для статуй. Въ музеѣ, гдѣ находится эта надпись, поверхъ ея прирѣзанъ другой камень, скрывающій эту вырѣзку; повидному, однако, правая нога стоявшей на подставкѣ фигуры была выставлена впередъ.

тральномъ Музеѣ (№ 1406), сохранилась не вполне: послѣ словъ *Μιτραδάτης καὶ ἡ γυνὴ Μηρί* видна наклонная черта, вѣроятно, начало возстановляемаго Кёлеромъ *ἀνέθηκον* (ср. ниже).

3. На Дилосѣ, въ храмѣ восточныхъ божествъ, найдена надпись, *Bull. de corr. hell. VI (1882), p. 345: Τάσσα Μηρί*. Имя *Τάσσα*, по мнѣнію Дрекслера (*N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 327*),—м. азіійское.

4. Въ Македоніи, въ скалѣ близъ Филиппъ, высѣченъ рельефъ, изображающій Мѣсяцъ; при немъ надпись рядомъ съ обычнымъ символомъ бога—серпомъ мѣсяца и звѣздою надъ нимъ *Galgestia. Primitia. pro filia. .ne* | v. s. l. m. (*Heuzey et Daumet, Mission archéologique de Macédoine, pl. IV, 1*). Глаза, изображенные надъ надписью, объясняютъ причину моленія Галгестіи.

Близъ Диррахіа Гёзэ нашелъ надпись: *IOR· MENI· AVG | SITA· ARETE | V. S. L. M.* (*CIL III 603*—*Heuzey et Daumet, o. c., p. 390, № 175*). Гёзэ толкуетъ эту надпись, какъ посвященіе *Iovi Optimo R... Meni Augusto*; Момзенъ въ первомъ словѣ предполагаетъ *For(tuna)...* *Augustæ*, слову же *Meni* объясненія не даетъ. Въ виду отсутствія другихъ латинскихъ надписей, называющихъ Мѣсяцъ, толкованіе Гёзэ мы принять не рѣшаемся.

М. азіійскихъ надписей, называющихъ Мѣсяцъ безъ всякаго эпитета, немного.

5. Близъ Смирны, на вост. склопѣ горы Пага, найдена интересная надпись, съ упоминаніемъ о храмѣ *Ἡλίου Ἀπόλλωνος Κισσαλοδδηνῶν*, построенномъ какимъ-то Аполлоніемъ, сыномъ Митродора, Спаромъ. Въ храмѣ, кромѣ статуи главнаго бога, стояла статуя Артемиды *καὶ Μηρὸς ἄγαλμα ἐπὶ βάσει μαρμαρίνη καὶ τράπεζα ποικίλη τετράγωνος καὶ βωμὸς μαρμάρινος ἔχων ἀετὸν ἐν ἑαυτῷ Διός*. (*Μουσ. καὶ βιβλ. τ. ἐν Σμύρνῃ εὐαγγ. σχολῆς 1876—78, p. 47 сл.*). Этотъ жертвенный столъ и алтарь назначены были, вѣроятно, для жертвоприношеній Мѣсяцу (м. б. вмѣстѣ съ Артемидою).

6. Мѣсяцъ имѣлъ особое святилище въ Сардахъ, на монетахъ которыхъ является онъ съ эпитетомъ *Ἀσκηρός* (ниже 16—19). Упомянутіе объ этомъ святилищѣ мы находимъ въ надписи, перевезенной изъ Сардъ въ Смирну (*Μουσ. καὶ βιβλ. 1876—78, p. 23*). Въ надписи этой перечисляются различные источники и въ числѣ ихъ (*κρήνη*) *περὶ τὸ Μηρὸς (ἱερὸν)...* (I. 17); такъ какъ послѣ слова *Μηρὸς* надпись испорчена, то нельзя рѣшить, имѣется-ли здѣсь въ виду *ἱερὸν Μηρὸς Ἀσκηρῶν*, или какого-нибудь иного Мѣсяца, или же эпитетъ Мѣсяца не былъ названъ вовсе.

7. Недавно найдена, неизданная пока, надпись въ честь Мѣсяца въ Магнисіи на Меандрѣ (Arch. Anzeiger 1894, p. 124).

8. Въ южн. Писидіи, въ Булдурѣ, на озерѣ того же имени, найдена посвятельная надпись Мѣсяцу подѣ рельефнымъ его изображеніемъ (Bull. de corr. hell. III (1879), p. 334, ср. ниже).

9. Въ Антиохіи Писидійской найдена надпись, къ сожалѣнію, очень поврежденная, съ упоминаемъ θεοῦ Μηνός (Pap. of the Amer. School at Athens II, p. 151, № 135). Объ играхъ въ честь Мѣсяца, чтившагося въ Антиохіи, упоминаетъ надпись изъ Афродисіады Карійской (CIG 2811 b). Къ сожалѣнію, именно тамъ, гдѣ упоминаются состязанія въ честь Мѣсяца, надпись попорчена; но имя Μηνός вмѣсто ΕΝ|ΟΣ, даваемого эстампажемъ Fellows'a, восстановлено, повидимому, правильно.

10. Надгробная надпись изъ Листра въ Ликаоніи упоминаетъ о Мѣсяцѣ (Pap. of the Amer. School at Athens III, p. 146, № 251): ...ίσιος (ζῶν) φρονῶν ἐπόησεν ἑατῷ | (καὶ τῇ ἰδία) γυναικὶ μνήμης ἔνεκεν. | (ὅς δὲ ἂν ἀδ)ικήσῃ τὸ μνῆμα Μῆνα ἄνωθεν καὶ κάτω|(θεν)... По сравненію съ подобными же надписями иконійскими (см. ниже), можно дополнить такъ: κελωμένον ἔχοιτο.

Въ вышеприведенныхъ надписяхъ имя Мѣсяца не имѣетъ эпитета; но поврежденность двухъ изъ нихъ (№№ 6, 9) не исключаетъ возможности, что имя Мѣсяца въ этихъ надписяхъ сопровождалось какимъ-нибудь эпитетомъ. Въ большинствѣ же надписей къ имени Мѣсяца прибавляются прозвища. Къ перечню этихъ надписей мы и приступаемъ, расположивъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ прозвищъ.

Μῆνι Ἀζιῶττηνός, судя по мѣсту нахождения надписей, чтлся въ сѣв. вост. Лидіи (Меоніи) и прилежащей части Фригіи ¹⁾.

11. Кула (Меонія), CIG 3442.

12. Гёрдиесъ (др. Gordus Julia), CIG 3448 = Waddington, Asia Mineure, № 680.

13. Γκιολ-γτε (близъ Кулы), Μωσ. καὶ βιβλ. τ. ἐν Σμόρνῃ εἰσαγγ. σχολῆς; 1878—80, p. 167, (ἐπὶ πλατὺς φερούσης ἐγγεγλυμμένον κνήμην): Μῆνι Ἀζιῶττηνῶ ἐξ Ἐπι|κράτων Ἐρμούγενης ἐπὶ χά|ριτος εὐχίην.

14. Тамъ же, Μωσ. καὶ βιβλ. 1878—80, p. 167, (ἐπὶ πλατὺς φερούσης ἐγγεγλυμμένους ὀφθαλμούς): Μῆνι Οὐρανίω | Μῆνι Ἀζιῶττηνῶ | ..λία Ποπλίω.

¹⁾ Для всѣхъ упоминаемыхъ ниже географическихъ именъ, см. карту Рамзель, Journ. of hell. stud. VIII (1887), ad p. 461=The histor. Geogr. of Asia Minor, London, 1890, ad p. 104.

15. Ἀγιάξ-βυρέν, Μουσ. καὶ βιβλ. 1885 — 86, p. 84, Μηρὶ Ἀζιοττηνῶ Ἀθηναίων ὑπὲρ Ὀνησίμη | τῆς θεθαμένης | εὐχὴν ¹⁾.

Имя АЗИОТТИΝΟΣ читается на монетахъ съ изображеніемъ головы Мѣсяца города Saittai въ Меоніи ²⁾. Весьма вѣроятно, что тотъ же богъ изображенъ на другихъ монетахъ этого города: онъ представленъ стоящимъ между лежащими олицетвореніями двухъ рѣкъ, опираясь одною рукою на скипетръ или копье, въ другой держа сферу ³⁾.

Прозвище Ἀζιοττηνός Ваддингтонъ (ad № 668) считалъ равнозначащимъ греческому Ἀρτεμιδιωτός (ср. 12). Рошеръ (p. 129 сл.) думаетъ, что прозвище Ἀζιοττηνός стоитъ въ связи съ Ἄσιος λειμών (у Каистра, Πισά. II, 461 и схола.), съ множественнымъ лидійскимъ царемъ Ἀσίας (Herod. IV, 45) и сардской филой Ἀσιάς, эпонимомъ которой долженъ былъ быть Ἀσίας. Поэтому Ἀζιοττηνός означаетъ Мѣсяцъ, какъ національное лидійское божество. Еще ближе къ имени этому: Ἀσία, πόλις Ἀρδίας παρὰ τῷ Τριώλφ (у Стеф. Виз.). Не смотря на указываемую Рошеромъ возможность замѣны σ черезъ ζ, намъ кажется, что во всѣхъ этихъ случаяхъ прозвище было бы не Ἀζιοττηνός, а Ἀσιανός; имя же того мѣста, отъ котораго происходитъ прозвище Мѣсяца Азиоттина, было бы, вѣроятно, Ἀζιόττη. Название это пока неизвѣстно ни изъ писателей, ни изъ надписей, но одна надпись (Μουσ. καὶ βιβλ. 1880—83, p. 54) изъ окрестностей Кулы свидѣтельствуетъ о почитаніи тамъ же Великой Матери боговъ: Ἐπιως σὺ (130 г. по Р. X.) ⁴⁾ μ(ηνός) Δίω Μελ τίνη Σεκούδου θυγάτηρ εὐχὴν Μητρὶ | Ἀζιοττηνῆ.

Μηνὶ Ἀσσηνός (Ἀσσηνός).

Сарды: на сардскихъ монетахъ изображается бюсть Мѣсяца съ надписью Μηνὶ Ἀσσηνός (Рошеръ, Та 3).

16. Alia (Фригия), Journ. of hell. stud. IV (1883), p. 417.

17. Eumenia (Фригия), SIG 3886 add. = Bull. de corr. hell. VIII (1884), p. 237.

18. Аполлонія Писидійская (Uluburflu), Journ. of hell. stud. IV, p. 417: Ὀρος ἱερὸς καὶ ἄγιος θεῶ ἐπιφανῶ | Μηνός Ἀσσηνῶ.

Антиохія Писидійская. Эпитеты чтившагося тамъ Мѣсяца Ἀρχαῖος

¹⁾ Ramsay, The histor. Geogr. of Asia Minor, p. 131, упоминаетъ о посвятительныхъ надписяхъ Μηρὶ Ἀζιοττηνῶ изъ древней Satala (Sandal близъ Кулы) и Bagis (п. Sirge), но гдѣ эти надписи изданы, намъ неизвѣстно.

²⁾ См. рис. у Рошера, I^o 5.

³⁾ Mionnet, Deser. IV, p. 113, № 622. Head, Hist. numm. p. 552. Waddington, Rev. Numism. 1852, p. 31.

⁴⁾ Объ зрѣ, употребительной въ этихъ областяхъ, см. Arch. Epigr. Mitt. aus Oesterr. 1890, p. 89 сл.

или Ἀσκηῖος, упоминаемые Стравономъ (I, 6. 7) уже давно предлагаютъ исправить въ Ἀσκηῖος.

19. Афродисіада (Карія), CIG 2796 = Waddington, Asie Mineure 1601 B.

Итакъ, область распространенія культа Μηνός Ἀσκηῖος лежитъ южнѣе области почитанія Μηνός Ἀζιστηῖος, тамъ, гдѣ находилось озеро Асканійское ¹⁾. Рошеръ (ук. ст., р. 118.122 сл.) думаетъ, что Ἀσκηῖος было туземнымъ обозначеніемъ „фригійскаго“ и что Μηνὸς Ἀσκηῖος означаетъ національнаго луннаго бога Фригійцевъ ²⁾. Но вѣдь Мѣсяць вообще былъ по преимуществу фригійскимъ божествомъ и окончаніе прозвища ηῖος уподобляетъ послѣднее мпожеству другихъ прозвищъ, происходящихъ отъ собственныхъ именъ мѣсть и городовъ.

Μηνὸς Καμαρεῖτης.

Слово Καμαρεῖτης читается на монетахъ города Нисы, въ южн. Лидіи, при изображеніи Мѣсяца: Mionnet Descr. III, р. 365, № 362. Suppl. VII, р. 530 сл., № 411. 414. 415. Head, N. N. р. 552. Мюнне описываетъ изображеніе его на монетахъ временъ Адріана, Антонина Кроткаго и М. Аврелія такъ: Νῶταρον Καμαρεῖτης, le dieu Lunus debout, avec ses attributs, tenant une patère dans la main droite et la haste dans la gauche; Head говоритъ лишь слѣдующее: Καμαρεῖτης an epithet of the god Μηνὸς, early connected with the Phoenician Qumar..., the Moon, who is represented either standing holding patera and sceptre, or seated sideways on a horse. Въ этихъ описаніяхъ не говорится о томъ, что за плечами фигуры съ именемъ Камарита находится полумѣсяць, тогда какъ у нѣкоторыхъ изображеній Мѣсяца на монетахъ Нисы эта подробность всегда указывается (Mionnet, Descr. III, №№ 368. 377. 384. 399. 402. Suppl. VII, № 407). Тѣ фигуры, которыя не имѣютъ этого характернаго признака, легко могутъ быть изображеніями не Мѣсяца, а Аттиса (ср. Mionnet, Descr. III, № 400. Drexler, N. Jahrb. f. Philol. 1894, р. 321 сл.). Если у фигуры съ именемъ Καμαρεῖτης на плечахъ нѣтъ роговъ мѣсяца, то, хотя поза и прочіе атрибуты ея и схожи съ изображеніями Мѣсяца на монетахъ Нисы, все же мы не имѣемъ права считать Камарита—Мѣсяцемъ. Если же полумѣсяць украшаетъ его плечи, то, по аналогіи съ надписью Ἀζιστηῖος при фигурѣ Мѣсяца, и слово Καμαρεῖτης надо считать прозвищемъ мѣстно-чтимаго Мѣсяца. Нѣкоторые ищутъ объясненіе этого слова въ семитическомъ камар,

¹⁾ Guigniaut, р. 967 говоритъ, что это прозвище Ἀσκηῖος напоминаетъ Асканаза 10-й гл. книги Бытій.

²⁾ Ср. E. d. Meyer, Gesch. des Alterthums I, § 251.

обозначающимъ луну, и отсюда указываютъ на семитическое вліяніе въ Лидіи ¹⁾; но скорѣе въ *Καμαρείτης* слѣдуетъ видѣть прозвище, происходящее отъ имени мѣста культа. Имя *Κάμαρα* упоминается Стефаномъ Византійскимъ: *Κάμαρα, πόλις Κρήτης, καὶ ὁ πολίτης (Καμαρείτης), ὡς Ξενίων ἐν Κρητικοῖς φησιν* (= Müller, *FNH* IV, p. 528, № 7).

Μήν Κάρου упоминается Стравономъ (I, 8). Главное мѣсто культа его между Карурами и Лаодикѣй точно не указано ²⁾. На монетахъ близъ лежащаго города Атуды изображается бюстъ Мѣсяца съ надписью Μην Κάρου ³⁾; эта надпись доказываетъ, что прозвище этого Мѣсяца, какъ и нѣкоторыхъ другихъ (*Γιάμων, Φαρνάκων, Ἀζήμων?*) и въ именительномъ падежѣ кончалось на ω; слѣдовательно, слово это не греческое. Поэтому всѣяя гаданія о значеніи его кажутся намъ праздными ⁴⁾.

Μην Καταχθόνιος упоминается исключительно въ надгробныхъ надписяхъ Ликаоніи и Исавріи (ср. II, 10).

20. Иконій, *Bull. de corr. hell.* X (1886), p. 503 сл.

21. Тамъ же, *Par. of the Amer. School at Athens* II, p. 200, № 211.

22. Дерекѣй (близъ Сидшехра). *Par. of Amer. School at Athen* III, p. 174, № 284.

Трейберъ ⁵⁾ показалъ, что въ заклинательныхъ надписяхъ чаще всего призывались подземные боги или демоны, безъ именованія ихъ (исключеніе составляютъ лишь двѣ аттическія надписи, *СИА* III 1423, 1424), иногда боги „небесные и подземные“, или же въ нихъ называются мѣстно-чтимые боги: въ Ликии — Латопа, въ Писидіи — *θεοὶ πινιδικοί* (*СГГ* 4380 = *Par. of the Amer. School at Athens* II, p. 29 сл. ⁶⁾). Над-

¹⁾ Guigniaut, II, p. 965¹. Maury, *Hist. des relig.* III, p. 125¹. Head, II, N. p. 552. Roscher, p. 129. Radet, *La Lydie et le monde grec au temps des Merminades* (*Bibl. de l'école franç. d'Ath. et de Rome*, fasc. 63), Paris, 1893, p. 55.

²⁾ Ср. Ramsay, *Amer. Journ. of Archaeol.* III (1887), p. 352. Онъ производитъ отъ *Κάρου* и имя *Κάρουρα* (*ibid.* 354).

³⁾ Sestini, *Museo Etruscologico*, XXVI, 2. Layard, *Introduction à l'étude du culte public et des mystères de Mithra en Orient et en Occident*, Paris, 1847, pl. LXVII, 4. Roscher, Ia 4.

⁴⁾ Ваддингтонъ думалъ, что прозвище это, несомнѣнно, происходитъ отъ положенія святилища этого Мѣсяца и означаетъ Карійскій или почитаемый въ Каріи. Съ нимъ согласенъ Head, II, N., p. 559.

⁵⁾ Treubner, *Beiträge zur Geschichte der Lykier*. II Theil (1888), p. 1—45.

⁶⁾ Рошерь, p. 147, думаетъ, что въ Писидіи чтились Солнце и Луна и въ «Селинѣ» видятъ «Мѣсяцъ». Но это врядъ-ли такъ: если бы тутъ разумѣлся мужской богъ Мѣсяцъ, то тогда, вѣроятно, прямо и было бы обозначено его имя *Μην*. Въ Исавріи встрѣчается также формула: *ὄραξω τὴν Σελήνην*. Headlam, *Ecclesiastical sites in Isauria*, p. 28 сл., № 2133.

писи, призывающія Мѣсяць Подземный, какъ бы соединяють оба рода воззваній въ одинъ, прилагая эпитетъ „подземнаго“ къ мѣстно-чтимоу Мѣсяцу, къ имени котораго какъ-то перейдетъ эпитетъ „подземный“. Мѣсяцъ представлялся Малоазійцамъ и въ подземномъ мірѣ (ср. II, 15). Въ позднихъ религіозно-философскихъ гимнахъ нерѣдко встрѣчаются названія одного и того же божества и небеснымъ, и подземнымъ; изъ нихъ ближе всего къ такому же представленію о Мѣсяцѣ стоятъ божества Ночи и почныхъ свѣтилъ ⁴⁾).

Μήν Καυαληνός.

23. Cecil Smith, Journ. of brit. arch. association XL (1884), p. 114, ср. Drexler, N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 326: надъ рельефомъ неизвѣстнаго происхожденія представляющимъ Мѣсяцъ, стоящій въ храмѣ о двухъ колоннахъ, надпись: Ἀγαθόπορος Καυαληνός ἐρχήν Μηνί. Smith сопоставляетъ прозвище Καυαληνός съ областью Кавалией (Кавалидой); Дрекслеръ указалъ на селеніе Καύαλα во Фригии, близъ Траянополя (ср. Waddington ad 1676); въ сосѣднихъ городахъ Темеоэпрахъ и Алии культъ Мѣсяца засвидѣтельствованъ монетами. Слѣдовательно, культъ Μηνός Καυαληνός распространенъ былъ въ той же области, что и культъ Μηνός Ἀσκηνοῦ.

Μήν Λαβάνης.

24. Μουσ. καὶ βιβλ. 1878 — 80, p. 158 = Ath. Mitt. 1881, p. 273 сл. Надпись найдена въ 2-хъ часахъ разстоянія отъ Кулы и хранится теперь въ Смирнскомъ Музеѣ: „Ἔτος ΣϞΕ (211 по Р. X.), μηνός) Περραιύου η. | Μηνί Πετραεΐτη καὶ Μηνί Λαβάνη и т. д. Прозвище Мѣсяца опять, вѣроятно, происходитъ отъ какого-то мѣста, изъ другихъ надписей, пока, кажется, неизвѣстнаго.

Μήν Μεσαμβρίου(ς) упоминается въ одной надписи, вѣка III по Р. X., на креслѣ въ театрѣ Ормеліи.

25. Bull. de corr. hell. II (1878), p. 171 = Pap. of Amer. School at Athen II, p. 93 сл., № 61 B: Ἀπολλώνιος Μηνός Μεσαμβρίου(ς) ἱερατεύων | Μηνί Τολησέων ἐρχήν. Англійскій издатель надписи (Sterret) совершенно правильно видитъ здѣсь упоминаніе о двухъ Мѣсяцахъ, чтившихся въ двухъ различныхъ мѣстностяхъ; одна изъ нихъ называлась, быть можетъ, Μεσαμβρία, другая—Τολήσεα или Τολήσια.

Μήν Οὐράνιος.

Посвятительную надпись этому Мѣсяцу изъ Меоніи см. выше 14.

26. Аттика. Стила съ изображеніемъ сверху серпа мѣсяца со звѣз-

⁴⁾ Hymn. orph. III, 8 (ночь); VII, 9 (звѣзда); Еката (Poet. Iyr. III, p. 1318 Bergk).

дою надъ надписью: CIA III 140 ¹⁾. Эпитетъ „небесный“, конечно, вполне приложимъ къ богу Мѣсяцу; но что здѣсь имѣется въ виду не простой эпитетъ бога, а особый богъ „Мѣсяцъ Небесный“, отличный отъ другихъ Мѣсяцевъ, это видно изъ сопоставленія его въ надписи изъ Колои съ Мѣсяцемъ Азіоттинномъ ²⁾.

Μήν Πετραεΐτης.

Надпись изъ окрестностей Кулы см. выше 24.

27. Гёрдясъ (Gordus Julia), Waddington, Asie Mineure 678: (ἔτους) σμη' (164 по Р. X.) ἀνέθηκαν ΟΥΛΨΑΔΙ ΙΣΗΚΟΙΜ | καὶ Μηνὸς Τιάμου καὶ Μηνὸς Πετραεΐτου (τὸ ἄγαλ)μα τοῦ Διονύσου ³⁾. Рошеръ (р. 134) говоритъ, что прозвище Мѣсяца Πετραεΐτης напоминаетъ „пещеру“ (πέτρα, σπήλαιον), въ которой совершаются мистеріи въ честь Меры; но мы не можемъ указать примѣровъ употребленія формы πετραΐτης въ значеніи πετραῖος, слова обозначающаго „живущій въ пещерѣ“ (ср. Odys. XII, 231—Скилла; Eurip. Hel. 805—Нимфы). Слово Πετραεΐτης встрѣчается какъ имя одного гладиатора (Benndorf-Niemann, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, p. 41) и, вѣроятно, происходитъ отъ какой-нибудь мѣстности Πετραία (?).

Μήν Τιάμου упоминается въ цѣломъ рядѣ надписей изъ Кулы, Гёрдуса и окрестностей ихъ.

Гёрдясъ, Waddington, Asie Mineure 678 (см. выше 27).

28. Кула, SIG 3438—Waddington, Asie Mineure 667.

29. SIG 3439=Waddington 668.

30. Подъ рельефомъ, изображающимъ женщину съ поднятой рукой, надпись (The Classical Review, 1889, p. 69): Θεᾶ Ἀνάετι καὶ Μηνὶ Τιάμου | Μελτινῆ καὶ Γλόρων ἀπέδωκαν τὸ ἱεροποιήμα εὐχαριστοῦντες, ἔτους Γ (216 по Р. X.) μ(ηνὸς) Ξανθικοῦ.

31. Подъ рельефомъ, изображающимъ двѣ ноги, надпись (Μουσ. καὶ βιβλ. 1878—80, p. 127=Bull. de corr. hell. 1880, p. 128): Ἀρτέμιδι Ἀνάετι καὶ | (Μ)ηνὶ Τιάμου Μελτινῆ | (ὀπ)ἔρ τῆς ὀλοκληρίας | (τῶν) ποδῶν εὐχὴν | (ἀνέσ)τησεν.

32. Γυρίοντε (близъ Кулы), Μουσ. καὶ βιβλ. 1885—86, p. 84—85:

¹⁾ Königliche Museen zu Berlin. Beschreibung der antiken Sculpturen, № 706.

²⁾ Быть можетъ, въ соединеніи «Мѣсяца Небеснаго и Мѣсяца Азіоттина» имѣлось въ виду соединить Мѣсяцъ «ἀνωθεν» и «κάτωθεν» (10), ибо Мѣсяцъ Азіоттинъ, судя по вышеприведенной надписи (15), властвовалъ надъ умершими. Но еще вѣроятнѣе, что здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ соединеніяхъ различныхъ Мѣсяцевъ, призываются боги, чтимые въ разныхъ мѣстахъ, но въ своей сущности вполне тождественные.

³⁾ Въ непонятныхъ словахъ должно заключаться въ концѣ, по крайней мѣрѣ, имя бога въ дат. пад.

..... ν καὶ ἦδ' | (Ἀπ)ολλώνιος | Ἀπόλλωνι |
 ω * μ(ύρια) εἶτα ἀπα(ι)τοῦντος τοῦ Ἀπολλωνίου τὸν χαλκὸν παρὰ τοῦ
 Σκόλλου ὤμοσε τοὺς | προγεγραμμένους θεοὺς (т. е. Μητέρα Ἀτίμιτιν καὶ
 Μῆνα Τιάμου, а можетъ быть, и еще какими-либо) ἰς πρόθεσμίαν ἀπο-
 δοῦναι τὸ συναχθὲν κεφάλαιον μὴ τηρήσαντος | αὐτοῦ τὴν πίστιν παρεχώρη-
 σεν | τῆ θεῶ ὁ Ἀπολλώνιος· καλ(α)σθέντος οὖν τοῦ Σκόλλου ὑπὸ τῶν θεῶν
 ἰς θανάτου λόγον, μετὰ τὴν (τε)λευτήν αὐτοῦ ἐπεζητήθη ὑπὸ τ(ῶν) | θεῶν
 Τατιάς οὖν ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ | ἔλοισε τοὺς ἔρκους καὶ νῦν εἰλασαμένη εὐλο-
 γεῖ Μητρὶ Ἀτίμιτι | καὶ Μηνὶ Τιάμου ἔτους σγ' (119 по P. X.) μ(ηνός) |
 Ξανθικῶ ιε'.

33. Ἀἰβασλάρ (ὅλιζь Γυρόλντε), на камнѣ съ изображеніемъ гру-
 дей, голени и глазъ надпись (Μουσ. καὶ βιβλ. 1880—85, p. 54): Θεᾶ
 Ἀνάειτι καὶ Μηνὶ Τιάμου и т. д.

34. Ἀγιάζ—βυρέν, Μουσ. καὶ βιβλ. 1885—86, p. 82: Μητρὶ Ἀτί-
 μιτι καὶ | Μηνὶ Τιάμου и т. д.

Прозвище „Тιάμου“, очевидно, туземное. Рошеръ (p. 125) ду-
 маетъ, что оно происходитъ отъ имени воинскаго города Τίον (Τίος) и
 что αμου есть суффиксъ; онъ указываетъ также нѣсколько мало-азійскихъ
 имепъ, кончающихся на άμος. Но, помимо отдаленности Τία отъ Мео-
 нии и отсутствія какихъ-либо указаній на существованіе въ немъ культа
 Мѣсяца, толкованіе Рошера мало вѣроятно потому, что, какъ видно
 изъ приводимаго списка эпитетовъ Мѣсяца, всѣ они, будучи произве-
 дены отъ именъ мѣсть, образуются и склоняются по-гречески. Пескло-
 племя же прозвища, очевидно, станутъ понятными лишь по мѣрѣ из-
 слѣдованія индійскаго и фригійскаго нарѣчій.

Μ ἦ ν Τ ὀ ρ ἄ ν ν ο ς .

Ср. надпись изъ Кулы 29.

35. Gordus Julia, Waddington, Asie Mineure 685.

36. Μουσ. καὶ βιβλ. 1878—80, p. 162=Journ. of hell. stud.
 1889, p. 227. . . . Μηνὶ Τοράνω καὶ Διὶ Ὀγμηνῶ καὶ τοῖς σὺν αὐτῷ θεοῖς.

37. Θεасοъ, Journ. of hell. stud. VIII (1886), p. 412: Μηνὶ Το-
 ράνω Διονυσίω.

38. Въ Атикѣ, на берегу между Суніемъ и Лавріемъ, какой-то
 рабъ, ликіецъ Ксанѳъ, посвятилъ святилище Мѣсяцу Тиранну и поста-
 вилъ надпись, устанавливающую правила жертвеннаго ритуала, въ двухъ
 экземплярахъ. Одинъ изъ нихъ, написанный весьма небрежно, съ боль-
 шими ошибками, исполненъ, по предположенію Фукара ¹⁾, самимъ Ксан-

¹⁾ Foucart, Les associations religieuses chez les Grecs, Paris, 1873, p. 218, № 38.

оомъ (СІА III 73), а другой, повторяющій почти то же самое, вырѣзанъ и сосавленъ гораздо лучше (СІА III 74=Dittenberger, SJG 379). Относительно значенія эпитета *Τύραννος* еще Бѣкъ (СІG 3439, p. 808) указалъ, что слово это мало-азійскаго происхожденія и значить тоже, что *κύριος*. Такимъ образомъ Мѣсяць Тираннъ=Мѣсяць Господинъ=Мѣсяць Царь¹⁾.

Μήν Φαρνάχου въ надписяхъ не упоминается и извѣстенъ лишь изъ Стравона (I, 6), какъ лунный богъ, чтившійся понтійскими царями. Совершенно невѣроятно объясненіе эпитета *Φαρνάχου*, предлагаемое Корсини (*Fasti Attici* II, p. 571), производившимъ его отъ города Фарнакіи, потому что, съ одной стороны, оно было бы тогда *Φαρναχεύς* (Steph. Byz.), а съ другой потому, что главнымъ мѣстомъ культа *Μηνὸς Φαρνάχου* была Амерія. Болѣе вѣроятными кажутся объясненія, производящія прозвище это отъ имени одного изъ понтійскихъ царей²⁾. Гутшмидъ³⁾ и Т. Рейнакъ⁴⁾ ставятъ это прозвище въ связь съ мионическимъ родоначальникомъ династіи понтійскихъ царей, упоминаемымъ Діодоромъ (XXXI, 19d). Но Ваддингтонъ обратилъ вниманіе на аналогію въ окончаніи этого прозвища съ *Τιάμου* и *Κάροο* и предположилъ, что оно было несклоняемо; объясненіе прозвища приходится поэтому искать въ мѣстныхъ нарѣчіяхъ⁵⁾. Если понимать эпитетъ *Φαρνάχου* въ смыслѣ „дарующій счастье“, то это объясненіе будетъ согласно съ вышеуказаннымъ (I, 15) представленіемъ о Мѣсяцѣ, какъ подателѣ урожая, а также съ тѣмъ рогомъ изобилія и вѣткою, которую держитъ на монс-

¹⁾ Въ латинскихъ надписяхъ конца IV в. (СІL VI 499—501. 508. 519) встрѣчается эпитетъ *Menotyranus*, прилагаемый къ Атису. Въ этихъ надписяхъ рѣчь идетъ о культѣ Идейской Великой Матери боговъ и Атиса съ тавроволиями и кривоволиями; на изображеніяхъ Атисъ является въ обычномъ своемъ видѣ и, слѣдовательно, эпитетъ его *Menotyranus* свидѣтельствуетъ лишь объ отождествленіи или смѣшеніи божествъ, столь обычномъ въ позднее время. Объясненіе Визелера (*Der Hildesheimer Silberfund, Göttingen, 1869, p. 17*), принимаемое Рощеромъ (p. 124), что *Menotyranus*=Господинъ Мѣсяць, врядъ ли правильно. Латинское *Menotyranus* просто транскрипція *Μήν Τύραννος* (ср. *Roscher, p. 135*).

²⁾ Ср. *Chandler, Voyage dans l'Asie Mineure II, p. 264, n. 85*.

³⁾ *Kleine Schriften, Leipzig, 1892, III, p. 496 сл.*

⁴⁾ *Mithridate Eupator, Paris, 1890, p. 240 сл.*

⁵⁾ Уже Моріи III, p. 126, указывалъ на слово *Farna*, что значить по зендски «блестящій» или «древній». Примѣры другихъ толкованій см. у *Kühne, Description du Musée Cotschoubey, Pétersbourg, 1857, II, p. 90* и новѣйшее объясненіе Darmsteter'a у Рейнака, l. l. p. 241: *Φαρνάχου* serait en perse *farnahvaut* (de *farna* = τούτη), epithète qui sous la forme zende *hvarmanhrant* se trouve précisément appliquée à la lune dans un texte religieux (*Yasht VII 5*). О древне-иранскомъ словѣ *farna* (миръ, счастье, благо, довольство) ср. замѣчанія В. О. Миллера (О сарматскомъ богѣ Іатафаріѣ), Труды Восточн. Комиссіи Моск. Арх. Общ. I, 2, стр. 132 сл.

тахъ Фарнака фигура, принимаемая еще старинными нумизматами за Мѣсяць *Φαρλάχου*¹⁾.

На монетѣ представленъ юнопа, медленно идущій влѣво и повернувшій голову слегка вправо; въ правой опущенной рукѣ онъ держитъ виноградную лозу, которую циплетъ стоящій слѣва олень или лань; лѣвой рукой поддерживаетъ онъ лежащій на плечѣ рогъ изобилія и кадудей²⁾. Сбоку, слѣва, полумѣсяць со звѣздой³⁾. Присутствію полумѣсяца со звѣздою нельзя придавать особаго значенія при опредѣленіи фигуры, такъ какъ его же мы видимъ на монетѣ того же Фарнака (Wroth VIII, 2) при изображеніи Зевса. Но, если приять во вниманіе существованіе изображенія Мѣсяца безъ роговъ мѣсяца за плечами (ср. ниже), а также сходство атрибутовъ этой фигуры съ новымъ объясненіемъ эпитета *Φαρλάχου*, то намъ кажется вполне допустимымъ старинное объясненіе фигуры, изображенной на монетѣ⁴⁾. Рѣзкое отличіе этого изображенія на монетѣ Фарнака отъ другихъ изображеній Мѣсяца не можетъ служить тому препятствіемъ: въ виду отдаленности мѣста культа этого Мѣсяца отъ прочихъ, возможно, что въ понтійскомъ царствѣ чтился не фригійскій богъ Мѣсяць, а какой-либо иной мѣстный лунный богъ, подобно тому албанскому лунному богу, о которомъ упоминаетъ Стравонъ (I, 6), а потому и изображенія его могли отличаться отъ изображеній Мѣсяцевъ фригійскихъ. Сходная эмблема фригійскаго Мѣсяца *Μήν Φαρλάχου*—полумѣсяць со звѣздою надъ нимъ, особенно часто встрѣчается на монетахъ понтійскихъ царей и на иныхъ зависимыхъ отъ нихъ монетныхъ типахъ (напр., Веспора Киммерійскаго и т. д.)⁵⁾.

¹⁾ Русскія древности въ памятникахъ искусства изд. гр. И. Толстымъ и Н. Колюбаковымъ I, стр. 5, рис. 5. Ср. Wroth, Catalogue of greek coins of the Brit. Mus. Pontus etc. London, 1889, p. 43, pl. VIII, 3. Head, II, N. fig. 264.

²⁾ На погахъ юноши котурны; на головѣ какой-то странный головной уборъ, спадающій на лѣвую сторону и напоминающій высокія мягкія греческія фески, спадающія назадъ или на сторону. Одежда юноши, принимаемая Wroth'омъ за хитонъ и хламиду, очень оригинальна: лѣвая рука покрыта плащомъ, застегнутымъ не на плечѣ, а на среднѣ груди; отъ застѣжки спадаютъ внизъ два края плаща, оставшия открытою часть праваго бедра; при такомъ положеніи плаща должно было бы быть прикрытымъ плащомъ и правое плечо, но на изображеніи этого не видно и горизонтальная полоса на верхней части руки позволяетъ предполагать короткій рукавъ надѣтой внизу туники.

³⁾ Перуновъ, находящихся надъ головой, на другихъ экземплярахъ шѣтъ, а потому они, очевидно, не имѣютъ ближайшаго отношенія къ фигурѣ.

⁴⁾ Можетъ быть, Мори былъ правъ, отождествляя съ *Μήν Φαρλάχου* неизвѣстное намъ ближайшимъ образомъ мисійское божество, называемое Фанакой и изображавшееся съ такимъ же смѣшеніемъ атрибутовъ различныхъ божествъ, какъ и богъ на монетахъ Фарнака.

⁵⁾ На монетахъ Понтійскихъ царей и царицъ (напр., Динамии, Русск. древности I, стр. 6, рис. 7, ср. Longpreier, Oeuvres complètes II, p. 30) изображается также про-

Μῆνυ Φωσφόρος упоминается въ надписяхъ, содержащихъ оракулы, по числу выпавшихъ очковъ на костяхъ. Къ приводимому Рощеромъ (р. 127) оракулу изъ Атталіи Ламфилійскій (Kaibel, Epigraphica graeca 1038) присоединяется теперь другой экземпляръ того же оракула изъ Анабуры (Ördekly): Pap. of the Amer. School at Athens III, р. 206. Третій экземпляръ, найденный въ Tefenu (др. Ормелія), Bull. de corr. hell. VIII (1884), р. 496—508 = Pap. of the Amer. School at Athens II, р. 79—90, оракула „Свѣтоноснаго Мѣсяца“ не сохранилъ. Очень можетъ быть, что Φωσφόρος служитъ лишь поэтическимъ эпитетомъ Мѣсяца, какими являются и другіе эпитеты въ этихъ оракулахъ, прилагаемые къ другимъ божествамъ; заключать, что Μῆνυ Φωσφόρος является особымъ Мѣсяцемъ, отличнымъ отъ иныхъ, здѣсь исчисляемыхъ, преждевременно ¹⁾.

Изъ перечисленныхъ эпитетовъ Мѣсяца видно, что большая часть ихъ обозначаетъ лишь мѣсто, прославленное культомъ этого бога. Слава такихъ мѣстно-чтимыхъ Мѣсяцевъ была не очень велика. Это слѣдуетъ изъ того, что называющія одинъ и тотъ же эпитетъ надписи находятя, по большей части, въ одной области; не велики и не важны были мѣста, гдѣ чтялись эти Мѣсяцы: почти все названія ихъ въ другихъ источникахъ не упоминаются, а если и упоминаются, то оказываются деревнями; только Кароноль носилъ имя города, да и то сталъ онъ потомъ деревнею.

Предполагать различіе въ представленіяхъ объ этихъ чтимыхъ въ разныхъ мѣстахъ Мѣсяцахъ нѣтъ никакихъ основаній: если въ качествѣ властителя подземнаго міра призывается Мѣсяць Азіоттинъ или Мѣсяць Подземный, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Мѣсяцу Азіоттину и Подземному и былъ подвластенъ адъ; возможно, что власть всякаго Мѣсяца простиралась и на небеса, и на землю, и на подземный міръ.

это полумѣсяць подъ звѣздою; можетъ быть, и въ этомъ символѣ луннаго бога должно видѣть указаніе на почитаніе понтійскими царями амерійскаго Мѣсяца Φαροάκω.

¹⁾ Каролидисъ (Τὰ Κορυθα καὶ τὰ ἑρείπια αὐτῶν, ἐν Ἀθήναις, 1882, р. 73) издалъ надпись, найденную имъ въ развалинахъ храма въ Σάρτεια въ Каппадокіи:

... ΜΗΝΙΑΖΗΜΟ
ΑΓΗΣΧΙΚΗΦΟΡΟΥΘΕ
ΣΤΡΑΤΗΓΟΝΚΑΤΑΘΝΙΑΣ
ΤΗΣΑΜΕΝΩΝΑΥΤΩΝ

ΕΠΙΕΙΚΩΣΚΑΠΕΥΡΓΙΚΟΣ. Опасно слѣдовать предложенному Фонтриеромъ восстановленію (Αυ)ναίτες; | (καὶ) Μηνὶ Ἀσφρο(υ) | и т. д.; еще опаснѣе слѣдовать Каролидису въ его объясненіи этой надписи: ἐκ τῆς ἐπιγραφῆς ταύτης. . . ἐξάγεται ὅτι ὁ θεὸς Μῆνυ παρὰ Καππαδοξίαν ἐκαλεῖτο Ἀσφρος, ὅπερ πιθανῶς ἐρρηγνεύσθω ἐκ τοῦ Βακτρικοῦ ασματ-ούραχός (πρὸς τὸ Ζεὺς Ἀσβαχίος).

III.

Представляя списокъ такъ или иначе извѣстныхъ намъ изображеній Мѣсяца, мы не претендуемъ на полноту его ¹⁾. Дабы не увеличивать понапрасну нашего списка, мы оставляемъ безъ упоминанія тѣ изображенія, которыя были когда-либо сочтены за изображенія Мѣсяца, но нами за таковыя считаемы быть не могутъ: это часто бывало съ изображеніями юношей, а иногда и бородатыхъ людей ²⁾ во фригійскомъ костюмѣ безъ всякихъ другихъ характерныхъ признаковъ Мѣсяца.

Характернѣйшимъ признакомъ Мѣсяца, въ значительномъ большинствѣ изображеній его, являются рога полумѣсяца за плечами бога; признакъ этотъ столь ясенъ, что намъ кажется совершенно невозможнымъ давать мужскимъ фигурамъ съ такими рогами какое-либо иное объясненіе. Этого столь характернаго признака мы не находимъ ни у какого другого божества, кромѣ различныхъ лунныхъ божествъ ³⁾. Особенно часто встрѣчаются въ такомъ видѣ изображенія греческой богини луны Селины ⁴⁾. Важно, однако, что на древнѣйшихъ изображеніяхъ ея, равно какъ и на болѣе позднихъ, но воспроизводящихъ типы лучшихъ временъ греческаго искусства, мы не находимъ такого, можно сказать, грубаго обозначенія сущности изображаемой фигуры: напри- мѣръ, при изображеніяхъ Селены на вазовыхъ рисункахъ V в. находится серпъ мѣсяца, но онъ помѣщенъ сбоку, а не за плечами богини ⁵⁾. Помѣщеніе серпа мѣсяца за плечи и за голову луннаго божества представляетъ очевидную аналогію съ помѣщеніемъ солнечнаго диска за головою божествъ преимущественно солнечныхъ или, вообще, свѣтовыхъ, изображаемыхъ съ нимбомъ. Нимбъ же появляется на изображеніяхъ лишь около времени Александра В. ⁶⁾. Что касается Се-

¹⁾ Наименѣе всего были доступны намъ рѣзные камни, среди которыхъ должно находиться не мало изображеній Мѣсяца. Равно, не будучи специалистомъ въ нумизматикѣ, мы могли указывать лишь на рѣдкіе упомянутыя (особенно Рошеромъ и Дрекселе- ромъ) изображенія Мѣсяца на монетахъ.

²⁾ Arch. Anzeiger 1892, p. 111, № 14; такая же статуетка издана С. Рейна- комъ въ Rev. Arch. 1894, p. 375.

³⁾ Мы не будемъ касаться безобразныхъ идольчиковъ изъ Сардиніи, изданныхъ Гиньо (pl. LVI bis), не зная ихъ древности и сомнѣваясь въ ихъ подлинности.

⁴⁾ Ср. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 20 сл.

⁵⁾ См., напр., рисунокъ у В. К. Мальмберга, Метопы древне-греческихъ хра- мовъ, Дертъ, 1892, табл. III, 4.

⁶⁾ Ср. Stephani, Nimbus und Strahlenkranz, St.-Petersburg, 1859 = Mém. de l'Acad. de St.-Pétersbourg, VI Serie, IX, p. 361—500.

лины, то изображенія ея съ полумѣсяцемъ за плечами встрѣчаются по большей части въ римское время ¹⁾.

Такъ какъ о древнѣйшихъ мало-азійскихъ изображеніяхъ Мѣсяца намъ ничего неизвѣстно, а на издаваемомъ ниже рельефѣ вѣка III до Р. X. онъ изображенъ безъ полумѣсяца за плечами, то весьма вѣроятно, что атрибутъ этотъ былъ перенесенъ на изображенія Мѣсяца съ изображеній Селины. Ramsay высказалъ, однако, другое предположеніе, на первый взглядъ остроумное и убѣдительное, что рога за плечами Мѣсяца суть ни что иное, какъ „вырожденіе“ непонятныхъ и странныхъ для художниковъ поздняго времени крыльевъ, притомъ крыльевъ извѣстной архаической формы, съ закругленіями на концахъ ²⁾. Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ изображеніяхъ Мѣсяца рога серпа изображены, по небрежности мастера, такъ, что могутъ напоминать крылья ³⁾. На многихъ изображеніяхъ восточныхъ божествъ крылья поднимаются по обѣ стороны головы, такъ что оправдывается вышеуказанное предположеніе Рамзея ⁴⁾. Но отсутствіе несомнѣнныхъ изображеній Мѣсяца съ крыльями, а особенно отсутствіе и у самого Мѣсяца на древнѣйшемъ изображеніи его (см. ниже) роговъ мѣсяца на плечахъ, дѣлаетъ предположеніе Рамзея не очень-то вѣроятнымъ.

Гёзе, издавшій подъ именемъ Мѣсяца-Аттиса нѣсколько статуетокъ юношей въ восточной одеждѣ и съ крыльями, объясняетъ эти послѣднія греческой передачей серпа мѣсяца, помѣщаемого азіатами за плечами бога Мѣсяца ⁵⁾. Но и это предположеніе врядъ-ли допустимо, такъ какъ изданныя Гёзе терракотты, будучи украшеніемъ туалетныхъ сосудовъ, вовсе не представляютъ собою какихъ-либо опредѣленныхъ божествъ, а просто юношей и дѣтей въ мѣстной одеждѣ, которымъ мастеръ приставилъ крылья эроговъ.

Итакъ, серпъ мѣсяца за плечами соименнаго бога является необходимымъ атрибутомъ для отличія его отъ другихъ азіатскихъ божествъ, напримѣръ, Аттиса, Миоры, Савазія, такъ называемыхъ „двухъ слугъ Миоры“ и т. д., и для точнаго обозначенія его изображеній.

¹⁾ Ср., напр., рельефъ на алтарѣ, хранящемся въ Луврѣ. Müller-Wieseler, *Denkm. d. alt. Kunst* II, 16. 190.

²⁾ *Journ. of hell. stud.* X (1889), p. 230. *Amer. Journ. of Archaeology* III (1887), p. 363.

³⁾ Напр., на монетѣ Парлаяды (рис. у Рошера, Ib 8, особенно правый рогъ), на рельефѣ изъ Буддура, гдѣ Колиннонъ принялъ также рога за крылья.

⁴⁾ Напр., на хеттскихъ рельефахъ: Perrot et Chipiez, *Histoire de l'art dans l'antiquité*, IV, fig. 276. 390.

⁵⁾ Heuzey, *Les figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre*, Paris, 1883, p. 22, pl. 37g. *Gaz. des Beaux-Arts* XIV (1876), p. 401 сл. и рисунки на стр. 401 и 403.

Кромѣ Селены полумѣсяцъ за плечами встрѣчается на изображеніяхъ, довольно позднихъ временъ, двухъ Артемидъ: 1) Артемиды *Τηροπόδος*, которая чтилась на западномъ берегу Малой Азии ¹⁾. Она изображается иногда на монетахъ Амфиполя, съ галаѳомъ на головѣ и ясно видимыми рогами серпа мѣсяца за плечами, во весь ростъ и погрудь ²⁾; 2) Артемиды *Περγαια*, называвшейся такъ по главному мѣсту культа ея, памфилійскому городу Пергѣ ³⁾. Она представлена съ большими рогами мѣсяца на плечахъ на одномъ рельефномъ погрудномъ изображеніи ея ⁴⁾. На монетахъ Перги Артемида изображается или съ рогами мѣсяца на плечахъ ⁵⁾, или чаще въ обычномъ типѣ греческой Артемиды-охотницы, или иногда въ видѣ овальнаго камня, украшеннаго серпомъ мѣсяца внутри ея храма ⁶⁾. Изображенія обѣихъ этихъ, вѣроятно, мѣсячныхъ богинь, названныхъ греками Артемидою, въ типѣ Селены объясняются смѣшеніемъ Артемиды и Селены, начавшимся еще съ IV в. до Р. X. ⁷⁾.

Изображенія лунныхъ божествъ съ серпомъ мѣсяца за плечами встрѣчаются также на монетахъ сирійскихъ городовъ. Въ Каррахъ, какъ видно изъ изображеній на монетахъ тамошняго храма, лунный богъ чтился подъ видомъ бетиля. Поэтому лунныхъ боговъ, изображаемыхъ на сирійскихъ монетахъ, нельзя считать изображеніями идола бога, почитавшагося въ Каррахъ; такъ какъ изображенія эти близки къ мало-азійскимъ, то намъ кажется болѣе вѣроятнымъ объяснить происхожденіе ихъ вліяніемъ изображеній Мѣсяца въ Малой Азии, которыя могли быть занесены оттуда въ Сирію мало-азійскими выходцами.

Несомнѣнныя изображенія Мѣсяца, подтверждаемыя иногда подписью ΜΗΝ, находятся на монетахъ Лаодикии Ливанской ⁸⁾. На этихъ монетахъ Мѣсяцъ изображенъ въ оригинальномъ, рѣдко встрѣчающемся на мало-азійскихъ монетахъ, типѣ ⁹⁾: богъ въ фригійской одеждѣ, съ

¹⁾ Ср. Schreiber у Roscher, *Ausführl. Lex. d. gr. u. röm. Mythol.* I, p. 567 сл.

²⁾ Müller-Wieseler, *Denkm. d. alt. Kunst* II, 16. 177. Roscher, I. I., также Sestini, *Museo Fontana* II, 11, его же *Lettere e dissertazioni numismatiche*, Firenze, 1818, IV, tav. I, 29.

³⁾ Schreiber у Roscher, *Lex. d. Myth.* I, p. 593. Lanckoroński, *Städte Pamphylens und Pisidiens*, Wien, 1890, p. 37 сл.

⁴⁾ Lanckoroński, fig. 27. 50.

⁵⁾ Напр., у Mionnet, *Suppl.* VIII, p. 46. № 87.

⁶⁾ *Rev. Numism.* 1883, pl. IX, 9 (монета Перги).

⁷⁾ Roscher, *Lex. d. Myth.* I, p. 572. Roscher, *Ueber Selene und Verwandtes.* p. 116.

⁸⁾ Sauley, *Numismatique de la Terre Sainte*, p. 4 сл., pl. I, 1. 2.

⁹⁾ Head, *H. N.* p. 591 указываетъ такое изображеніе Мѣсяца только на монетахъ Олбасы.

копьемъ (?), стоять, держа подъ уздцы лошадь. Но что это фригийскій Мѣсяцъ или вообще лунный богъ, очевидно по видимымъ на одной монетѣ рогамъ полумѣсяца на плечахъ его (I, 1); на другой (I, 2) роговъ нѣтъ, но въ виду тождества обѣихъ группъ во всемъ остальномъ, а также въ виду присутствія на нѣкоторыхъ экземплярахъ подписи Μήν, приходится и это изображеніе считать за изображеніе Мѣсяца ¹⁾).

Болѣе отдаленныя изображенія луннаго арійскаго бога мы встрѣчаемъ на монетахъ нидо-скивскихъ царей. На монетахъ царя Канерки (I в. по Р. X.) изображена фигура съ надписью Σαλτηνη, съ огромными рогами полумѣсяца на плечахъ; фигура стоитъ, обратясь влѣво, и протягиваетъ правую руку, какъ бы обращаясь съ рѣчью; въ лѣвой рукѣ—длинный скипетръ и короткая палка (можетъ быть, мечъ); одежда состоитъ изъ спускающейся ниже колѣнъ туники и широкаго плаща ²⁾. Совершенно такую же фигуру, но съ надписью Μαο, мы находимъ на монетахъ того же царя ³⁾ и послѣдующихъ ⁴⁾, на монетахъ которыхъ фигура Μαο, измѣняя свои позы, повсюду сохраняетъ свой отличительный признакъ, указывающій на существованіе тамъ мѣстнаго мужскаго луннаго бога, вытѣсвившаго греческую Селину.

Можно указать еще на одно изображеніе арійскаго же луннаго мужскаго бога на серебряномъ блюдѣ Парижской Національной Библіотеки, гдѣ, въ сценѣ жертвоприношенія какой-то богинѣ, изображенной въ центрѣ, мы видимъ два парящихъ въ воздухѣ серна мѣсяца съ мужскими безбородыми головами на нихъ ⁵⁾.

Наконецъ, полумѣсяцъ за плечами человѣческаго бѣста нерѣдко

¹⁾ На монетахъ Габы (Saulcy, p. 339 сл., pl. XIX, 1—7) находится изображеніе юноши, въ короткомъ хитонѣ и колпакѣ, въ родѣ фригийскаго, стоящаго въ позѣ, сходной съ позою фригийскаго Мѣсяца: на полѣ съ одной стороны полумѣсяцъ, съ другой—звѣзда; голова юноши на лицевой сторонѣ монеты помѣщается иногда надъ серномъ полумѣсяцемъ. Но этихъ признаковъ недостаточно для отождествленія этого юноши съ фригийскимъ Мѣсяцемъ, такъ какъ у стоящихъ фигуръ полумѣсяца за плечами не находится; головы же надъ полумѣсяцемъ встрѣчаются и на иныхъ срийскихъ монетахъ, напр., Артемиды на монетахъ Дамаска (Saulcy II, 3) и Герасъ (Saulcy XXII, 1) и мужскаго божества на монетахъ Пальмиры (Saulcy XXV, 17. 18. 20). Этотъ пальмирскій богъ, съ полумѣсяцемъ за плечами, изображенъ въ видѣ воина, держащаго въ лѣвой рукѣ копье, на рельефѣ съ одного алтара въ Римѣ (Monum. inediti IV, tav. 38, 6—Jcm. de l'Institut de France XX (1851), pl. III, 1). Надпись (Kaibel, IGIS 971), 235 г. по Р. X., называетъ его Ἀλῆζωλος.

²⁾ Catalogue of indian coins. Greek and Scythic Kings, XXVI, 1.

³⁾ Ibid. XXVI, 9. XXVII, 3.

⁴⁾ Ibid. XXVII, 3. 18. 19. 21. 22. 23. 24. XXIX, 4.

⁵⁾ Gaz. archéol. 1885, pl. 33. Babelon. Le Cabinet des Antiques à la Bibliothèque Nationale, Paris, 1887—8, pl. XLVIII. Русск. древн. III, рис. 85.

встрѣчается на монетахъ съ изображеніемъ императоровъ и особенно часто императрицъ ¹⁾. Быть можетъ, императрицы отождествляются въ данномъ случаѣ съ богинями Луна или *Σελήνη*, а императоры — съ фригійскимъ Мѣсяцемъ.

Всѣ вышеприведенные примѣры изображеній серпа мѣсяца за плечами человѣческой фигуры, какъ то и естественно, указываютъ на лунное божество. Поэтому, всѣ изображенія, представляющія человѣка въ фригійской одеждѣ съ этимъ характернымъ атрибутомъ, могутъ быть считаемы за изображенія фригійскаго Мѣсяца.

Сохранилось вѣсколько монументальныхъ изображеній головы Мѣсяца въ высокому рельефѣ на фронтонахъ, посвященныхъ, вѣроятно, ему храмовъ, открытых въ развалинахъ мало-азійскихъ городовъ. Всѣ эти изображенія относятся къ императорской эпохѣ.

1. Въ Памфиліи, близъ города Кремнъ (*Κρημαί*), открыты остатки небольшого храма, на фронтонѣ котораго находилось погрудное изображеніе, повидимому, Мѣсяца ²⁾.

2. Въ Памфиліи же, въ городѣ Сидѣ, въ развалинахъ храма, найденъ фронтонъ съ изображеніемъ человѣческой головы въ центрѣ, которую, по аналогіи съ рельефомъ Кремнъ, можно считать за голову Мѣсяца ³⁾.

3. Погрудное изображеніе Мѣсяца на рельефѣ изъ Меоніи, рядомъ съ бюстомъ юноши съ лучами около головы, котораго нельзя назвать иначе, какъ Гелиемъ, хотя надпись подъ рельефомъ этимъ называетъ Зевса Масфалатинскаго, Мѣсяць *Τιάρω* и Мѣсяць Тираппъ, изданъ дважды и оба раза, повидимому, въ весьма неточныхъ ризункахъ ⁴⁾. Мѣсяць отличается отъ сосѣда одеждою: на послѣднемъ накинута лишь плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ, у Мѣсяца подобный же плащъ надѣтъ поверхъ тупики съ рукавами. На головѣ фригійскій колпакъ, изображенный на рисункахъ такъ, что его можно принять за волосы, связанные въ пучекъ (или даже за *κλάδος*) и считать бюстъ этотъ Селиной; но этому препятствуетъ варварская тупика бога.

¹⁾ Rasche, Lex. universale rei numariae II, 2 p. 1879. Imhof-Blumer, Porträtköpfe auf römischen Münzen, Leipzig, 1879, №№ 76. 79. 88. 100.

²⁾ Ланскогоўскі, р. 132.

³⁾ Ibid. p. 131. Подобный же бюстъ въ среднѣ фронтонѣ найденъ былъ въ Сагалассѣ (Ланскогоўскі, fig. 111); здѣсь не видно ни фригійскаго колпака, ни роговъ мѣсяца за плечами. Поэтому голова изображаетъ, вѣроятно, Гелия, но возможно также, что оба отличительные признака Мѣсяца приставлены были изъ другого матеріала, напр., бронзы.

⁴⁾ Texier, Description de l'Asie Mineure, Paris, 1839, I, pl. 51, 1. Le Bas, Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure. Monuments figurés, pl. 136.

Длинные вьющіеся волосы спадаютъ па плечи. Рога полумѣсяца помѣщены гораздо выше, чѣмъ они помѣщаются обыкновенно, такъ что серпъ приходится за шею, а не за плечами.

4. Изъ другихъ погрудныхъ изображеній Мѣсяца, по сохранности и по тщательности работы, должно поставить на первомъ мѣстѣ голову бога, украшающую центръ одного изъ серебряныхъ блюде известнаго гильдесгеймскаго клада, хранищагося въ Antiquarium'ѣ Берлинскаго Музея¹⁾. Погрудное изображение Мѣсяца находится въ центрѣ блюда, представляющаго pendant къ другому, гдѣ изображена голова богини (вѣроятно, Кивелы) съ согопа *megalis* на головѣ. Голова бога, какъ обыкновенно бываетъ у подобныхъ изображеній²⁾ повернута въ $\frac{3}{4}$ вправо; взоръ обращенъ вверхъ. На головѣ, съ длинными кудрями, фригійскій колпакъ, украшенный звѣздами; на шеѣ большая гривна; одежда обработана въ общихъ чертахъ и не обнаруживаетъ швовъ, необходимыхъ при изображеніи рубашки; надъ обонми плечами торчатъ рога мѣсяца. Последняя деталь рѣшительно указываетъ, что здѣсь мы имѣемъ изображение Мѣсяца³⁾.

5. Изъ рѣзныхъ камней наилучшее изображение головы Мѣсяца находится на камей Неаполитанскаго Музея⁴⁾. Голова бога повернута

¹⁾ Wieseler, Der Hildesheimer Silberfund, Taf. III, 2.

²⁾ Изъ нихъ наилучшее—глиняная форма съ серебрянаго оригинала (голова Лѣины), найденная въ Херсонисѣ. Матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Арх. Комм. № 7, табл. I, 4.

³⁾ Мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые пахедятъ возможнымъ видѣть въ этомъ изображеніи Аттиса (Drexler, N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 322. Schoene, Hermes III (1869), p. 477. Decharme у Daremberg et Saglio, Dictionn. des antiq. I, 2, p. 1680), отождествленнаго съ Мѣсяцемъ, основываясь на сопоставленіи его здѣсь съ Кивелою и на πῖλος ἀστερωτός, украшающемъ его голову и подаренномъ, по преданію, Кивелою Аттису (Julian. Orat. V, p. 165, ed. Hertlein, p. 214. Sallust. de diis et mundo 4). Сопоставленіе и Мѣсяца съ Кивелою не представляетъ ничего невозможнаго. Кромѣ того, та богиня, съ которой часто сопоставляется Мѣсяцъ, именно Артемида Анапта, изображалась въ типѣ Кивелы (см. ниже); что касается колпака со звѣздами, то такой колпакъ, по своимъ украшеніямъ, еще болѣе приличествуетъ Мѣсяцу, чѣмъ Аттису. Упоминаніе же, что онъ былъ подаренъ Кивелою Аттису, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ М. Азіи были выдѣляемы подобныя колпаки, которые могли служить головнымъ уборомъ и простыхъ смертныхъ.

⁴⁾ Annali XV (1843), tav. d'agg. O. P. 2. Hirt, Mythol. Bilderbuch XI, 8, p. 88. Въ Берлинскомъ Музеѣ хранится «blaue antike Paste. Der Mond... erscheint hier im Brustbilde... und über seinen Schultern der Halbmond. Tölkен, Erklärendes Verzeichniss der antiken vertieft geschnittenen Steine der K. Preuss. Gemmensammlung, Berlin, 1835, p. 239, № 1402. Въ Британскомъ Музеѣ—Barut sard: buste of Lunus in profil to right wearing phrygian cap, resting on crescent, star above. (Висконти, Opere varie II, p. 244, № 288 (=р. 352, № 35), описываетъ одну камею изъ собранія гр. di Fries; Busto del dio Mene... quindi il suo abito frigio. Il pileo e ornato di stelle e la messa luna gli adorna le spalle). A Catalogue of engraved gems in the British Museum, London, 1888, № 1114.

въ профиль вправо; фригійскій колпакъ на ней украшенъ звѣздами; поверхъ хитона плащъ, застегнутый на правомъ плечѣ небольшой круглой фибулой.

6. Изображеніе Мѣсяца, на камѣѣ Британскаго Музея, съ полумѣсяцемъ не за плечами, а въ сторонѣ отъ головы ¹⁾).

7. Изображенія головъ Мѣсяца на монетахъ различаются отчасти типами лицъ, отчасти деталями головного убора. Но тотъ или другой типъ головъ зависить отъ времени монеты и достоинства рѣзчика, а потому, имѣя лишь нѣсколько точныхъ изображеній головъ этихъ на таблицахъ, приложенныхъ къ упомянутому изслѣдованію Рошера, мы не можемъ дѣлать никакихъ заключеній на основаніи типовъ головъ. Наилучшая, по типу головы и сохранности, монета Севасты въ Галатіи не опредѣлена, къ сожалѣнію, хронологически ²⁾. Фригійскій колпакъ часто изображается украшеннымъ звѣздами ³⁾. Иногда, поверхъ колпака, надѣтъ лавровый вѣнокъ ⁴⁾, а на монетѣ Юліополя колпакъ украшенъ и звѣздами и вѣнкомъ ⁵⁾. Шейное украшеніе въ видѣ двойнаго ожерелья, но не гривны, какъ на гильдесгеймскомъ блюдѣ, видимъ лишь на анкирскихъ монетахъ ⁶⁾. Въ оригинальной композиціи изображена голова Мѣсяца на одной монетѣ Силлія (въ Памфиліи). Судя по описанію Ваддингтона, здѣсь голова Мѣсяца поддерживается снизу орломъ съ распростертыми крыльями, какъ нерѣдко изображали голову Гелія ⁷⁾. Вѣроятно, такая композиція орла и головы лунаго бога подражаетъ болѣе обычнымъ изображеніямъ солнечнаго бога. Иныхъ примѣровъ соединенія орла съ Мѣсяцемъ извѣстно намъ лишь два: „орелъ Зевса“, украшавшій жертвенникъ Мѣсяца въ храмѣ Аполлона *Κισσαλοδδῆγρον* (II, 5), и орелъ, сидящій на серпѣ Мѣсяца на одномъ рельефѣ изъ Кулы (см. ниже). Изъ описанія Ваддингтона не видно,

¹⁾ Catalogue, № 1113. Не рѣшаемся утверждать, что изображеніе Мѣсяца находится на одномъ рѣзномъ камнѣ въ Вѣнѣ. Sacken und Kenner, Die Sammlungen des K. K. Münz- und Antiken-Cabinetes, Wien, 1866, p. 413. Полумѣсяца при этомъ изображеніи нѣтъ. Равнымъ образомъ, прочія головы, хотя бы и въ *πίλος ἀστέρων*, правильно считать, въ виду отсутствія полумѣсяца, за изображенія Аттиса, Париса или Ганмеда и т. п. Таковы, напр., камень, издаваемый Le Viol d'Or, I, 20 (нынѣ въ Имп. Эрмитажѣ) или камень, издаваемый Caylus'омъ, Recueil d'antiquités égyptiennes, étrusques, grecques et romaines, Paris, 1756, II, pl. XLIX, 2. 3.

²⁾ Roscher, Ia 8. Еще лучше и древнѣе голова на монетѣ Амастріи (Ia 2), по она, не имѣя роговъ мѣсяца за плечами, быть можетъ, Мѣсяцу и не принадлежитъ.

³⁾ Roscher, Ia 7. 8 (монеты Силлія и Анкиры).

⁴⁾ Roscher, Ia 6 (монета Лаодикіи).

⁵⁾ Layard, Introduction à l'étude du culte... de Mithra, pl. LXVII, 5.

⁶⁾ Roscher, Ia 8.

⁷⁾ Rev. Numism. 1853, p. 37 (монета времени Галліена).

есть-ли на головѣ, изображенной на монетѣ Силлія, фригійскій колпакъ; если его нѣтъ, то голова эта принадлежитъ, быть можетъ, къ тѣмъ страннымъ и рѣдкимъ изображеніямъ Гелія на серпѣ мѣсяца¹⁾, старинныя попытки объясненія которыхъ, какъ „Солнца—властителя Мѣсяца“²⁾, основаннаго на невѣрномъ пониманіи эпитета Аттиса *menotyranus* (ср. выше, стр. 99¹⁾), кажутся намъ неудовлетворительными.

Чаще встрѣчаются изображенія Мѣсяца въ стоячей позѣ, опирающагося одною рукою на скипетръ или копье, т. е. въ той позѣ, въ которой столь часто изображались греческія божества. Эта поза наиболѣе употребительна для статуарныхъ изображеній фригійскаго бога³⁾.

Сохранившіеся статуарныя изображенія бога Мѣсяца въ указанной позѣ ограничиваются бронзовыми статуетками его въ Паризѣ.

8. Въ *Cabinet des Antiques* Національной Библіотеки Шабулье (*Catalogue* 2961) описывается одна такую статуетку, называя ее Мѣсяцемъ. Но онъ не отмѣчаетъ, находится-ли полумѣсяць на плечахъ, почему мы не рѣшаемся утверждать, что эта статуетка представляетъ изображеніе именно Мѣсяца⁴⁾.

9. Другая статуетка Мѣсяца находится въ Луврѣ и, судя по краткому описанію и сравненію ея съ монетой Севасты фригійской, представляетъ бога, поставившаго лѣвую ногу на баранью голову. Правою рукою опирается онъ на скипетръ или копье, лѣвая рука (на монетѣ съ шишкою пиніи) протянута⁵⁾. Статуетка вылита изъ такого же металла, что и монета, почему предположеніе Ваддингтона о фригійскомъ происхожденіи ея вполне вѣроятно.

10. Въ Аѳинскомъ Центральномъ Музеѣ хранится глиняная статуетка, происходящая изъ Малой Азіи и принадлежавшая ранѣе извѣстному собранію терракоттъ Мисооса въ Смирнѣ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось получить разрѣшенія Генеральнаго эфора древностей фотографировать эту статуетку. Поза Мѣсяца здѣсь нѣсколько иная: правая рука, слегка согнутая, опущена внизъ и упирается въ бедро, ничего не держа; лѣвая рука была согнута въ локтѣ подъ прямымъ

¹⁾ На пластинкѣ съ изображеніемъ Кавира: *Arch. Zeit.* 1854, LXV, 3; на рѣзныхъ камняхъ: *Müller-Wieseler, Denkm. d. alt. Kunst* II, 76, 972.

²⁾ Ср. *Wieseler, Der Hildesheimer Silberfund*, p. 17 (прим.).

³⁾ Въ такой же позѣ изображается Мѣсяць на монетахъ различныхъ мало-азійскихъ городовъ; поза эта иногда варьируется тѣмъ, что одна нога бога ставится на голову быка или барана, указывающую на тавроволю и криволю его культа.

⁴⁾ Статуетку эту предполагаетъ издать въ *Bull. de corr. hell.* членъ франц. школы въ Аѳинахъ г. Perdrizet.

⁵⁾ *Waddington, Rev. Numism.* 1851, p. 181 сл., pl. X, 5.

угломъ и держала какой-нибудь атрибутъ; теперь она отломана. На плечахъ расходятся въ обѣ стороны большіе рога луннаго серпа (правый поломанъ). На головѣ бога, повернутой нѣсколько вправо, въ сторону атрибута, поверхъ длинныхъ спадающихъ на плечи волосъ, фригійскій колпакъ; одежда состоитъ изъ плаща, застегнутаго на правомъ плечѣ и прикрывающаго лѣвое плечо и руку до локтя, и туники. Пояса не видно, такъ какъ онъ прикрытъ небольшою пазухой; другая большая пазуха спадаетъ почти до колѣнъ; ниже ея статуетка обломана, но, судя по болѣе сохранившейся лѣвой части, ниже продолжалась опять туника, а ноги не были видны. Такимъ образомъ, Мѣсяцъ на этой статуеткѣ одѣтъ былъ или въ длинную тунику съ длинной пазухой, какую мы часто видимъ на изображеніяхъ восточнаго костюма Мѣсяца на монетахъ (ср. Roscher, Ia 14. 17) или въ хитонъ, доходящій до земли, какой надѣтъ на Мѣсяцѣ на рельефѣ изъ Форики (см. ниже).

Статуарныя изображенія Мѣсяца копируются многочисленными рельефами на стилахъ и монетахъ.

11. Изъ числа первыхъ наиболѣе интересно изображеніе Мѣсяца *Τιάρω* (ср. II, 28) изъ Меоніи, гдѣ богъ представленъ стоящимъ рядомъ съ Зевсомъ Масфалатиномъ ¹⁾. На богѣ надѣто туземное одѣяніе: туника съ рукавами, прикрывающая поясъ пазухой, штаны и низенькіе сапожки. На головѣ обычный колпакъ; лѣвая рука выходитъ изъ-подъ плаща, застегнутаго на правомъ плечѣ, и держитъ шаръ. Правая опирается на копье (или жезлъ), нижняя часть котораго представлена уходящей за поверженнаго быка, чтобы не перебивать его фигуру, какъ то дѣлается перѣдко ²⁾.

12. Рельефное изображеніе Мѣсяца Аскаина (II, 16) извѣстно лишь по слѣдующему, крайне недостаточному, описанію Рамзея: a relief representing the god Men half-length standing slightly to the right, wearing a high phrygian cap and with the crescent on his shoulders. Легкій поворотъ вправо сближаетъ эту фигуру съ вышеописанной и съ нѣкоторыми изображеніями Мѣсяца на монетахъ.

13. Рельефъ при надписи Галгестин (II, 4), на скалѣ близъ Филиппъ въ Македоніи, судя по рисунку ³⁾, сильно испорченъ: лѣвая рука бога опирается на длинное копье или скипетръ; въ правой со-

¹⁾ Kerrel, Narrative of a journey across the Balkan, London, 1831, II, p. 345. Texier, Description de l'Asie Mineure I, pl. 52. Le Bas, Voyage Archéologique. Monuments figurés, pl. 136. Roscher, Taf. II. Ср. замѣчанія о рисункахъ С. Рейнака, Bibliothèque des monuments figurés I, p. 118.

²⁾ Рисунокъ у Тексея передаетъ быка гораздо лучше и ясно отмѣчаетъ его горбъ.

³⁾ Heuzey et Daumet, Mission archéologique de Macédoine, pl. IV, 1.

гнутой держалъ онъ какой-то атрибутъ. Серпъ мѣсяца нижнею своею стороною не касается плечей, а идетъ въ стороны отъ головы, на которой поверхъ колпака находилось, повидимому, еще что-то, быть можетъ, звѣзда, приходившаяся въ центрѣ полумѣсяца. Одѣтъ богъ въ тунику, доходящую до колѣнъ.

14. Вѣроятно, Мѣсяцъ изображенъ на рельефѣ въ ханѣ Сивавѣ, во Фригійе-же. Рамзей описываетъ его такъ: a relief representing a figure compounded of Men and Telesphoros, wearing a very short mantle with a peaked hood, with the crescent moon behind his shoulders, standing facing and bearing a spear in his right hand ¹⁾. Отличительный признакъ Мѣсяца за плечами этой фигуры, опирающейся на скипетръ или копье, и острая шапка вполне позволяютъ видѣть здѣсь изображеніе Мѣсяца ²⁾.

Съ той же позѣ, какъ на рельефахъ и монетахъ, изображается Мѣсяцъ и на рѣзныхъ камняхъ.

15. На гранатѣ Парижской Національной Библиотеки (Chabouillet, Catalogue 2033) Мѣсяцъ изображенъ опирающимся правою рукою на скипетръ или копье; въ лѣвой рукѣ шишка пипи.

16. На халкедонѣ того же собранія (Chabouillet, Catalogue 2034) нога Мѣсяца поставлена на голову быка.

17. Въ Берлинскомъ музеѣ Tölken (1403. 1404) упоминаетъ два изображенія стоящаго Мѣсяца ³⁾. Одно изъ нихъ Шёне (Hermes III, p. 477²⁾) описываетъ такъ: ein Jüngling in orientalischer Tracht steht en face, im Begriff mit der Patera in der vorgestreckten Rechten auf eine unten zur Seite angebrachte Ara zu libiren. Hinter seinen Schultern kommen die Enden einer Mondsichel zum Vorschein, auch auf der Brust scheint er eine Spange in Form eines Halbmondes zu tragen. Dass aber hier sicher Attis gemeint ist, zeigt der zu seiner Linken dargestellte Hahn. Но это, конечно, не Аттисъ, а Мѣсяцъ. Жертвенникъ на ипыхъ изображеніяхъ, насколько намъ извѣстно, не встрѣчается ⁴⁾.

18. Рельефъ, изданный Smith'омъ (II, 23), представляетъ Мѣсяца

¹⁾ Journ. of hell. stud. 1889, p. 227 сл. На основаніи надписи Παλλικό Αστλκπία; κόρη Κερζέων πα(ρ)όδο(α)η (Δ)ογένοσ Αύτροσ, Рамзей считаетъ это изображеніе за единственно до сихъ поръ извѣстное изображеніе одного изъ сицилійскихъ Паликовъ (!!).

²⁾ Къ сожалѣнію, изъ описанія не видно, имѣетъ-ли эта фигура какую-либо одежду подъ короткимъ плащомъ, или она нагая; но и въ послѣднемъ случаѣ не исключается возможность считать ея Мѣсяцемъ (ср. ниже 24).

³⁾ Ср. Winkelmann, Description des pierres gravées du feu Baron de Stosch, Florence, 1755, №№ 397. 398. 399.

⁴⁾ На рѣзномъ камнѣ, описанномъ Сакеномъ и Ксенеромъ (I. I. p. 440, № 645), серпа мѣсяца за плечами бога не упоминается, а потому и нельзя рѣшить, дѣйствительно-ли это изображеніе Мѣсяца.

Кавалина въ той же, повидимому, позѣ, что и вышеописанные рельефы. Мѣсяць стоитъ подъ портикомъ храма о двухъ колоннахъ, какъ изображаются нерѣдко мѣстнотимые Мѣсяцы на монетахъ ¹⁾.

19. Ниже указываемый примѣръ (26) смѣшенія роговъ мѣсяца съ крыльями заставляетъ предполагать, не Мѣсяць-ли изображенъ на одномъ фрагментѣ рельефа, находящагося во Флоренціи, въ Museo Uffizi (IX зала надписей) ²⁾. Юноша (крылатый?) стоитъ подъ аркою храма; на немъ фригійскій костюмъ; правая рука поднята и опирается, вѣроятно, на посохъ; у ногъ юноши какое-то животное, можетъ быть, быкъ (голова отломлена) ³⁾.

20. Изображенія статуй Мѣсяца на монетахъ различныхъ городовъ М. Азии представлены въ хорошихъ снимкахъ на таблицахъ Рюшера. Эти изображения, въ общемъ довольно однообразныя, различаются позою фигуръ и могутъ быть раздѣлены на три группы.

Одна изъ нихъ примыкаетъ къ рельефу изъ Меоніи (III, 11). Мѣсяць изображается смотрящимъ вправо, опираясь правою поднятою рукой на скипетръ, а въ лѣвой держа какой-нибудь атрибутъ. Лѣвая нога поставлена на голову жертвеннаго животного. На богѣ большой плащъ, спадающій съ праваго плеча и прикрывающій погн. Въ деталяхъ изображенія, конечно, расходятся. Такъ, Мѣсяць (вѣроятно, Ἄσκηρός) на монетѣ Антиохіи Писидійской (Roscher Ia12) держитъ въ лѣвой рукѣ статуетку Побѣды, присутствіе которой можетъ объясняться тѣмъ, что Антиохія была римской кесарской колоніей; слѣва отъ бога стоитъ, оглядываясь на него, пѣтухъ. Мѣсяць Ἄσκηρός (Ro-

¹⁾ Ср. Roscher, Ib 15 (изъ Галатіи, время Траяна): Мѣсяць изображенъ въ портикѣ о двухъ колоннахъ небольшого храма; правая рука протянута, лѣвая прикрита, повидимому, плащомъ и опущена. Поза Мѣсяца приближается къ афинской статуеткѣ (№ 10). На монетѣ Простанны Писидійской (Roscher, Ib 14) храмикъ представленъ съ фасада, и статуя Мѣсяца изображена спереди: обѣ руки согнуты въ локтяхъ подъ прямымъ угломъ и держатъ какіе-то трудноразличимые атрибуты; на боковыхъ стѣнахъ храма, по обѣимъ сторонамъ головы бога на особыхъ консоляхъ, стоятъ два пѣтуха или скорѣе статуи ихъ (ср. статуетку пѣтуха изъ святилища Аттиса въ Остіи: Mon. imp. IX, 8a, fig. 1a. 1b), а у ногъ два льва (ср. Head, N. N. p. 591). На иныхъ экземплярахъ вмѣсто двухъ пѣтуховъ сфинксъ: послѣдняя деталь, равно какъ и изображеніе храма со статуей бога en face, напоминаетъ изображеніе храма Артемиды Пергейской на монетахъ Перги. Оригинальное украшеніе нижней части пилястровъ храма на монетѣ Простанны можно, кажется, объяснить серебряными или иными блюдами, пожертвованными въ храмъ и развѣшанными по его угламъ. Большой храмъ Мѣсяца съ фасадомъ о шести колоннахъ изображенъ на монетахъ Нисы (Nim. Chron. IV p. 141); стоящая въ храмѣ этомъ статуя Мѣсяца, опирающагося одной рукой на скипетръ и держащаго въ другой патеру, сходна съ иными изображеніями Мѣсяца на монетахъ Нисы и представляеть, вѣроятно, Мѣсяць Казаритъ.

²⁾ D ä t s c h k e, Ant. Bildwerke in Oberitalien III, p. 164 сл., № 324.

³⁾ Ср. Roscher, Ia 16 (монета Сагаласса).

seher Ia15) держитъ въ лѣвой рукѣ шишку пиніи. Мѣсяцъ на монетѣ Селевкии Писидійской (Roscher Ia13), вслѣдствіе величныя головы быка, подпилъ лѣвую ногу особенно высоко и упирается лѣвою рукою въ бедро. Описанная поза Мѣсяца свойственна, главнымъ образомъ, городамъ юв. Фригии и сосѣдней съ нею Писидіи.

Другой типъ изображеній Мѣсяца таковъ: богъ, смотрящій влѣво, лѣвою рукою опирается на скипетръ и въ правой держитъ эмблему; обѣ ноги стоятъ на одномъ уровнѣ, отчего фигура гораздо спокойнѣе и оживляется лишь тѣмъ, что тяжесть тѣла покоится на правой ногѣ, а лѣвая отставлена; за плечами виситъ плащъ. Такая поза встрѣчается на монетахъ *Beudos Vetus* (Roscher Ia11 — атрибутъ шара), Нисы (Ia14 — атрибутъ патера, рядомъ съ правой ногой — голова быка), Сарды (Ia17 — атрибутъ шишка пиніи), Саиттъ (оригиналъ въ аоническомъ нумизматическомъ собраніи, атрибутъ шишка пиніи), Сагаласса (Ia16, атрибутъ тотъ же, у правой ноги стоитъ быкъ). Область распространенія второго типа лежитъ къ западу и сѣверо-западу отъ области распространенія перваго типа.

Третій типъ изображеній Мѣсяца засвидѣтельствованъ монетами Галатіи. Мѣсяцъ, смотрящій влѣво, стоитъ на правой ногѣ, отставивъ лѣвую; лѣвая рука уперта въ бокъ, правая протоптана впередъ (монета Анкиры, Roscher Ia18, Мѣсяцъ, безъ плаща, опирается правою рукою о якорь¹⁾; анкирская же монета Ia19 — Мѣсяцъ въ плащѣ, съ плоской чашей въ правой рукѣ, ср. Ib15).

Наконецъ, Мѣсяца, стоящаго en face, видимъ мы на монетѣ Простанни Писидійской (Ib14) и Магнасиіи на Меандрѣ (Ib1. 2). Правою рукою богъ опирается на опресъ, лѣвая опущена (что держала, разобрать нельзя). Справа, рядомъ съ лѣвою рукою, стоитъ опресъ, обвитый змѣею. Въ этомъ типѣ видятъ смѣшеніе Мѣсяца съ Асклапіемъ.

Конечно, три вышеуказанныхъ группы изображеній стоящаго Мѣсяца, при сопоставленіи всѣхъ его изображеній на монетахъ, быть можетъ, и не окажутся соответствующими каждой особой области. Число изображеній стоящихъ Мѣсяцевъ весьма значительно (помъ извѣстны они на монетахъ 27 городовъ), но для сравненія ихъ между собою надо было бы имѣть изображенія всѣхъ ихъ. Кромѣ того, на монетахъ одного и того же города Мѣсяцъ иногда изображается съ тѣми или другими различіями въ деталяхъ²⁾.

¹⁾ Ср. Waddington, Rev. Numism. 1851, p. 159.

²⁾ Напр., на монетахъ Нисы (*Mionnet Descr.* III, 374. 383. 384. 399. 402. Suppl. VI, 407. VII, 411. 414. 415) мы видимъ Мѣсяца стоящаго и опирающагося лѣвой рукою на свершикъ.

21. Въ число этихъ изображеній статуи Мѣсяца на монетахъ надо включить изображеніе Мѣсяца на колесницѣ, запряженной парой скачущихъ быковъ, на монетѣ фригійскаго города Темепофиръ (Roscher *Th13*). Изображеніе это таково, что про него никакъ нельзя сказать: „богъ скачетъ на колесницѣ“; можно лишь сказать: „статуя бога поставлена на колесницу“. Статуя эта относится ко второму изъ описанныхъ выпе типовъ; въ правой рукѣ бога, повидимому, шишка пинии. Изображеніе Мѣсяца оказывается, такимъ образомъ, самымъ обычнымъ. Мало оригинальнаго и въ композиціи всей группы, заимствованной отъ обычныхъ изображеній Селены ¹⁾. Быки, везущіе Мѣсяцъ, мѣстной горбатой породы, какъ и быки въ колесницѣ Селены на мало-азійскихъ и сирійскихъ ея изображеніяхъ.

22. Возможно, что Мѣсяцъ на колесницѣ, влекомый быками, былъ изображенъ на двухъ стилахъ, пайденныхъ въ мѣстности *Thiunta*, близъ (*Geuzlag'a*, въ южн. Фригійи ²⁾). Посрединѣ представленъ Зевсъ съ Тихою и Гермесомъ по сторонамъ его; на краяхъ стѣва Гелій на квадригѣ; справа сохранилась колесница, запряженная парой быковъ, стоявшая же на ней фигура, сбитая на обѣихъ стилахъ, представляла, вѣроятно, мѣсто-чтимаго Мѣсяца.

23. Не изданнымъ остается интересное изображеніе Мѣсяца на надгробной стѣлѣ, посвященной Гекатѣ, изъ Салоникъ. Стѣла хранится въ Константинопольскомъ Музеѣ ³⁾. Въ одномъ полѣ рельефно изображена трехличная Геката съ факелами; на головѣ одной Гекаты лунный дискъ, на которомъ бюстъ Солнца. Съ одной стороны Мѣсяцъ, съ другой небольшой кавиръ (?) съ молотомъ и въ сопровожденіи собаки (Reinach *l. l.*) ⁴⁾.

24. Издаваемый въ первый разъ мраморный рельефъ Лѳинскаго Центрального Музея (№ 1444) (рис. 1) находился ранѣе въ собраніи Аон. Арх.

скипетръ или коше, а въ правой рукѣ онъ держитъ патеру (на монетахъ М. Аврелія и Л. Вера), шишку пинии (на монетахъ Гордіана), опять патеру (на монетахъ Валеріана, но у ногъ появляется голова быка).

¹⁾ Ср. Maass, *Annali* 1881, p. 91 сл. Roscher, *Ueber Selene und Verwandtes*, p. 36 сл. На монетахъ Тарса (Luard, *Introduction à l'étude du culte de Mithra*, pl. LXVII, l. 2) мы находимъ два типа такого изображенія Селены: одинъ представляетъ богиню, нагнувшись впередъ, правящую быками, въ живомъ движеніи, зависящемъ отъ изображеній женскихъ фигуръ (б. ч. побѣдъ) на колесницахъ. Другой типъ представляетъ Селену, съ факеломъ, на быстро несущейся колесницѣ, въ спокойной позѣ храмовыхъ статуй; здѣсь, какъ и въ изображеніяхъ Мѣсяца, изображена не сама богиня, ѣдущая на быкахъ, а лишь ея статуя, взгроможденная, для большей пышности, на колесницу.

²⁾ *Amer. Journ. of Arch.* IV (1889), p. 278 (къ сожалѣнію, одно лишь описание).

³⁾ S. Reinach, *Catalogue du Musée Impérial Ottoman d'antiquités*, Paris, 1882, p. 36, № 214. Joubin, *Musée Impérial Ottoman*, Constantinople, 1894, p. 42, № 124.

⁴⁾ Рельефъ этотъ издается г. Perdrizet.

Общества (№ по инвентарю 3826). Высота рельефа 0,41, ширина 0,43. Происходитъ этотъ рельефъ, какъ намъ любезно сообщилъ г. Вольтерсъ, откуда-то изъ окрестностей Аѳинъ¹⁾. На рельефѣ представленъ Мѣсяцъ въ гротѣ Пана; это даетъ возможность предполагать, что издаваемый рельефъ находился иѣкогда въ числѣ пныхъ votivныхъ релье-

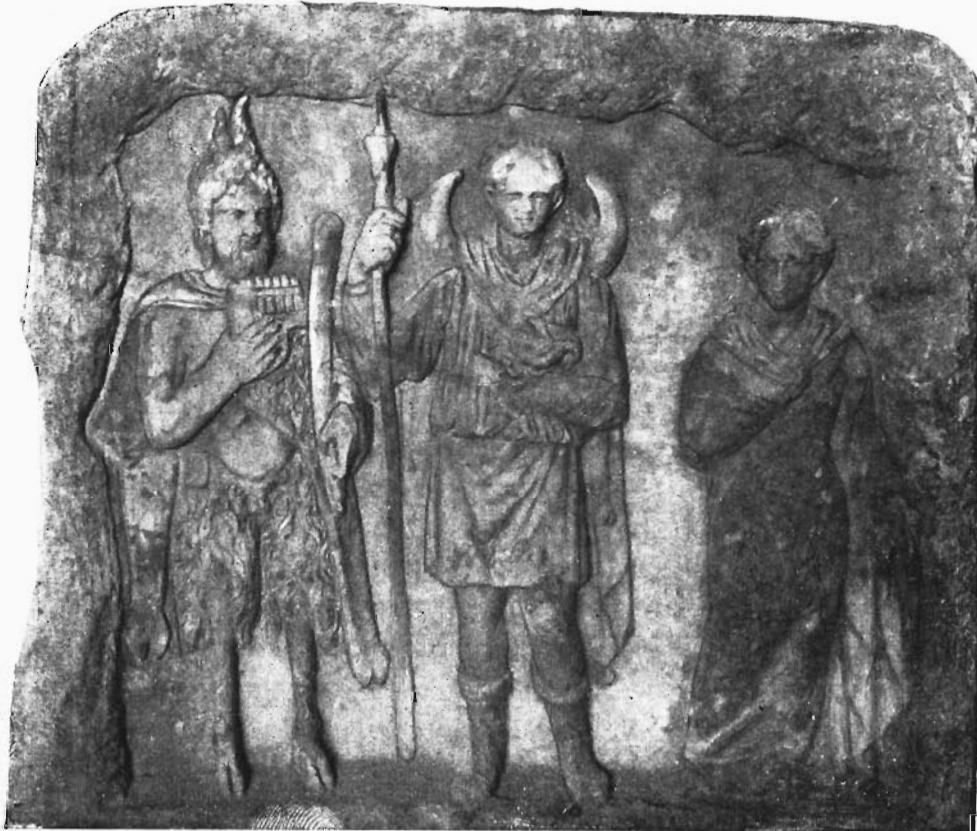

Рис. 1. Рельефъ Аѳинскаго Центрального Музея № 1444.

фовъ въ какой-нибудь святищѣ Пана²⁾. Козлоногій Панъ, съ сирингомъ въ правой рукѣ и слегка изогнутой дубиной (*λαγώζολον*) въ лѣвой,

¹⁾ Не оупь-ли упоминается въ *Πρακτικὰ τῆς ἐν Ἀθῆναις ἀρχαιολογικῆς ἐταιρείας*, 1880—81, p. 21: *ἐν ἀνάγλωρον ἐκ τῶν περὶ τῶν Ἀθηνῶν πέγνης ἀναπλαζούσης?*

²⁾ На другихъ рельефахъ, подобно нашему представляющихъ гротъ, Панъ является обикн-венно предводителемъ нимфъ. Перечисленіе такихъ рельефовъ даютъ: *Michaelis, Annali* 1863, p. 292 сл. *Μολωνᾶς, Ath. Mitt.* 1880, p. 356 сл. *Pottier, Bull. de corr. hell.* 1881, p. 351 сл. Въ такой рамкѣ въ видѣ грота, вмѣсто болѣе обыкновеннаго храма (*ναῖκος*, *aediculum*), изображаются иногда и другія божества, напр., Афродита съ эротами и Паномъ на одномъ рельефѣ изъ Аѳинъ въ музеѣ Гёттингенскаго университета (*G. Hubo, Original-Werke des arch.-num. Instituts der Georg-Augustus Universität, Göttingen*, 1887, p. 44 сл.), Кивела на нѣсколькихъ рельефахъ, причемъ въ одномъ случаѣ надъ гротомъ сидитъ Панъ (*Arch. Zeit.* 1880, p. 3. 5, t. II, 2. IV, 1. 2. 4) и т. д.

въ козьей шкурѣ ($\chi\epsilon\beta\rho\acute{\iota}\varsigma$), накинутой на плечи, не представляетъ ничего оригинальнаго. Женщина, стоящая по другую сторону Мѣсяца, не можетъ считаться простою смертною: ея поза такова же, что и у Пана и у Мѣсяца. Но назвать ее по имени мы затрудняемся. Присутствіе Пана невольно напоминаетъ обычно изображаемыхъ съ нимъ нимфъ, но эти послѣднія являются обыкновенно по нѣскольку вмѣстѣ. Ставить же эту богиню въ связь съ Мѣсяцемъ и считать ее за столь часто рядомъ съ нимъ сопоставляемую въ М. Азии Артемиду Анаиту не позволимъ намъ, съ одной стороны, отсутствіе какихъ-либо атрибутовъ, присущихъ этой богинѣ, съ другой стороны, то обстоятельство, что и композиція рельефа не позволяетъ эту фигуру ставить въ непосредственную связь съ Мѣсяцемъ: она скорѣе соответствуетъ Пану, нежели центральной, очевидно, главной фигурѣ Мѣсяца. Поза и одѣяніе ея не представляютъ ничего характернаго: такихъ женскихъ фигуръ, завернувшихся въ большой пеплосъ, придерживаемый на груди правою рукою, можно на греческихъ рельефахъ найти множество ¹⁾. Равнымъ образомъ, излишне перечислять массу статуй и статуетокъ греческаго и римскаго времени, изображающихъ женщинъ въ такой же точно драпировкѣ.

Главная фигура характеризуется большими рогами серна мѣсяца, выходящими на плечахъ изъ-подъ плаща, который перекинутъ поверхъ этихъ роговъ. Такимъ образомъ, рога эти разсматриваются художникомъ какъ нѣчто реальное, ибо, въ противномъ случаѣ, онъ приставилъ бы рога поверхъ плаща, какъ то мы видимъ обыкновенно на прочихъ изображеніяхъ Мѣсяца въ М. Азии. Отличается фигура Мѣсяца и отсутствіемъ фригійскаго колнака, равно какъ и короткими волосами на головѣ бога. Плащъ, спадающій на спину, застегнутъ на груди необычайно большою круглою плоскою фибулою. Рубашка съ длинными рукавами, съ каймою на концахъ, образуетъ надъ поясомъ небольшую, прикрывающую его, пазуху. Характерна верхняя часть рукавовъ: на обѣихъ рукахъ, немного выше локтя, видно неожиданное расширеніе рукава, такъ что нижняя, болѣе узкая часть выходитъ изъ-подъ верхней, широкой. Это можно объяснить или тѣмъ, что узкіе рукава принадлежатъ другой исподней рубашкѣ, поверхъ которой надѣта болѣе широкая туника съ широкими рукавами, или же тѣмъ, что расширяющіеся въ верхней части рукава образуютъ надъ локтемъ родъ пазухи,

¹⁾ Ср. напр., рельефы изъ аонскаго Деклиніона: $\text{Καββαδία}, \text{Κατάλογος τῶν ἐν Ἀθήναις Κεντρικοῦ Μουσείου}, \text{№№ 1355. 1361. 1363. 1367}$; мегалопольскій рельефъ: $\text{An. p. 11 1863, tav. L. 2}$; элевзинскій рельефъ: $\text{Bull. de corr. hell. 1881, pl. VII}$.

будучи перевязаны или какъ-либо подтянуты; но такая перевязь стѣсняла бы руки и мѣшала бы движеніямъ, а потому и присутствіе ея мало вѣроятно. Ноги бога обнажены и обуты въ высокіе котурны или эмвады (Daremberg et Saglio, Dict. des antiq. п. сл. Embades), завязанные спереди перекрещивающимся ремнями. Отсутствіе штановъ и фригійскаго колпачка, равно какъ греческій характеръ обуви ¹⁾, придаютъ фигурѣ Мѣсяца болѣе греческій характеръ, сравнительно со всѣми прочими его изображеніями, и намъ думается, что скульпторъ, изваявшій описываемый рельефъ, не былъ знакомъ съ восточнымъ, варварскимъ костюмомъ. Правая поднятая рука бога опирается на копьё, лѣвая держитъ передъ грудью пѣтуха, изображеннаго, правда, недостаточно характерно.

Этотъ рельефъ, вышедшій, вѣроятно, изъ рукъ греческаго, аттическаго, мастера, представляетъ вольное изображеніе м. азійскаго бога, не зависящее отъ его идоловъ. Оно является, въ ряду изображеній Мѣсяца, случайнымъ, какъ случайно, повидимому, и сопоставленіе Мѣсяца съ Паномъ и какою-то богинею (можетъ быть, это одна изъ паядь) ²⁾; присутствіе этихъ божествъ едва-ли слѣдуетъ объяснить какими-либо мифологическими тонкостями, вроде, напр., того, что и Мѣсяцъ и Панъ свѣтловыя божества ³⁾ и т. п.

Типъ Мѣсяца, изображенный на издавасмомъ рельефѣ, ближе всего сходенъ съ типомъ его на монетахъ фригійскаго города Аттуды: чтивнѣйшей тамъ $\text{M}\eta\upsilon\ \text{K}\acute{\alpha}\rho\omega\omega$ изображается во фригійскомъ, конечно, колпачкѣ, лѣвою рукою опирается онъ на копьё, а въ правой держитъ пѣтуха ⁴⁾.

Опредѣлить точно время нашего рельефа мы не беремся: пози фигуръ слишкомъ обыкновенны, размѣры самого рельефа слишкомъ малы, чтобы стиль могъ выразиться, напр., въ отдѣлкѣ складокъ и т. п. На нашъ взглядъ, этотъ рельефъ долженъ быть относимъ ко времени около Р. X.

25. Еще болѣе отстываетъ отъ обычныхъ изображеній Мѣсяца изображеніе его на рельефѣ, изваянномъ на капители пилястра, найденнаго въ Вауенх, въ Бретоніи (рис. 2), и относимомъ Гёзэ къ III в. по Р. X. ⁵⁾.

¹⁾ Ср. сапожки на рельефѣ изъ Меоніи (11) и на аонскихъ рельефахъ IV в. по Р. X. съ изображеніемъ Атгиса. Arch. Zeit. 1863, t. 176. 177.

²⁾ О близости Пана къ паядамъ см. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 150 сл.

³⁾ Объ отношеніи Пана къ Селинѣ см. Roscher, *ibid.*, p. 148 сл.

⁴⁾ Monnet, Descr. IV, p. 242, № 288. Ср. Drexler, Zeitschr. f. Numism. XIV (1887), p. 376.

⁵⁾ Heuzey, Rev. Arch. XIX (1869), p. 1—6, pl. I.

Мѣсяцъ представленъ здѣсь совершенно обнаженнымъ, съ плотными формами тѣла. Является вопросъ, происходитъ-ли это отъ неумѣлости скульптора и стиля позднего времени, или же Мѣсяцъ изображенъ здѣсь ребенкомъ, какъ на ниже описываемыхъ терракоттахъ. Непомѣрная шарина лица, пухлость щекъ говорятъ, кажется, въ пользу второго предположенія. Рога луннаго серпа помѣщены выше обыкновеннаго и нижнимъ краемъ своимъ не соприкасаются съ плечами; надъ головою виденъ второй, меньшій, полумѣсяцъ, вырѣзанный вглубь и, вѣроятно, заполненный прежде металлической вставкой; туловище изображено en face; правая опущенная рука держитъ какой-то длинный,

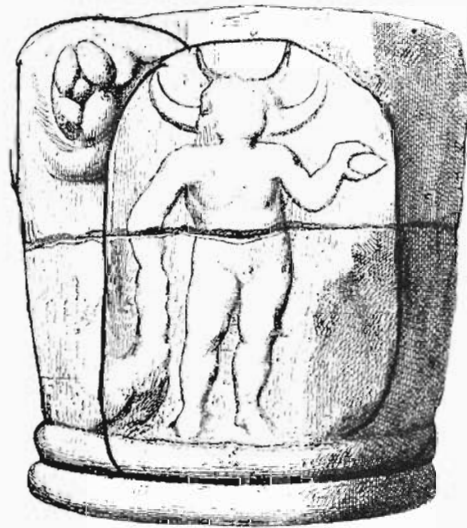

Рис. 2. Рельефъ изъ Вауеихъ въ Бретоніи.

до земли доходящій, предметъ, совершенно сбитый; лѣвая рука, естественно отведенная въ сторону, согнута въ локтѣ и поднимаетъ на высоту плеча шпикку пини, но не такъ, какъ на вышеописанныхъ изображеніяхъ Мѣсяца: остріе шпикки обращено не вверхъ, а въ сторону, т.-е. такъ, какъ обыкновенно держать се жрецы и геніи на ассирійскихъ рельефахъ, что удачно замѣтилъ Гезэ; къ этому надо прибавить, что на ассирійскихъ рельефахъ фигуры изображены въ профиль, а потому жестъ у нихъ выходитъ естественнѣе, нежели на описываемомъ рельефѣ, стоящемъ столь же далеко отъ прочихъ изображеній Мѣсяца по композиціи, какъ и по мѣсту своего нахождения.

26. До насъ сохранилось единственное изображеніе Мѣсяца сидящимъ на землѣ. Такъ представляетъ его одна глиняная статуетка

изъ Меоніи (рис. 3) ¹⁾. Находящійся за плечами полумѣсяцъ не допускаетъ никакихъ сомнѣній относительно значенія этой фигуры. Изображеніе бога въ юномъ возрастѣ сближаетъ эту терракотту съ ниже издаваемыми изображеніями Мѣсяца ѣдущимъ на пѣтухѣ, а также съ изображеніями эротовъ александрійскихъ и римскихъ временъ, александрійскаго Арпократа и т. п. Изображенія Мѣсяца юнымъ, даже младенцемъ вполне уместны, если вспомнить, какое значеніе имѣло въ его культѣ „рожденіе мѣсяца“ (*νοσηρῖα* II, 38). Богъ на меонійской

Рис. 3. Статуетка изъ Меоніи.

статуеткѣ представленъ нагимъ; только лѣвое плечо его прикрыто плащомъ, застегнутымъ на правомъ плечѣ. По-дѣтски сидитъ Мѣсяцъ, прямо на землѣ, правою рукою придерживая пѣтуха, сидящаго на правой ногѣ его, а лѣвою рукою поддерживая плащъ, въ пазухѣ котораго помещена, повидимому, шишка пиніи ²⁾. Голова Мѣсяца, съ длинными волосами, увѣнчана двумя цвѣтками или, скорѣе, листьями. Трудно разобрать, находится-ли на головѣ листовитый вѣнокъ или лишь прядь волосъ ³⁾.

Особую группу составляютъ изображенія Мѣсяца на конѣ или

¹⁾ Schlumberger, Gaz. arch. 1880, pl. 32.

²⁾ Schlumberger, p. 191 сл. видитъ здѣсь не шишку пиніи, а гроздь винограда. Если это такъ, то атрибутъ этого Мѣсяца младенца будетъ тотъ-же, что и у ниже описываемой (29) статуетки Илн. Эрмитажа.

³⁾ Drexler, N. Jahrb. f. Phil. 1894, p. 322' видитъ въ меонійской статуеткѣ изображеніе Аттиса. Но это едва-ли справедливо: если Аттисъ и изображенъ разъ съ маленькимъ полумѣсяцемъ (M o n. i n e d. IX, 8a 2), то мы не имѣемъ основаній считать фигуры съ большимъ полумѣсяцемъ за плечами за его изображенія; что же касается замѣчанія Дреклера, что «ein am Boden sitzender Men ganz ungewöhnlich ist», то, при незначительномъ количествѣ изображеній Мѣсяца, этого нельзя еще считать доказательствомъ, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно и изображеній Аттиса въ такой позѣ.

съ конемъ ¹⁾. Такія изображенія объясняются особенною склонностью малоазійцевъ, въ частности, фригійцевъ, представлять различныхъ боговъ конными, что, въ свою очередь, зависитъ отъ мѣстныхъ, отличныхъ отъ греческихъ, условій быта: варвары, привыкшіе къ ѣздѣ, и боговъ своихъ представляли и изображали конными. Такія, очевидно, представленія отразились отчасти и на изображеніяхъ Мѣсяца римскаго времени, единственно намъ пока извѣстныхъ, хотя въ ту пору М. Азія покорена была уже и греческимъ языкомъ, и греческимъ искусствомъ.

27. Конную фигуру Мѣсяца, при посвятельной надписи, найденную въ Булдуръ (II, 8), очевидецъ описываетъ такъ: *basrelief d'exécution grossière représentant le dieu Men à cheval, tourné à droite, avec des ailes geoquillées*. Къ сожалѣнію, рельефъ этотъ ни срисованъ, ни фотографированъ, но мы рѣшительно не вѣримъ въ существованіе крыльсез у этой фигуры и убѣждены, что за крылья приняты рога полумѣсяца ²⁾.

Несомнѣнно, конныя изображенія Мѣсяца мы находимъ на монетахъ Олбасы (Bull. de cogr. hell. I, p. 336), Селевкии (Roscher Ib11) и Сагаласса (Ib12) ³⁾. Изображенія эти ничего оригинальнаго не представляютъ; что было въ рукахъ всадниковъ на монетахъ Олбасы и Селевкии, разобрать нельзя; у коннаго Мѣсяца на монетѣ Сагаласса въ правой рукѣ патера ⁴⁾.

¹⁾ О конныхъ изображеніяхъ Мѣсяца см. въ нашей статьѣ: Двѣ бронзовыя статуетки всадниковъ Историческаго Музея въ Москвѣ и Оттоманскаго Музея въ Константинополѣ. Арх. Изв. и Зам. 1895, № 4, стр. 112 сл.

²⁾ Это смѣшеніе серпа мѣсяца съ крыльями заставляеть насъ сомнѣваться относительно другого рельефа въ вѣрности не только его описанія (у всадника также отмѣчаются совершенно ненужныя ему крылья), но и въ вѣрности списка надписей, находящейся при рельефѣ. Это открытый Рамзеемъ (Journal of hell. stud. 1889, p. 224) во Фригии, въ Бадинарѣ, «in a small stile a relief representing a winged horseman to the right, carrying in his right an object which may be a ball or a patera». Въ надписи, написанной плохо (the letters are so rude as to be hardly decipherable), вмѣсто читаемаго Рамзеемъ ΔΙΕΓΟΩΣΟΥ, мы думаемъ видѣть ΜΗΝΙ или ΜΗΝΕΙ, а всадника съ крыльями считаемъ за Мѣсяцъ съ серпомъ за плечами; что же касается атрибута, то патера-ли это или шаръ, все равно, такъ какъ и то, и другое встрѣчаемъ мы въ рукахъ статуй Мѣсяца, изображенныхъ на монетахъ (см. выше).

³⁾ Head, H. N. p. 556, 565, указываетъ такія же изображенія на монетахъ Аліи и Юліи.

⁴⁾ Только эти изображенія, изъ числа извѣстныхъ намъ всадниковъ, называемыя Мѣсяцами, мы и считаемъ несомнѣнными. Всадники на монетахъ Трансуита (Roscher Ib 7, S. 9) не имѣютъ лунаго серпа за плечами, а потому врядъ-ли сдѣдуетъ ихъ считать изображеніями Мѣсяца. Тѣмъ менѣе основанія считать Мѣсяцами всадниковъ безъ полумѣсяца за плечами на монетахъ нѣкоторыхъ оракійскихъ городовъ. На монетахъ Прусы Head (H. N. p. 444) считаетъ фигуру на отсутствующей головѣ кофѣ Мѣсяцемъ, по рисункамъ (Lagard, Introduction à l'étude du culte de Mithra, LXV, 8. Catalogue of greek coins. Pontus, pl. XXV, 9), очевидно, что это Селина въ обычномъ, установившемся еще съ V в. типѣ ея, на кофѣ, уходящемъ въ морскія волны (ср. Roscher, Ueber Selene und

Подобно тому, какъ часто огеронизированные умершіе и Діоскуры изображались въ греческомъ искусствѣ верхомъ на конѣ, иногда стоя и держа коня подъ уздцы, такъ и Мѣсяцъ, изображающійся коннымъ, представляется иногда стоящимъ предъ своимъ копомъ, одною рукою держа его подъ уздцы, а другою опираясь на копье или скипетръ. Примѣръ такого изображенія Мѣсяца на монетахъ Лаодикіи Ливанской описанъ выше ¹⁾.

Существуетъ еще одинъ оригинальный типъ изображеній Мѣсяца, не отмѣченный учеными. Помимо оригинальнаго положенія бога, въ типѣ этомъ поражаетъ отсутствіе полумѣсяца за его плечами, который служитъ отличительнымъ признакомъ Мѣсяца во всѣхъ выше исчисленныхъ его изображеніяхъ. Это зависѣло, быть можетъ, отъ оригинальности композиціи, которая, очевидно, исключала подобныя же изображенія иныхъ боговъ, и тѣмъ самымъ опредѣляла значеніе фигуры бога. Но, съ другой стороны, этотъ типъ изображеній Мѣсяца объясняется, быть можетъ, болѣею древностью такихъ изображеній Мѣсяца, другими словами, возникновеніемъ ихъ въ то время, когда не появилось еще въ греческомъ искусствѣ изображенія полумѣсяца за плечами Селины и этотъ признакъ не могъ быть перенесенъ на изображенія мало-азійскаго луннаго бога ²⁾. Что признакъ этотъ, характеризующій лунныхъ божествъ, идетъ въ Азію изъ Греціи, мы заключаемъ изъ того, что всѣ вышеописанныя изображенія Мѣсяца и позыми, и отдѣлкою одежды (плащей), и общимъ характеромъ явно указываютъ на полную зависимость ихъ отъ греческаго искусства.

Новый типъ изображеній Мѣсяца, судя по ниже издаваемому аттическому рельефу III—II в. до Р. Х., стоитъ также въ зависимо-

Verwandtes, p. 30. 37 сл). Недоумѣніе возбуждаетъ въ насъ другое упоминаемое *Head* (р. 552) изображеніе якобы Мѣсяца на монетахъ Нисы, сидящаго бокомъ на конѣ. Эта фигура, рисунка которой или болѣе точнаго описанія намъ найти не удалось, можетъ имѣть рога мѣсяца на плечахъ, и не быть Мѣсяцемъ, а Селиной, какъ показываетъ примѣръ на монетахъ Прусы. Но, съ другой стороны, это могло быть и изображеніе Мѣсяца, даже безъ полумѣсяца за плечами, какъ покажутъ ниже описываемыя изображенія Мѣсяца, сидящаго бокомъ на пѣтухѣ. Особенно возможно такое изображеніе, если Мѣсяцъ представленъ былъ младенцемъ. Ср. терракотту, изданную Кёне (*Description du Musée de Cotschoubey*, pl. XXIII, 3), гдѣ младенецъ представленъ сидящимъ бокомъ на лошади, въ позѣ, сходной съ однимъ изъ изображеній Мѣсяца на пѣтухѣ (29). Отсутствіе фригійскаго колпака не позволяетъ въ этихъ терракоттахъ видѣть изображеніе юнаго мѣсяца.

¹⁾ *Head*, Н. X. p. 591, указываетъ такое же изображеніе на монетахъ Олбасы.

²⁾ Къ сожалѣнію, вопросъ о времени появленія полумѣсяца за плечами Селины недостаточно выясненъ въ изслѣдованіи Рошера (*Ueber Selene und Verwandtes*, p. 21), который ограничивается лишь слѣдующимъ замѣчаніемъ: «In späterer Zeit, namentlich in der hellenistisch-römischen Kunst, trat an die Stelle der Kopfscheibe die Mondsichel, die bisweilen auch über oder hinter den Schultern der Göttin sichtbar ist».

сти отъ искусства греческаго. Были-ли какія-либо мѣстныя фригійскія изображенія Мѣсяца въ такомъ родѣ, это остается совершенно неизвѣстнымъ. Относительно оригинальнаго фригійскаго представленія Мѣсяца всадникомъ, мы не можемъ сказать, существовали-ли подобныя изображенія бога равнѣ римскаго времени, хотя и есть основанія предполагать существованіе ихъ.

28. Рельефъ Афинскаго Центрального Музея (№ 1406), найденный въ Торики, въ Атикѣ, и судя по надписи, на немъ находящейся

Рис. 4. Рельефъ Афинскаго Центрального Музея № 1406.

(II, 2), не древнѣе III в. до Р. X., былъ описанъ дважды ¹⁾, издается же здѣсь впервые (рис. 4).

Рельефъ заключенъ въ архитектурную рамку, представляющую

¹⁾ Sybel, Katalog der Skulpturen zu Athen, Marburg, 1881, p. 72 (безъ объясненія значенія рельефа). Подробнѣе описаніе Мильхгофера, Die Museen Athens, Athen, 1881, p. 241: Votivrelief an den phrygischen Gott Mên(?). Dieser (in phrygischer Mütze) war rechts auf einem Adler schwebend dargestellt (jetzt falsche Restauration in Gyps). Vor ihm ein Tisch mit Speisen. Dahinter (links) die Weihenden: Mitrادات und seine Frau. Aus Thoricos in Attica. Flüchtige grobe Arbeit. Ничего подобнаго орлу, какъ видятъ читатель, нѣтъ.

двѣ авты и крышу, видимую какъ бы сбоку, судя по изображеніямъ аптефиксъ, другими словами представленъ какъ бы продольный разрѣзь храма, какъ то обыкновенно бываетъ на вотивныхъ рельефахъ ¹⁾. Найденъ былъ рельефъ разбитымъ и теперь реставрированъ гипсомъ, безъ дополненія головы и ногъ пѣтуха, совершенно ясно опредѣляемаго хвостомъ, верхними частями ногъ и шеей.

Вмѣсто указаннаго Кёлеромъ правильнаго возстановленія ἀ(νέθρηκον) помѣщены неизмѣющія смысла буквы ὈΝΟΣ. На прилагаемомъ рисункѣ реставрація указана чертами, причемъ положеніе ногъ пѣтуха и высота головы нарисованы предположительно. По сравненію съ двумя ниже изображаемыми терракоттами голова пѣтуха приходилась лишь нѣсколько ниже головы бога; по наклону верхней части туловища Мѣсяца вправо, можно думать, что лѣвою рукою онъ обвинялъ шею пѣтуха. Верхняя часть туловища и правая рука покрыты одеждой; но какова одежда эта съ узкими рукавами, длинный-ли хитонъ или короткая тунника, увѣренно опредѣлить нельзя, такъ какъ нижній край одежды не сохранился, а кромѣ того, ноги покрыты плащомъ, на которомъ сидитъ богъ и конецъ котораго свѣшивается, повидному, съ лѣваго плеча его на шею пѣтуха. Мы склонны, однако, считать одежду Мѣсяца за длинный хитонъ, спадающій до ступней, судя по высоко на груди опоясанному поясу, какъ то бываетъ обычно у такихъ длинныхъ хитоновъ (ср., напр., Аполлона Мусагета). Фригійскій колпакъ на головѣ бога отличается отъ обычнаго типа его тѣмъ, что длинный конецъ его ниспадаетъ на лѣвое плечо, подобно концамъ багильковъ, извѣстныхъ по передскимъ изображеніямъ ²⁾. Въ правой рукѣ Мѣсяцъ держитъ плоскую патеру, очевидно, только что совершивъ изъ нея возліаніе предъ жертвеннымъ столомъ ³⁾. По другую сторону стола медленно подходитъ къ богу Митрадатъ и его жена, поднося правыя руки въ молитвенномъ жестѣ. На жертвенномъ столѣ—хлѣбъ, пирожокъ и фрукты.

Подобныя же изображенія Мѣсяца, сидящаго верхомъ на пѣтухѣ, находимъ мы на нѣкоторыхъ терракоттахъ.

29. Глиняная статуетка, найденная въ Керчи, представляетъ маль-

¹⁾ Ср. Milchhöfer, Ath. Mitt. V (1880) p. 221.

²⁾ Ср. колпакъ на Аттисъ на венеціанскомъ рельефѣ, изданномъ Коллинъеномъ въ *Monuments grecs publiés par la Société pour l'encouragement des études grecques en France*, 1881.

³⁾ Ср. берлинскій рѣзной камень № 1819.

чика, бокомъ сидящаго на пѣтухѣ (рис. 5)¹⁾. Въ правой рукѣ онъ держитъ виноградную гроздь, лѣвой держится за шею пѣтуха; на головѣ высокій колпакъ, очевидно, фригійскій; на плечахъ плащъ, застегнутый на груди и оставляющій непокрытою нижнюю часть тѣла; небрежность работы не позволяетъ разобрать точно одежду. На клювѣ и ногахъ пѣтуха видны слѣды голубой краски. Обнаженность нижней части тѣла на керченской статуеткѣ, хотя и напоминаетъ изображенія Аттиса, но объ-

Рис. 5. Керченская статуетка.

ясняется прежде всего младенчествомъ бога Мѣсяца; тѣмъ же должно, кажется, объяснять и то, что онъ сидитъ на пѣтухѣ не верхомъ, а бокомъ. Гроздь винограда въ рукѣ (если только это не шишка пиніи) можетъ находить себѣ объясненіе въ представленіи о Мѣсяцѣ, какъ подателя плодѣ (I, 15), а голубая окраска пѣтуха означаетъ, быть можетъ, бѣлаго пѣтуха, который былъ посвященъ Мѣсяцу (I, 3. 4), такъ какъ голубою краскою перѣдко окрашивалось то, что должно бы было быть бѣлымъ.

¹⁾ Стефани, Отчетъ Имп. Арх. Комм. 1860, III, 12; ср. Древн. Вост. Киммер. LXXIII, 9. Сначала Стефани считалъ изображенную на этой терракоттѣ сцену за сцену изъ обыденной жизни, а потомъ (Отч. Имп. Арх. Комм. 1873, стр. 47) призналъ въ ней изображеніе Аттиса. Для доказательства этого, онъ указываетъ на другую керченскую терракотту (Отч. Имп. Арх. Комм. 1870, V, 4), въ которой онъ также видитъ изображеніе Аттиса, несущаго на плечахъ козла, а также на принадлежность пѣтуха къ культу Аттиса. Въ Отчетѣ 1876, стр. 175. 178, Стефани указалъ на мнѣшій несофализмъ мальчика и пѣтуха, а то, что предполагаемый Аттисъ сидитъ на пѣтухѣ не верхомъ, а бокомъ, объяснялъ близостью Аттиса, какъ евиуха, къ женщинамъ. Толкованіе Стефани принялъ Дрекселеръ.

30. Изображеніе Мѣсяца же, по аналогіи съ аттическимъ рельефомъ, видимъ мы въ терракоттѣ музея въ Карлсруэ (рис. 6), происходящей, быть можетъ, изъ Сициліи или южной Италіи ¹⁾. Богъ представленъ сидящимъ бокомъ на пѣтухѣ. На немъ рубанка и высокая шапка; правою рукою придерживаетъ онъ птицу, повидимому, также пѣтуха,

Рис. 6. Терракотта въ Музеѣ въ Карлсруэ.

сидящую на правой ногѣ его, какъ на статуэткѣ изъ Кулы; лѣвая рука не обнимаетъ шею пѣтуха, какъ на другихъ изображеніяхъ Мѣсяца на пѣтухѣ. Отъ окраски статуетки по бѣловато-сѣрой грунтовкѣ сохранились на ногахъ пѣтуха и Мѣсяца слѣды красновато-розовой краски, а на прочихъ частяхъ желтовато-красной ²⁾.

¹⁾ Fröhner, Die griech. Vasen und Terrakotten der grossh. Kunsthalle zu Karlsruhe, Karlsruhe, 1860, № 612. Gerhard, Arch. Anzeiger 1851, p. 29. Walz, Ueber die Polychromie der antiken Sculptur, Tübingen, 1854, p. 10, t. II, 1. Ср. Стефани, Отч. Имп. Арх. Комм. 1873, p. 46. Вальцъ видѣлъ въ этой статуэткѣ исцѣленного, ѣдущаго въ храмъ Асклепія съ благодарственной жертвой; Гергардъ объявлялъ ее Фосфоромъ, Стефани — Атисомъ. Вѣрное толкованіе далъ Минервини, Bullet. archeol. Napolitano II (1854), p. 107.

²⁾ Минервини, l. l., p. 105 сл., считалъ изображеніемъ Мѣсяца одну неаполитанскую терракотту (tav. II, 4) изъ коллекціи Франц. Монджелли. Но фигура, сидящая бокомъ на пѣтухѣ на этой статуэткѣ, вѣроятно, женская, на что указываетъ широкая одежда, облегающая все тѣло, причеся, вѣнецъ въ родѣ кокошника, серьги въ ушахъ. Можетъ быть, это изображеніе Селины. Въ Берлинскомъ Antiquariumѣ (№ 7736) хранится также статуетка, происходящая яко бы изъ Мирны, которую Гурлиттъ (Hist. und philol. Aufsätze Ernst Curtius zum 70. j. Geburtstag gewidmet, Berlin, 1884, p. 158) принялъ за изображеніе Артемиды, ѣдущей на пѣтухѣ, по которую Рошеръ (Ueber Selene und Verwandtes, p. 107) правильно, повидимому, считаетъ за изображеніе Селины. В. Н. Златарскій, любезно сличившій, по моей просьбѣ, эту статуетку съ статуеткою неаполитанскою, сообщалъ мнѣ, однако, что эти статуетки схожи лишь одинаковою позою сидѣнья на пѣтухѣ (не верхомъ, а бокомъ). Правая рука берлинской статуетки, протянутая влѣво отъ зрителя и согнутая въ локтѣ, держала, по словамъ В. Н. Златарскаго, какъ будто копье, лѣвая рука положена на шею пѣтуха. Одѣта фигура въ длинный женскій хитонъ съ короткими рукавами; оканчивающимся выше локтя, съ обильными складками; хитонъ высоко подпоясанъ кушакомъ; сверху хитона плащъ, доходящій до пятокъ, застег-

У насъ пока нѣтъ данныхъ относительно существованія культа Мѣсяца въ Ликіи и большей части Каріи, и, такимъ образомъ, граница его проходитъ отъ Силліи чрезъ Олбасу и Юлію (близъ г. Кивиры) въ ту часть Каріи, которая соприкасается съ Фригіей и гдѣ идетъ она чрезъ Табы, Трапезополь, Афродисіаду и Антиохію на Меандрѣ и по фригійской сторонѣ его доходитъ до Эгейскаго моря чрезъ Нису, Магнесію и Приину. Въ Смирнѣ статуя Мѣсяца, какъ указано выше, находилась въ храмѣ Аполлона; о существованіи культа Мѣсяца въ Сардахъ свидѣлствуютъ и монеты и надписи, а Меонія, область на верховьяхъ Герма, дала наибольшее число надписей въ честь Мѣсяца. Отъ Gordus Julia къ сѣверу нумизматическія данныя ведутъ насъ далеко къ востоку, прямо въ Юліюполь, близъ границы Галатіи, и въ столицу ея Анкиру. Простирался-ли культъ Мѣсяца непрерывно до Понтійской Кивиры и Трапезунта или тамъ чтился какой-либо иной, подобный фригійскому, лунный богъ, мы, по незнанію древней этнографіи М. Азии, утверждать не рѣшаемся. Въ очерченныхъ же границахъ несомнѣнныя изображенія Мѣсяца находятся на монетахъ слѣдующихъ городовъ: Accilaeum, Alia, Antiochia ad Pisidiam, Apollonia, Attuda, Beudos Vetus, Grimenothyrae, Hierapolis, Laodicea ad Lycum, Metropolis, Pappa Tiberia, Philomelium, Prostanna, Sagalassus, Saittae, Seleucia, Siblium, Sidibunda, Silandus, Symada, Temenothyrae. Этотъ списокъ, конечно, пополнится именами еще иныхъ городовъ, монеты которыхъ съ изображеніемъ Мѣсяца нами, быть можетъ, пропущены или пока еще остаются неизданными. Во всякомъ случаѣ, изъ списка этого видно, что центромъ культа Мѣсяца была южная Фригія и прилегающія части сосѣднихъ областей; отсюда вполне справедливо предположеніе, что Мѣсяцъ былъ богомъ того народа, который древними именовался фригійцами.

Тѣхъ семитическихъ лунныхъ боговъ сирійскихъ, о которыхъ приходилось упомянуть выше, мы полагаемъ совершенно излишнимъ касаться теперь, ибо эти семитическія божества никакого ближайшаго отношенія къ фригійскому Мѣсяцу не имѣли. Рошеръ (р. 130), на нашъ взглядъ, совершенно напрасно ставитъ вопросъ о происхожденіи культа Мѣсяца въ Писидіи въ связь съ вопросомъ о семитизмѣ писидійцевъ. Напрасно также считаетъ Рошеръ (р. 131) изображеніе Мѣсяца между двумя львами на монетѣ Простанны „höchst wahrscheinlich rein semitisch“: подобное изображеніе мы находимъ и на монетѣ Писы; къ тому же львы изображаются и на фригійскихъ памятникахъ. Мѣсяцъ писидійскій и ликаонскій, очевидно, тотъ же, что и фригійскій.

Слѣдую примѣру Ле-Блона, мы считаемъ вполне неправильнымъ употребительное и попытѣ въ нумизматикѣ имя *Lunus* въ примѣненіи къ фригійскому Мѣсяцу ¹⁾. Для насъ нѣтъ никакой необходимости употреблять это странное слово, такъ какъ у насъ одно и то же слово служить и для обозначенія свѣтила, и для обозначенія опредѣляемаго движеніемъ его времени. Никто изъ насъ, однако, встрѣтивъ въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ „Мѣсяць Мѣсяцевичъ“, не вздумаетъ разсуждать о томъ, что обозначаютъ эти слова—свѣтило или періодъ времени; поэтому мы не считаемъ нужнымъ входить въ обсужденіе вопроса о томъ, богомъ чего былъ *Mην*—времени или свѣтила, чѣмъ занимались старинные ученые.

Вѣроятно, у фригійцевъ первоначально было одно лунное божество, мужской богъ Мѣсяць; встрѣчаемая и въ надписяхъ, и на памятникахъ искусства Селлина, очевидно, явилась въ Фригіи вмѣстѣ съ другими греческими богами ²⁾: трудно допустить, чтобы у фригійцевъ было двойственное представленіе объ одномъ и томъ же свѣтилѣ. Такая двойственность едва-ли возможна въ натуральной религіи народа, и она могла интересовать лишь философствующихъ мисологовъ позднѣго времени ³⁾.

Правда, въ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ надписяхъ Мѣсяць упоминается на ряду съ Артемидой, которая почиталась также и богиней луны. Но въ этихъ надписяхъ, вѣроятно, имѣется въ виду Артемида не греческая, а мѣстная, азіатская богиня, которая называется болѣе точно Артемидой Анастхой или Атимитой ⁴⁾, ничего общаго съ луною не имѣющая, а считавшаяся богиней плодородія, въ широкомъ смыслѣ этого слова ⁵⁾. Поэтому, тѣ статуи Мѣсяца и Артемиды, которыя стояли въ святилѣ Аполлона *Kισαλλοδότηον*, близъ Смирны, нельзя объяснять намѣреніемъ сопоставить мужское и женское божества луны ⁶⁾.

¹⁾ Это, единственный разъ употребленное Спартіаномъ, слово напоминаетъ кипрскаго *Ἀφροδίτης*—или предполагаемую Ле-Блономъ форму *Σελήνης*.

²⁾ Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 13, указываетъ также на то, что культъ Селлины появился въ Фригіи «in späterer Zeit».

³⁾ Существованіе у грековъ разсужденія о двойной природѣ луны мы склонны объяснять знакомствомъ ихъ съ фригійскимъ Мѣсяцемъ и желаніемъ примирить два разнорѣчивыхъ представленія о божествѣ одного и того же свѣтила. Если бы были возможны подобнаго рода двойственныя представленія, то явились бы, вѣроятно, и сопоставленія мужского и женскаго божествъ луны; но намъ неизвѣстно ни одного древняго текста, гдѣ бы стояли рядомъ *Mην* и *Mηνή*, *Lunus* et *Luna*.

⁴⁾ Быть можетъ, Атимида испорченное варварское имя Артемиды.

⁵⁾ Ср. E. Meyer у Roscher, *Ausf. Lex. d. Myth.* I, p. 330 сл. Preller-Robert, *Griech. Myth.* I, p. 332 сл.

⁶⁾ Другой примѣръ такого же сопоставленія указываютъ на монетѣ фригійскаго города *Τάβρι* (Roscher, Ial10). Но фигура, называемая нумизматами Мѣсяцемъ, не имѣетъ полумѣсяца за плечами, почему мы и не увѣрены въ правильности такого наименованія.

О томъ, что Артемиды Ананты изображалась въ типѣ, сходномъ съ типомъ Матери боговъ, указываетъ, повидимому, наименование ея „матерью“ (II, 15) и несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ этомъ рельефъ изъ Меоии, на которомъ Артемиды, опредѣленная надписью, изображена въ типѣ Кивелы ¹⁾. Сопоставленіе Мѣсяца съ мѣстной богиней, представляемою въ видѣ Кивелы, напоминаетъ ближайшимъ образомъ сопоставленіе на памятникахъ искусства Кивелы и Аттиса; съ культомъ этихъ божествъ культъ Мѣсяца сближался тавроволиями и криволиями, о существованіи которыхъ свидѣтельствуютъ изображенія Мѣсяца съ головами быка и барана у ногъ (иногда рядомъ съ Мѣсяцемъ помещается вся фигура быка). Быть можетъ, въ томъ древнѣ, на которое опирается Мѣсяцъ на многочисленныхъ изображеніяхъ его, надо видѣть то копы, которымъ закалывались жертвы богу, ту *ἱερὰν λόγχην*, о которой упоминаетъ Страбонъ (IX, p. 509) ²⁾. Имѣли-ли тавроволия и криволия въ культѣ Мѣсяца значеніе очищенія (что сообщало имъ особенную важность въ мистеріяхъ Миеры и Кивелы съ Аттисомъ) ³⁾, объ этомъ мы никакихъ указаній не имѣемъ; ставить обряды этихъ культовъ въ какую-либо преемственную связь, т.-е. предполагать существованіе ихъ однимъ культомъ у другого, мы не видимъ оснований, хотя и слѣдуетъ вспомнить, что отождествленіе въ Римѣ, въ IV в. по Р. X., Мѣсяца съ Аттисомъ (стр. 99¹) засвидѣтельствовано именно памятниками тавроволий. Объяснять тавроволия Мѣсяца какою-либо связью между серпомъ Мѣсяца и рогами быка—сходство это указывается и древними, и новыми мѣологами—мы считаемъ фантазіей: быкъ, очевидно, является здѣсь только какъ самое большое изъ домашнихъ животныхъ; за нимъ слѣдуетъ баранъ и, наконецъ, пѣтухъ. А какое сходство эти послѣдніе имѣютъ съ луною? Вообще, опредѣлить точнѣе отношенія между Кивелою и Мѣсяцемъ, по недостатку данныхъ, возможнымъ не представляется ⁴⁾.

Въ вышеприведенныхъ извѣстіяхъ древнихъ о Мѣсяцѣ совершенно отсутствуютъ какія-либо указанія на мнѣ о богѣ этомъ, предполагать существованіе которыхъ мы имѣемъ полное основаніе по аналогіи

¹⁾ *Μορμ. κ. ζ: ζλ.* 1878—80, p. 163.

²⁾ Ср. аонскій рельефъ III, 24. Съ рельефомъ изъ Меоии (III, 11) ближайшую аналогію представляетъ одно изображеніе Миеры (Layard, *Introduction à l'étude du culte de Mithra*, pl. LXXIV), гдѣ богъ представленъ съ мечомъ въ правой рукѣ и шаромъ въ лѣвой на заковотомъ имъ быкѣ.

³⁾ *Preller-Jordan, Röm. Myth.*, p. 390 сл.

⁴⁾ *Ramsay, Journ. of hell. stud.* X (1889), p. 22, думаетъ, что отношенія эти были синонیمی и сближаетъ Мѣсяцъ съ Аполлономъ.

съ сохранившимися отчасти фригійскими сказаніями о Великой Матери боговъ и Атисѣ и Савазіи. Быть можетъ, существовали какіе-либо разказы и о Мѣсяцѣ; въ нихъ объяснялось, быть можетъ, отношеніе его къ Великой Матери, съ которой онъ часто сопоставляется, къ Савазію, въ мистеріяхъ котораго Мѣсяцъ отождествлялся съ этимъ богомъ (I, 12. II, 38), къ Атису, съ которымъ отождествлялся онъ въ мистеріяхъ Великой Матери (II, 38). Лучшимъ доказательствомъ существованія сказаній о Мѣсяцѣ служитъ появленіе его въ театральныхъ пародіяхъ, гдѣ, можетъ быть, одновременно съ нимъ выступала и его *σὺμβόρος*, Артемида.

О первоначальныхъ представленіяхъ фригійцевъ о Мѣсяцѣ мы судить, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, не можемъ. Если въ нѣкоторыхъ надписяхъ (II, 28. 29) ранѣе Мѣсяца упоминается Зевсъ, за то въ другой (II, 36) Мѣсяцъ называется ранѣе Зевса. Мѣсяцъ является какъ бы верховнымъ богомъ: онъ называется „царемъ“ (*τὸ βασιλεύς*); на памятникахъ искусства изображается онъ со сферою въ рукѣ, символомъ міродержавія; власть его простирается и на небеса (*οὐρανός*), и на землю, которой онъ подаетъ обильные урожаи (I, 15), и на подземное царство (*χαταχθόνιος*), гдѣ онъ можетъ оказывать какое-то вліяніе на судьбу умершихъ (стр. 95). Живые люди находятся также въ его власти: онъ заступается за обиженныхъ, по ихъ просьбѣ (II, 11. 24. 32); достаточно пожаловаться богу на обидчика „письменно“ (*πιττάκιον δίδουσι* или *βάλλεις*) или поставить палку противъ обидчика въ святиль Мѣсяца, и богъ покараетъ обидчика болѣзнию, а то и смертию¹). Но, конечно, своевременнымъ и должнымъ приношеніемъ можно было отратить гнѣвъ бога (II, 11. 24. 29. 32. 36). Мѣсяцъ, какими-то неизвѣстными намъ ближе способами, давалъ приказанія и предсказанія. Онъ указываетъ мѣсто, гдѣ должно воздвигнуть ему святилище (II, 38), жертвенники (II, 34), палагаетъ на поклонниковъ своихъ посты (II, 29), требуетъ отъ нихъ соблюденія установленныхъ въ святилищѣ его правилъ. Всѣ эти сношенія бога съ вѣрующими совершались, разумѣется, чрезъ жрецовъ; но какимъ образомъ, неизвѣстно (можетъ быть, чрезъ сповидѣнія). Весьма возможно, что жрецы бога носили имя *μητρὰ γόρτα*, подобно тому, какъ жрецы Великой Матери назывались *μητρὰ γόρτα*; но это слово упоминается лишь въ лите-

¹) Но такого рода помощь бога обиженнымъ, а также наказанія за нарушеніе различнаго рода священныхъ постановленій не представляютъ ничего характернаго въ культѣ Мѣсяца, такъ какъ такіа же свойства приписываются и другимъ мало-азійскимъ божествамъ, ср. Ramsay, Journ. of hell. stud. X (1889), p. 216 сл.

ратурныхъ источникахъ и смѣшивается зачастую съ именемъ жрецовъ Великой Матери ¹⁾. Значеніе слова *μητραχούρης* совершенно ясно ²⁾: такъ назывался жрецъ, собиравшій подаянія Матери боговъ. Отсюда можно думать, что *μητραχούρης* — сборщикъ подаяній Мѣсяцу; впрочемъ, ежемѣсячность празднествъ въ честь Матери Боговъ (Magini l. l.) позволяетъ отождествлять минагиртовъ съ митрагиртами и понимать этотъ терминъ въ смыслѣ „сборщикъ мѣсячины“ для Кивелы же.

Изъ свидѣтельства Стравона о святииѣ Мѣсяца *Κάρου* (I, 8) и изъ надписей (II, 4. 13. 14. 31) видно, что, при нѣкоторыхъ храмахъ Мѣсяца, совершались исцѣленія. Очень можетъ быть, что школа герофильскихъ врачей, упоминаемая Стравономъ, стояла въ близкихъ отношеніяхъ къ святииѣ Мѣсяца, и что отношеніе врачей къ жрецамъ тамъ было такое же, что и въ святииѣхъ Аскліпія. Иѣтъ основаній предполагать, что врачеванія совершались во всѣхъ святииѣхъ Мѣсяца; существованіе ихъ зависѣло, вѣроятно, отъ тѣхъ или другихъ мѣстныхъ условій. Изъ упоминанія Аѳиней (I, 9) о минеральной водѣ въ какой-то „деревнѣ Мѣсяца“ можно заключать, что водою этой жрецы тамошняго храма пользовались для леченія приходившихъ въ храмъ. Но изъ этого нельзя еще считать Мѣсяцъ „богомъ-цѣлителемъ“ и сравнивать его съ Аскліпіемъ, какъ къ тому склоняется Рошеръ. Общій обоимъ божествамъ пѣтухъ ничего въ данномъ случаѣ не доказываетъ, такъ какъ онъ былъ посвященъ и многимъ инымъ божествамъ. Жезлъ, обвитый змѣею, казалось бы, сближаетъ Мѣсяца съ Аскліпіемъ еще болѣе, но и онъ является атрибутомъ иныхъ фригійскихъ божествъ ³⁾. Такимъ образомъ, присутствіе змѣи при Мѣсяцѣ объясняется скорѣе связью его съ прочими фригійскими божествами, нежели съ Аскліпіемъ.

Шинка илии является иногда вполне опредѣленнымъ атрибу-

¹⁾ Ср. Roscher, p. 134 ¹⁾. Евсевій (Praep. evangel. p. 73, 13), повторяя разсказъ Діонисія Аликкарнаесскаго (Ant. rom. II, 19) о фригійцахъ, ходившихъ по Риму съ висѣвшими на нихъ изображеніями Кивелы и Аттиса (ср. рельефъ съ изображеніемъ жрицы въ такомъ нарядѣ, Müller-Wieseler, Denkm. d. alt. Kunst, II, 75; недавно въ Римѣ найденъ и уборъ этотъ, Arch. Anzeiger, 1892, p. 111), замѣняетъ *μητραχούρης* черезъ *μητραχούρης*. Іоаннъ Златоустъ упоминаетъ о „минагиртахъ“ въ числѣ прочихъ языческихъ шарлатановъ (II, 2, p. 667e, ed. Montfaucon, 1838); упоминаются они также Цецомъ (Hist. XIII, 143).

²⁾ Dionys. Hal. II, 19, ср. Magini V. Procli 19. Прочія мѣста древнихъ приведены въ Thesaurus linguae graecae, п. сл. *μητραχούρης* и *μητραχούρης*.

³⁾ Напр., жезлъ въ храмѣ Аттиса въ Остии; на упомянутомъ барельефѣ изъ Кулы змѣя поддерживаетъ полумѣсяцъ; наконецъ, факелъ, обвитый змѣею, мы видимъ въ рункахъ Кивелы на алтарѣ тавроволій (Arch. Zeit. 1863, Taf. 176. 177). Особенно галлскіе роль играли змѣи въ культахъ и мистеріяхъ Савазія.

томъ Мѣсяца ¹⁾. По этотъ атрибутъ свойствененъ и другимъ фригійскимъ божествамъ: Кивелѣ и Аттису, равно какъ и ассирійскимъ божествамъ и геніямъ ²⁾. Онъ объясняется, вѣроятно, употребленіемъ шишекъ пиніи, какъ ароматическаго топлива при жертвоприношеніяхъ. Сходство этого постояннаго атрибута Мѣсяца съ такимъ же атрибутомъ Аскліпія представляетъ простую случайность, хотя и въ святиняхъ Аскліпія шишки пиніи могли употребляться для какихъ-либо окуриваній.

Пѣтухъ былъ посвященъ многимъ божествамъ ³⁾. Но особую близость имѣетъ онъ къ Мѣсяцу, какъ къ ночному свѣтлу ⁴⁾. Пѣтуха, по вѣрованіямъ многихъ народовъ, боятся демоны.

Изъ прочихъ атрибутовъ Мѣсяца достойна упоминанія сфера, которую онъ держитъ въ рукахъ на нѣкоторыхъ монетахъ ⁵⁾. Такой атрибутъ чаще всего встрѣчается въ рукахъ Зевса и императоровъ и объясняется какъ символъ міродержавія ⁶⁾. Этотъ атрибутъ Мѣсяца также сближаетъ его съ нѣкоторыми мало-азійскими божествами; сферу видимъ мы въ рукахъ конной статуи на трапезунтскихъ монетахъ (Roscher, Ib 9), у статуетки всадника, найденной въ святилищѣ Кивелы на Сипилѣ, въ рукахъ бога, стоящаго опершись на копьё и считаемаго Савазіемъ ⁷⁾, наконецъ, у Миеры, на указанномъ выше изображеніи.

Объ обрядахъ культа Мѣсяца даетъ свѣдѣнія лишь надпись Ксанона (II, 38). Тамъ упоминается о срокахъ очищеній, опредѣляется, что идетъ изъ приносимой жертвы богу и что приносящему. Но надпись эта имѣетъ въ виду ближе всего самого Ксанона, какъ устроителя святилища. Никто, кромѣ него, не можетъ совершать тамъ жертвоприношенія; въ случаѣ отсутствія Ксанона, жертву можетъ приносить лишь поставленное имъ лицо, а если кто принесетъ жертву безъ Ксанона, то жертва, все равно, не будетъ принята богомъ; нарушители правилъ, установленныхъ Ксанономъ, совершаютъ нескучимый грѣхъ предъ Мѣсяцемъ Тираномъ. Время принесенія жертвъ Мѣсяцу опредѣляется въ

¹⁾ Напримѣръ, на монетѣ Сагаласа, времени Валеріана, на одной сторонѣ погрудное изображеніе Мѣсяца, на другой—шишка съ полумѣсяцемъ и звѣздою надъ нею (Rev. Numism. 1853, p. 45, pl. II, 4); на монетѣ Аттуды шишка помѣщена между двумя алтарями, поставленными на высокой платформѣ (Lagarde, Introduction à l'étude du culte de Mithra, pl. LXVII, 4).

²⁾ Ср. S. Reinach, Catalogue du Musée Impérial d'antiquités de Constantinople, p. 87.

³⁾ См. упомянутую статью Гурлитта.

⁴⁾ О пѣтухѣ и Селенѣ ср. Roscher, Ueber Selene und Verwandtes, p. 107.

⁵⁾ Roscher, Ia 11. Zeitschr. f. Numism. X, p. 50. Mionnet, Deser. IV, p. 113, № 622.

⁶⁾ Sittl, Der Adler und die Weltkugel, als Attribute des Zeus, Leipzig, 1884, p. 42 сл.

⁷⁾ Monum. ined. Suppl. tav. 28,3.

седьмой день мѣсяца и въ періодъ отъ новомѣсячія до 15-го числа, т.-е. до начала ущерба. Изъ упоминаній этихъ не видно, приносились-ли жертвы и въ иные дни и отличались-ли онѣ чѣмъ-либо отъ жертвъ въ опредѣленное въ надписи время. Кончается надпись предложеніемъ устроить братство (*ἑταῖρος*) Мѣсяцу Тиранну; опредѣляются условія, что и въ какомъ количествѣ братчики должны доставлять въ святилище. Вся надпись носитъ личный характеръ: Ксаносъ заботится обезпечить свои права и свою долю, какъ жреца въ устроенномъ имъ, по мнѣнію Фукара, на мѣстѣ заброшеннаго святилища какого-то безыменнаго героя, новомъ святилищѣ Мѣсяца и общаетъ милость бога всѣмъ проходящимъ къ нему „въ простотѣ души“. Неизвѣстно, имѣло-ли успѣхъ предпріятіе Ксаноса, нашлись-ли желающіе устроить братство и были-ли у поваго бога другіе поклонники, кромѣ устроителя святилища.

Это святилище Мѣсяца Тиранна, устроенное ливійцемъ Ксаносомъ на чужой сторонѣ, было, конечно, лишь жалкимъ подобіемъ знаменитыхъ святилищъ его въ М. Азіи. Тамъ святилища Мѣсяца владѣли обширными землями; при нихъ было много служителей; доходами съ земель пользовался и распорядился жрецъ. Такія обширныя владѣнія имѣло, по свидѣтельству Страбона, святилище Мѣсяца *Φαργάσιο* въ Америкѣ и Мѣсяца *Ἀσχαίω*. близъ Антиохіи Писидійской (I, 6. 7.); по земл. послѣдняго, послѣ смерти Амintas (въ 25 г. до Р. X.), были отъ храма отобраны.

Видѣть въ надписи на пограничномъ столбѣ святилища Мѣсяца Аскаина въ Аполлоніи Писидійской (II, 18) указаніе на право убѣжища въ храмѣ этомъ, мы не рѣшаемся, въ виду того, что римлянами были ограничены права убѣжища м. азіекихъ храмовъ, а также по аналогіи съ правилами, установленными Ксаносомъ, по которымъ запрещалось челоуѣкоубійцѣ даже ходить около святилища. Такимъ образомъ, аполлонійская надпись значитъ только „священная и неприкосновенная грань славнаго бога Мѣсяца Аскаина“.

О нѣкоторыхъ храмахъ Мѣсяца даютъ представленіе вышеописанныя изображенія ихъ ¹⁾. Храмы эти не представляютъ чего-либо оригинальнаго.

¹⁾ Кромѣ того, храмомъ Мѣсяца, судя по изображенію бога этого на фронтонахъ (III, 2), можно считать развалины зданія (Р. на планѣ Ланцкоронскаго) въ Сидѣ. Это зданіе состояло изъ большой абсиды (10 м. глуб., 14,50 шир.), съ портикомъ (4 м. шир.) изъ коринтскихъ колоннъ предъ нею, стоявшей на высокомъ базисѣ и обращенной фасадомъ къ западу. Къ храму Мѣсяца принадлежатъ, вѣроятно, развалины, найденныя Ланцкоронскимъ близъ Кремля (III, 1). Объ изображеніи большого жертвенника *Μεγάλο Κάρο* на монетахъ Аттуды рѣчь была выше.

Таковы свѣдѣнія о культѣ Мѣсяца, которыя удалось намъ собрать. Ихъ далеко недостаточно, чтобы говорить о сущности представленій фригійцевъ и м. азійскихъ грековъ объ этомъ богѣ. Всѣ почти вышеприведенныя свидѣтельства относятся къ римскому времени; лишь немногія восходятъ до III в. до Р. Х. Такимъ образомъ, о древности культа Мѣсяца мы ничего не знаемъ; правда, Пухштейнъ¹⁾ склоненъ видѣть древнѣйшее изображеніе Мѣсяца въ серпѣ, несомнѣ двумя фигурами съ рогами быка на такъ называемыхъ „хеттійскихъ“ рельефахъ Язили-Кая (др. Птерій). Но рельефы эти ближе всего стоятъ въ связи съ сирійскими и месопотамскими памятниками, а недавняя находка тамъ Шаптромъ гвоздеобразной надписи²⁾ еще болѣе указываетъ на зависимость памятниковъ этихъ отъ семитическаго юга. Поэтому и изображеніе на хеттійскихъ рельефахъ полумѣсяца скорѣе относится къ семитическому лунному божеству.

Древнѣйшими свидѣтельствами о культѣ м. азійскаго Мѣсяца являются нѣкоторые изъ вышеописанныхъ памятниковъ (III, 28. 10. 24), да греческія имена, образованныя отъ имени этого бога³⁾. Эти имена, появляясь съ III в. до Р. Х., сперва употребительны лишь у мало-азійцевъ, а потомъ распространяются и за предѣлы М. Азии. Изъ такого поздняго появленія культа Мѣсяца Рамзей выводитъ весьма смѣльную, на нашъ взглядъ, теорію: имя и представленія о Мѣсяцѣ, какъ лунномъ божествѣ, явились какъ бы въ силу недоразумѣнія; греки, передѣлавъ туземное имя *Μάυης* или *Μάυ*, бога солнечнаго и пророческаго, въ *Μήν*, придали ему значеніе луннаго бога, и изъ крыльевъ сдѣлали рога мѣсяца за плечами⁴⁾. Что фригійское имя Мѣсяца звучало иначе, чѣмъ греческое *Μήν*, это понятно само собою; что *Μάυης* во Фригійи, подобно Мидасу, былъ однимъ изъ древнихъ боговъ, вполнѣ возможно. Но чтобы это божество было солнечнымъ и чтобы всѣ вышеуказанныя представленія о немъ основывались лишь на ошибочномъ пониманіи его имени греками, этому противорѣчитъ прежде всего то, что именно на древнѣйшихъ памятникахъ (II, 1. 2) являются почитателями Мѣсяца не греки, а варвары, которымъ, конечно, было извѣстно и фригійское имя бога и которые могли лучше насъ судить о томъ, вѣрно-ли оно переведено на греческій языкъ словомъ *Μήν* или нѣтъ.

¹⁾ Humann und Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nordsyrien, p. 57.

²⁾ Rev. Archéol. 1894, p. 109 сл.

³⁾ См. о нихъ Letronne, Annales 1847, p. 310 сл. и Ramsay, Journ. of hell. stud. 1883, p. 31.

⁴⁾ Journ. of hell. stud. 1883, p. 37. 1889, p. 230.

Относительно теоріи Рамзея о крыльяхъ и полумѣсяцѣ рѣчь была выше, и мы пытались доказать, что крылатыя изображенія Мѣсяца произошли отъ ошибокъ новыхъ археологовъ.

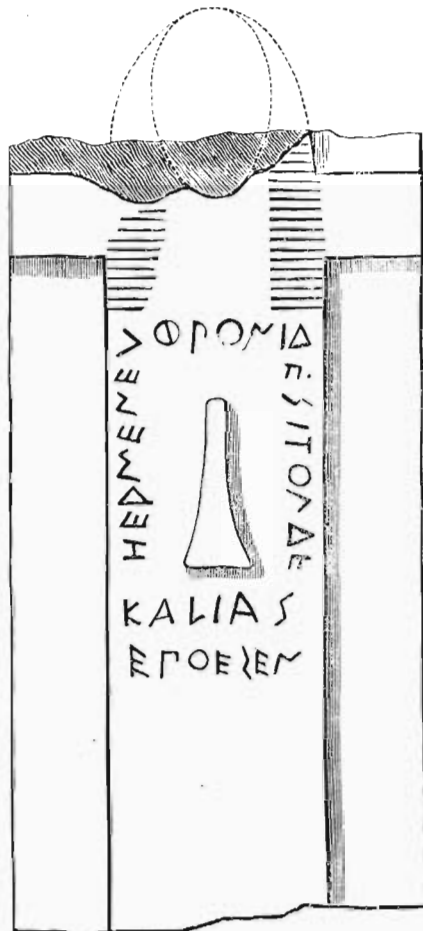
Если позволительно строить какія-либо предположенія о неизвѣстныхъ ближайшимъ образомъ временахъ глубокой древности, то мы предпочитаемъ послѣдовать за Морі, который предполагалъ, что фригійскій Мѣсяцъ есть древнѣйшее арійское лунное божество, почему оно и находитъ себѣ позднѣе аналогію въ Мѣсѣ индоскиѣскихъ царей и, быть можетъ, въ Мѣсяцѣ нашихъ народныхъ пѣсень и сказокъ, въ которыхъ, въ послѣднее время, находятъ сильное вліяніе сказаній праскиѣскихъ.

Но всѣ такого рода общіе и сложныя вопросы рѣшать не намъ, а лицамъ, болѣе насъ опытнѣмъ, которымъ мы желали лишь представить собраніе разнаго рода свидѣтельствъ о фригійскомъ лунномъ богѣ.

АРХАИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗЪ АТТИКИ.

Р. Лепера.

Когда, въ декабрѣ 1891 года, я въ первый разъ былъ въ Трахонахъ (Τράχονες), мѣстечкѣ Аттики, приблизительно въ 7—8-ми кило-

метрахъ къ югу отъ Афинъ, то среди собранныхъ въ домѣ владѣльцевъ этой мѣстности древностей замѣтить камень съ неизданною еще архаическою надписью. Тогда мнѣ не удалось списать эту надпись или снять съ нея эстампажъ, такъ какъ бывший тамъ ἐπιστάτης не осмѣлился дозволить мнѣ сдѣлать это въ отсутствіе хозяевъ. Впоследствии, получивъ разрѣшеніе отъ одного изъ теперешнихъ владѣльцевъ имѣнія, г-на Г. Πιτόσσου (прежде оно принадлежало Комнинамъ; г-жа Πιτόσσου одна изъ 3-хъ дочерей послѣдняго Комнина), я, при вторичномъ посѣщеніи, въ июнѣ 1892 года, Трахонъ, сдѣлалъ возможно тщательную копию и два эстампажа, по которымъ и издаю здѣсь этотъ памятникъ ¹⁾.

Онъ представляетъ собою плоскую плиту изъ пороса, около 10 — 15 см. толщины, обломанную какъ сверху, такъ, кажется, и

¹⁾ Мнѣ неизвѣстно, чтобы онъ былъ тѣмъ временемъ гдѣ-нибудь издашь.

снизу. Теперешняя длина ея 80 см., ширина 41 см. Средняя часть плиты, долженствовавшая, безъ сомнѣнія, изображать туловище божества (Гермеса), выступаетъ надъ поверхностью краевъ приблизительно на $1\frac{1}{2}$ см. Въ верхней же части плиты въ одномъ мѣстѣ выступающая поверхность доходитъ до самыхъ краевъ, образуя почти квадратныя придатки, какъ будто имѣющіе цѣлю отмѣтить плечи или руки. Надъ гладкой поверхностью этого изображенія выдѣляется только фаллъ, да видны еще, особенно съ правой стороны, параллельныя линіи, отмѣчавшія локоны волосъ, падавшихъ на передъ по обѣ стороны головы. Сама голова отломана, но на верхнемъ краю плиты, по видимому, сохранился еще слѣдъ подбородка. Вокругъ фалла правильнымъ четырехугольникомъ размѣщена надпись. Буквы ея, величиною отъ 2 до 3 см., вырѣзаны отчетливо, но въ верхней строкѣ читаются съ трудомъ, такъ какъ верхняя часть поверхности камня болѣе вывѣтрилась. Правый край надписи нѣсколько попорченъ, почему верхнія концы буквы **E**, **Σ**, **N**, **E** исчезли.

Судя по письму, наша надпись несомнѣнно принадлежитъ еще VI вѣку, будучи во всякомъ случаѣ старше надписи Писистрата, сына Ниція, С. I. A. IV 373e, и даже постановленія относительно саламинскихъ клируховъ (Ath. Mitt. X, p. 117 сл.), относимаго Келеромъ къ 570 — 560 гг. Если можно воспользоваться попыткой хронологическаго опредѣленія аттическихъ надписей по письму, сдѣланною Робертсомъ въ его An Introduction to Greek Epigraphy, London, 1887, p. 74—107, то мы въ правѣ отнести нашу надпись къ его III-му періоду, опредѣляемому имъ приблизительно первою четвертью VI в. и характеризуемому отсутствіемъ формъ **M** и **N** (появляются въ IV періодѣ, приблизительно 570—535 гг.), **E**, **A**, **Y** (съ V періода, прибол. 535—510 гг.) и **Θ** (съ VI періода, въ концѣ VI в.). Но кромѣ этихъ отрицательныхъ признаковъ для нашей надписи весьма характеристичны формы ρ, встречающіяся только въ болѣе древнихъ надписяхъ, и σ (**Σ**) въ послѣдней строкѣ, написанное въ обратную сторону, что Roberts (p. 79, прим. къ № 43) справедливо объясняетъ привычкою, оставшеюся отъ недавняго еще употребленія письма справа налево.

Къ сожалѣнію, никто не могъ мнѣ сообщить точно мѣсто, гдѣ найдена была эта надпись. Почва Трахонъ дала намъ уже довольно значительное число эпиграфическихъ памятниковъ ¹⁾, начиная съ раскопокъ графа Блудова въ мѣстности Περσαρτί, верстахъ въ двухъ къ

¹⁾ См. Milchhöfer, Antikenbericht aus Attika. Ath. Mitt. XIII, p. 359 сл., №№ 728—715.

ю.-в. отъ усадьбы Трахонъ, гдѣ находятся еще замѣтные слѣды большого населенія и вырыты были постановленія дима *Λίξωνή*. Но территория владѣльцевъ Трахонъ простирается значительно далѣе на юго-востокъ до самаго склона Имитта и заключаетъ въ себѣ замѣтныя развалины, по крайпей мѣрѣ, еще двухъ древнихъ поселеній ¹⁾, изъ которыхъ одно должно принадлежать диму *Ἄλαί* той же триттіи, другое я, отчасти согласно съ Мильхгёферомъ ²⁾, предположительно отпесъ къ диму *Εὐφρόρου*, слѣдующей далѣе на востокъ береговой триттіи Эрехоиды ³⁾, такъ какъ нѣсколько надгробныхъ надписей этого дима находятся въ *Πρυαρί*, Трахонахъ и сосѣдней усадьбѣ *Χασάν*. Также и относительно нашей надписи можно думать, что она доставлена въ Трахопы изъ какой-нибудь болѣе отдаленной части этого большого имѣнія, и мы сейчасъ увидимъ, что, по содержанію ея, можно предположить, что она происходитъ изъ дима *Εὐφρόρου*.

Надпись наша читается такъ: *Ἐρμῆν Εὐφρονίδῃσι τόνδε Καλλίας ἐποίησεν*, т. е. Каллій сдѣлалъ этого Гермеса для Евфронидъ. Здѣсь намъ встрѣчается, насколько мнѣ извѣстно, новое слово *Εὐφρονίδα*. Покойный Доллингъ, которому я показывалъ надпись въ Афинахъ, высказалъ мнѣніе, что *Εὐφρονίδα*, можетъ быть, новое названіе какого-нибудь аттического рода или фратріи, по заказу котораго Каллій сдѣлалъ этого Гермеса. Но мнѣ кажется совершенно необычнымъ и мало вѣроятнымъ, чтобы, снабжая свое произведеніе надписью, представляющей къ тому же стихъ (о чемъ ниже), мастеръ, дѣлавшій вещь по чужому заказу, не сообщилъ въ ней ничего интересующаго заказчика, главнымъ образомъ ея назначенія. Естественноѣе на мой взглядъ предположеніе, что *Εὐφρονίδα* есть новое названіе какихъ-то божествъ, которымъ Каллій самъ посвятилъ свое произведеніе, изображеніе Гермеса. Но повѣря-ли это какія-нибудь божества или лишь новое названіе какихъ-нибудь божествъ, извѣстныхъ намъ подъ другимъ названіемъ? Невольно приходитъ на умъ сопоставленіе съ тождественнымъ по значенію названіемъ *Ἐυφρονίδες*. Не есть-ли *Εὐφρονίδα* новое названіе этихъ божествъ, извѣстныхъ намъ уже подъ названіемъ *Ἐυφρονίδες*, *Ἐρμιόδες*, *Σερμῆς*, *Πότνια*? Предположеніе это подкрѣпляется еще соображеніемъ, что *Ἐυφρονίδες* названіе собственно не аттическое, а, какъ сообщаетъ Пав-

¹⁾ См.: Milchhöfer, Karten v. Attika. Heft III -VI, p. 17 сл. и Heft II, p. 29 сл. Ж. М. Н. П. 1893, мартъ, отд. кл. фил., стр. 85.

²⁾ Untersuchungen über die Demenordnung des Kleisthenes, p. 12.

³⁾ Ж. М. Н. П. 1893, отд. кл. фил., мартъ, стр. 93, ноябрь, стр. 140 и особенно Ath. Mitt. XVII, p. 312.

савій II, 11, 4, сикіонское или вообще можетъ быть пелопонниское. К. О. Müller ¹⁾ указывалъ на то, что Эхиль ни въ своей трагедіи, носящей теперь названіе *Εὐμενίδες*, ни вообще гдѣ-либо не называетъ Эриній этимъ именемъ. За то мы какъ разъ встрѣчаемъ у него въ приложеніи къ Эриніямъ эпитетъ *εὐφρονες* ²⁾. Къ тому же *Εὐφρόνη*, первоначально, конечно, эпитетъ ночи, у поэтовъ и у Геродота часто употребляется прямо вмѣсто *νύξ*. Ночь же была по Гесіоду *Θεσγ.* 217, Эхилу *Εὐρ.* 321 и Ликофрону (v. 437), матерью Эриній, такъ что *Εὐφρονίδαи* могло быть ихъ *μητρογονικόν*, подобно тому, какъ Уранъ носитъ эпитетъ *Εὐφρονίδης* въ одной эпиграммѣ изъ Внѳиніи ³⁾.

Совершенно такое же отношеніе, какое между эпитетами *Εὐφρονες* и *Εὐφρονίδαи*, существуетъ и между другими двумя эпитетами тѣхъ же богинь: *πότνια* у Herod. IX, 97, Aesch. *Ἑπτὰ* 887, Soph. *Οἶδ.* ἐν *Κολ.* 84 и *ποτνιαδες θεαι* у Eur. *ἽΟρ.* 318. Но интересно дагѣе еще то, что Эриніи считались также дочерьми Евонимы (*Εὐωνύμη* — Istri fr. 9 въ схол. къ Соф. *Οἶδ.* ἐν *Κολ.* 42 и схол. къ Эхилу I, 188, и изъ Эпименида у Цеца въ схол. къ Ликофр. 406), которую Истрия отождествляетъ съ Землею. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что богиня земли подъ именемъ Евонимы почиталась въ димѣ *Εὐώνωρον* или *Εὐώνωρίς*. Герой же (или божество) *Εὐώνωρος*, сынъ Земли (*Γῆ*), т. е. той же Евонимы, и Урана ⁴⁾, весьма вѣроятно, только для того и выдуманъ мноюлогами, чтобы дать диму мужскаго эпонима; впрочемъ, можетъ быть, это также старинный мѣстный эпитетъ какого-нибудь бога (напр. Гермеса) ⁵⁾. Мы видѣли уже, что наша надпись происходитъ изъ той мѣстности, въ которой или въ ближайшемъ соседствѣ съ которой находился димъ *Εὐώνωρον*, и трудно отдѣлаться отъ мысли, что въ этомъ сплетеніи именъ заключается болѣе чѣмъ простая случайность. Весьма вѣроятно, что Евонима и Евфрониды-Эриніи принадлежатъ къ одному культовому циклу, хотя и имѣть необходимости, конечно, чтобы святилища ихъ были непременно въ предѣлахъ одного дима; можетъ быть, они были въ соседнихъ димахъ, когда-то тѣснѣе связанныхъ общимъ культомъ ⁶⁾. Можетъ показаться,

¹⁾ Aeschylus Eumeniden griech. und deutsch mit erläuternden Abhandlungen, Göttingen, 1833, p. 176.

²⁾ v. 992 и 1030 (ed. Weil, 1884) и, вѣроятно, v. 1040 (въ рукописяхъ *εὐεφρονες*).

³⁾ K a i b e l, Epigr. 1029=Anth. Pal. app. n. 281,6.

⁴⁾ Steph. Byz. s. v. *Εὐώνωρίς*.

⁵⁾ Евонимъ, сынъ Земли и Кифисса, Steph. Byz. *ibid.*, во всякомъ случаѣ не имѣетъ отношенія къ диму *Εὐώνωρον*, а вѣроятно, отецъ Авлиды Вiotійской.

⁶⁾ Къ той же филѣ, какъ и димъ *Λιξωνή*, лежавшій, какъ мы сказали, къ юго-востоку отъ Трахонъ, принадлежалъ и димъ *Ἐπεισιδαи*. Не есть-ли *Ἐπεισιδαи* также про-

что мы впадаемъ въ противорѣчiе, отождествляя Евфронидъ, предполагаемыхъ дочерей Евфроды-Ночи, съ Эрiнiями, дочерьми Евоимы-Земли; но противорѣчiе это только кажущееся. На самомъ дѣлѣ, въ-роятно, силы и воздѣйствiе земли и мрака въ первоначальной мiо-логiи объединялись и олицетворялись въ одномъ божествѣ. Земля за-ключаетъ мракъ, вѣчную ночь въ своихъ нѣдрахъ, она сама по себѣ мрачна и освѣщается извнѣ силами, побѣждающими мракъ, отъ нея поднимается почъ, лишь только заходитъ дневное свѣтило, особенно отчетливо, если солнце скрывается за горами. Думаютъ, что Эрiинi, кромѣ этическаго значенiя, имѣли также и значенiе физическое, которое, очевидно, выступало на первый планъ въ культѣ и благодаря которому онѣ и получили тѣ, такъ называемыя, евфимистическiя названiя, какъ богини, способствующiя плодородiю въ растительномъ и животномъ цар-ствѣ, а затѣмъ и у людей (Aesch. *Евр.* 916 sqq. см. Preller, *Griech. Mythologie*, Bd. I, 4-te Aufl. bearb. v. C. Robert, 1894, p. 837 сл.

Варр, авторъ статьи *Erinyes* въ Мiологическомъ словарѣ Roscher'a, столб. 1310 сл., сводитъ эту физическую дѣятельность Эрiинi къ перво-начальному значенiю ихъ, какъ богинь тучъ, и объясняетъ ихъ связь съ землею и подземнымъ царствомъ (столб. 1318 сл.) тѣмъ, что по пред-ставленiю древнихъ грековъ, какъ, напримѣръ, и въ германской мiологiи, тучи происходили изъ земли, поднимаясь изъ нея въ видѣ тумановъ. Мнѣ кажется, что этотъ образъ какъ бы исходящихъ изъ нѣдръ земли испарен-нiй, легкихъ и подвижныхъ, явственныхъ особенно при восходѣ и передъ закатомъ солнца на склонахъ горъ, все облекающихъ своею массою, былъ господствующимъ въ представленiи объ Эрiинiяхъ. Ихъ таинственные, подвижныя и неясныя очертанiя наводили трепетъ на преслѣдуемаго пачистою совѣстью человѣка и въ нихъ онъ видѣлъ исходящiя изъ невѣдомаго царства мрака тѣни, души убитыхъ или обиженныхъ имъ, преслѣдующiя его, требующiя возмездiя ¹⁾. Для матери этихъ богинь ту-мановъ, поднимающихся изъ земли, какъ разъ подходила земля, разма-триваемая какъ символъ и начало мрака и ночи ²⁾.

званiе строгихъ и справедливыхъ (ἐπιτιμῆς) богинь возмездiя Эрiинi-Евфронидъ, или же названiе рода, въ которомъ былъ развитъ культъ ихъ? Если такъ, то возможно, что наша надпись происходитъ изъ этого дима, или, по крайней мѣрѣ, что онъ находится въ той же мѣстности; во всякомъ случаѣ, мы имѣли бы основанiе отнести этотъ димъ, который до сихъ поръ не поддавался топографическому опредѣленiю, въ одну тригитию съ Αἰξωνῆς.

¹⁾ Какъ души разсматриваетъ Эрiинi Rohde, *Psyche*, p. 217.

²⁾ Это и выразилось въ томъ, что въ тѣхъ версияхъ, гдѣ матерью Эрiинi назы-вается Евоима, къ ней присоединяется въ качествѣ отца ихъ Σκότος, Soph. *Οἶδ.* ἐν Κῶλ. 40, 106.

тельно большая часть неправильностей въ стихахъ эпиграммъ встрѣчается въ именахъ собственныхъ, и такъ какъ для нихъ новыя ученые допускаютъ отступленія отъ правильнаго строя стиха. Но, мнѣ кажется, что вообще обыкновенный взглядъ на „неправильные стихи“ эпиграммъ, какъ на неудачныя попытки несумѣлаго составителя втиснуть въ неподходящій размѣръ опредѣленныя, часто совершенно неукладывающіяся въ стихъ слова, по крайней мѣрѣ, что касается эпиграммъ болѣе древняго времени, не совсѣмъ правленъ.

Можно сказать, большинство дошедшихъ до насъ эпиграммъ, даже самаго, повидимому, ничтожнаго содержанія, въ надписяхъ до V в. включительно выражено стихами. Несомнѣнно, что въ это время проза, только въ V-мъ вѣкѣ получающая литературное развитіе, не считалась пригодною для запечатлѣнія словомъ какого-нибудь факта или мысли. Но нужно признать, что и стихъ, который долженъ былъ быть тогда во всеобщемъ употребленіи, которымъ въ извѣстныхъ случаяхъ могъ пожелать воспользоваться каждый, вѣроятно, былъ болѣе свободенъ, менѣе отчеканенъ и строгъ, чѣмъ стихъ поэтовъ. Конечно, этотъ послѣдній, самъ выработавшійся изъ народнаго, вліялъ на него, а съ другой стороны заставлялъ относиться къ нему какъ къ несовершенному, избѣгать его и, въ концѣ концовъ, вытѣснить его, дѣля область употребленія его съ прозой, получившей права гражданства. Гомеровскій гекзаметръ былъ несомнѣнно уже стихъ литературный, хотя намъ и трудно судить теперь, насколько его первоначальныя вольности и неправильности, можетъ быть, только значительно позднѣе были сглажены редакторами и насколько, быть можетъ, различныя грамматическія и просодическія особенности гомеровскаго языка созданы искусственно изъ стремленія сгладить метрическія неправильности. Во всякомъ случаѣ, гомеровскій стихъ несомнѣнно не есть первоначальный стихъ: онъ образовался изъ болѣе простаго, болѣе свободнаго, менѣе строгаго и опредѣленнаго, а въ то же время, по общему теперь уже, кажется, убѣжденію метриковъ, и изъ болѣе краткаго. Bergk ¹⁾ высказалъ мнѣніе, что гекзаметръ образовался изъ сложенія двухъ пареміаковъ (παρρημιακοί) $\times - \cup - \cup - \cup - \cup - \cup$, причемъ первый брался всегда безъ анакрузы и могъ являться въ катаlecticеской формѣ (ἐνὸπλιος), во второмъ же характеръ анакрузы опредѣлялся сообразно съ концомъ перваго стиха, окончаніе котораго навсегда запечатлѣлось въ почти постоянной цезурѣ въ 3-ей стопѣ гексаметра

¹⁾ Ueber d. älteste Versmaass d. Griechen, Progr. 1854. = Kleine philol. Schriften, II, p. 392 слл.

πενδημερής или κατά τρίτον τροχάϊον. Bergk же указалъ и на слѣды самостоятельнаго существованія такого короткаго стиха.

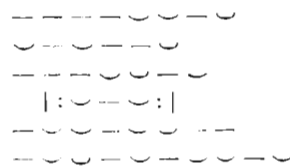
Usener ¹⁾ отмѣтилъ тотъ фактъ, что изъ многихъ стиховъ Гомера еще видно, какъ и конечный слогъ первой половины гекзаметра и начальный—второй, соответствующіе концу перваго изъ первоначально отдѣльныхъ стиховъ и анакрузѣ второго, могли быть безразличными (anacipites). Онъ приводитъ далѣе нѣсколько стиховъ изъ надписей (по большей части не позже V-го вѣка), считаемыхъ обыкновенно за неудачные гекзаметры, но на самомъ дѣлѣ совершенно правильныхъ, если разсматривать каждый изъ нихъ за два отдѣльныхъ краткихъ стиха (парэміака). Число подобныхъ стиховъ надписей можетъ быть еще значительно увеличено, чѣмъ въ значительной степени поддѣрживается правильность предположенія, что еще, по крайней мѣрѣ, въ V в. парэміакъ и свободное соединеніе двухъ и нѣсколькихъ парэміаковъ были въ ходу. Мало того, Usener отмѣтилъ еще въ болѣе древнихъ эниграммахъ возможность свободнаго соединенія стиховъ трохаическаго и дактическаго размѣровъ и, повидному, неравнаго числа стопъ. Выводъ, который дѣлаетъ отсюда Usener, возводя все эти стихи къ первоначальному основному четырехстопному стиху произвольной схемы,—не вытекаетъ отсюда съ необходимостью и довольно проблематиченъ. Въ коротенькой диссертациі Symbolae ad historiam versuum logaedicorum, 1892 г., Fr. Kalkner мѣтко отмѣтилъ явленіе, ускользнувшее отъ Usener'a, благодаря его стремленію обратитъ каждый стихъ произвольнымъ распредѣленіемъ иктовъ въ четырехстопный: именно на то, что болѣе древній греческій стихъ, начавши вырабатываться съ конца ²⁾, только на концѣ имѣетъ опредѣленную, твердо установленную форму, въ то время какъ въ началѣ и число, и количество слоговъ можетъ значительно варіировать. Kalkner (стр. 12) иллюстрируетъ это двумя примѣрами: родосской пѣсенкой, сохранившейся у Аeschyl., VIII, р. 360 b и гимномъ Діоннеу (Plut. Qu. Gr. 36, р. 299 b).

Въ послѣднемъ, напримѣръ, мы имѣемъ такой рядъ стиховъ ³⁾:

¹⁾ Altgriechischer Versbau, 1887.

²⁾ См. также Rossbach въ Theorie der musischen Künste der Hellenen von A. Rossbach u. E. Westphal, 3-te Aufl., Bd. III, 2-te Abth., 1889 г., р. 510 и относительно индійскаго стиха Westphal, ibid. III, Abt. 1, р. 45.

³⁾ Usener (р. 80) даетъ такую схему ихъ:

Ἐλθεῖν ἦρω Διόνυσε	—	—	—	—	—	—	—
Ἄλεϊον ἐς ναόν			—	—	—	—	—
ἀγλόν σὺν Χαρίτεσσιν	—	—	—	—	—	—	—
[ἐς ναόν], ἐς ναόν			—	—	—	—	—
τῷ βοέφ ποδὶ θύων	—	—	—	—	—	—	—
ἄξιε ταῦρε			—	—	—	—	—
ἄξιε ταῦρε.			—	—	—	—	—

Очевидно, стихи эти эквивалентны между собой, ритмически если не равны, то подобны одинъ другому; подобіе же это естественно усматривать въ одинаковости конца каждаго стиха, который, значить, настолько доминируетъ, что сглаживаетъ впечатлѣніе, производимое различнымъ началомъ стиховъ. Часть стиха, предшествующая двумъ послѣднимъ стопамъ, состоящая изъ одного, двухъ, трехъ долгихъ или краткихъ слоговъ, не принимается въ расчетъ и можетъ отсутствовать.

Естественно предположить, что изъ такого же короткаго стиха, оканчивающагося стопами — — — —, выработался и парэміакъ; здѣсь процессъ закрѣпленія пошелъ еще дальше къ началу, твердо установилась стопа 3-ья отъ конца, также дактилическая, и колебанію подвергается только предшествующая ей такъ называемая анакруза. Впрочемъ, именно въ 3-ей отъ конца стопѣ парэміака или въ первой и 4-ой стопахъ сложенныхъ изъ двухъ парэміаковъ гекзаметра и пентаметра чаще всего наблюдается замѣна дактиля трохеемъ и трибрахіемъ, особенно въ собственныхъ именахъ ¹⁾). Далѣе, подобно тому, какъ въ вышеприведенномъ гимнѣ Діонису двумъ опредѣленнымъ стопамъ стиха, можетъ предшествовать до трехъ долгихъ слоговъ, такъ, вѣроятно, и трехстопный стихъ (какъ парэміакъ) допускалъ анакрузу не только одно-или двухморную — — — —, но и трехморную — — — —, или вообще часть стпха, соответствующая анакрузѣ и первой стопѣ парэміака, могла сильно варіироваться.

Обратившись теперь къ надписямъ, я приведу только немногія эпиграммы, заключающія въ себѣ стихи болѣе древняго строенія. Не задаваясь цѣлью разбирать каждую изъ этихъ надписей въ отдѣльности, но пользуясь ими только для сопоставленія съ издаваемой мною надписью, я считаю себя въ правѣ обойтись безъ разсмотрѣ-

¹⁾ Относительно трибрахія и ямба въ первой стопѣ гекзаметра у Гомера см., напримеръ, Christ, *Metrik der Griechen und Römer*, 1874, p. 207. — Вѣрно замѣчаетъ Kalkreuth (стр. 20, прим. 1), что возможность замѣны долгаго слога краткимъ въ первомъ арееѣ обуславливается не большей силой ударенія въ первой стопѣ, а какъ разъ наоборотъ меньшей.

нiя взглядовъ и конъектуръ разныхъ ученыхъ и ограничиться указанiемъ номера въ изданномъ Э. Гоффманомъ сборникѣ надписей: Sylloge epigrammatum Graecorum quae ante medium saeculum a. Chr. n. tertium incisa ad nos pervenerunt (1893), присоединяя, гдѣ возможно, номеръ болѣе общихъ сборниковъ, какъ С. I. A., I. G. A. или Kaibel'я Epigrammata Graeca ex lapidibus collecta.

Мы выбираемъ надписи только болѣе древнiя, не позже V в.

(1) Hoffm. 310. I. G. A. 510. Kaib. 745.

Πιάρων ὁ Δεινομένεος	— — — — —
καὶ τοὶ Σοφράδιστοι	— — — — —
τῷ Δὲ Τυράνῳ ἀπὸ Κόρυμας	— — — — —

Соединенiе трехъ парэмiаковъ, изъ которыхъ два первые катаlecticескiе: 1-ая стопа, въ первыхъ двухъ стихахъ трохей вмѣсто дактиля.

(2) Посвященiе Эхемврата въ Фивахъ, приводимое Павсанiемъ X, 7, 6.

Ἐχέμβροτος Ἀρχὰς ἔθηκε	— — — — —
τῷ Ἴπρακλεῖ	— — — — —
νικήσας τὸδ' ἄγαλμα	— — — — —
Ἀμφικτυόνων ἐν ἀείδοις	— — — — —
Ἴλλησιν ὁ ἄδων	— — — — —
μέλεα καὶ ἐλέγους	— — — — —

Во 2-омъ стихѣ, можетъ быть, слѣдуетъ читать неслитную форму Ἴπρακλεῖ, а въ 5-омъ Ἴλλησιν ἀείδων; тогда и въ этихъ стихахъ предпоследняя стопа имѣеть также дактиль. 2-ой, 5-ый и 6-ой стихи катаlecticескiе.

(3) I. G. A. 543.

Τᾶς Ἴπρας ἰαρός εἶμι	— — — — —
τᾶς ἐν πεδίῳ	— — — — —
Φυνίσκος με ἀνέθηκε	— — — — —
ῶρταμος Φέργων δεκάταν	— — — — —

2-ой и 4-ой стихи катаlecticескiе. Въ 4-омъ конечнымъ двумъ стопамъ предшествуютъ четыре слога, изъ которыхъ три долгихъ, т.-е. стихъ можетъ быть разсматриваемъ какъ четырехстопный.

(4) Hoffm. 213. С. I. A. IV 373⁹⁴.

— — — — — ης θηκε	— — — — —] — — —
Διὸς κόρυνη τὸδ' ἄ[γα]λμα	— — — — —] — — —
[ὅσπερ δὴ] πατρὸς ὄς	— — — — —] — — —
Χαιρίωνος ἐπέβγεται (εἶ)ναί	— — — — —] — — —

Первые два стиха гладко соединяются въ гекзаметръ, 4-ый стихъ опять четырехстопный.

(5) Hoffm. 66. I. G. A. 368.

Χαίρετε οἱ παρόντες — — — — —
 ἐγὼ δ' Ἀντιστάτης υἱὸς Ἀτάρβου — — — — —

Далѣе слѣдуютъ два катаlecticескихъ парэміака, соединяющихся въ правильный пентаметръ.

(6) Hoffm. 254. C. I. A. IV 375⁹⁵.

Ἄρχερμος ἐποίησεν ὁ Χῖος
 Ἰφιδίχη μ' ἀνέθηγεν
 Ἀθηναῖαι πολιοῦχῳ

2-ой и 3-й стихи соединяются въ правильный гекзаметръ. Въ первомъ стихѣ передъ постоянною частью — — — — — опять можно считать двѣ стопы, спондей и трибрахій.

(7) Hoffm. 348. Kaib. 778.

Νικίας μ' ἀνέθηγεν
 Ἀπόλλων υἱὸς Θρασυγίδεος

Въ первомъ парэміакѣ трохей въ первой стопѣ, во 2-омъ тремъ правильнымъ стопамъ парэміака предшествуетъ анакруза — —.

Этихъ примѣровъ достаточно, хотя мы далеко не исчерпали всего количества подобныхъ стиховъ. Обращаясь къ нашей надписи, мы опять можемъ констатировать, что оба стиха имѣютъ одинаковое окончаніе — — — — —, и въ немъ, очевидно, лежитъ вся сила того, что они ритмически другъ другу соотвѣтствуютъ. Часть, предшествующая этому твердо сложившемуся концу, въ одномъ состоитъ изъ 2-хъ долгихъ слоговъ, въ другомъ изъ двухъ трохеевъ. Но каждая изъ нихъ имѣла на себѣ, вѣроятно, одно метрическое удареніе, такъ что оба стиха представляютъ такую схему:

— — — — —
 — — — — —

Ни соединеніе трехстопнаго парэміака съ четырехстопнымъ, видимому, стихомъ, ни соединеніе трохеевъ въ началѣ стиха съ дактилемъ во второй части не представляетъ ничего отличнаго отъ другихъ стиховъ надписей.

Если нужно дать названіе нашему стиху, то мы имѣемъ здѣсь соединеніе парэміака съ 3-имъ акатаlecticескимъ гликонеомъ ¹⁾.

¹⁾ См. Rossbach ³, p. 527.

О ГОРОДѢ АНАСТАСІОПОЛѢ.

В. Р е г е л я.

Во время нашего путешествія по Оракии въ 1886 году нами было обращено особенное вниманіе на развалины, расположенныя въ юго-западной Оракии, на сѣверномъ берегу морскаго залива или озера Буругель, и пзвѣстныя подъ пазваніемъ „Буру-калесси“.

Объ этихъ развалинахъ говорятъ нѣсколько путешественниковъ турецкаго періода. Впервые упоминаетъ о нихъ Пьеръ Белонъ въ срединѣ XVI в. ¹⁾. Онъ называетъ ихъ „Bougon“ и положеніе ихъ въ большой болотистой равнинѣ на берегу озера съ соленою водою сравниваетъ съ положеніемъ города Aignes mortes въ южной Франціи. Въ началѣ XVIII в. эти развалины видѣлъ путешественникъ Павелъ Лукасъ ²⁾. Онъ называетъ ихъ „Bougon Caltet“ и говоритъ, что отсюда къ горамъ, на разстояніи болѣе 1.500 футовъ, проходитъ большая стѣна, толщиной въ 22 фута. По его мнѣнію, городъ былъ построенъ однимъ изъ послѣднихъ византійскихъ императоровъ для защиты отъ нападенія турокъ. Въ концѣ XVIII в. о разрушенной крѣпости „Bougon-Calessi“ говоритъ Феликсъ Божуръ ³⁾; онъ считаетъ ее городомъ Dicaea или крѣпостью, построенною впоследствии на мѣстѣ этого города. За шимъ, въ началѣ XIX в., англичанинъ Кларкъ ⁴⁾ посѣтилъ эти разва-

¹⁾ Les observations de plusieurs singularités et choses memorables, trouuées en Grèce, Asie, Judée, Egypte, Arabie, et autres pays estranges, redigées en trois liures, par Pierre Belon du Mans, Paris, 1555. Латинскій переводъ принадлежитъ Карлу Клузю и появился въ 1605 г. Извлечение изъ книги Белона сообщено у Tafel, De via militari Romanorum Egnatia, Tubingae 1842. p. XIX—XXXI. См. lib. I, cap. 60.

²⁾ Voyage du Sieur Paul Lucas fait par ordre du roi dans la Grèce, l'Asie mineure, la Macédoine, vol. I, Amsterdam, 1714. Извлечение находится у Tafel, De via Egnatia, p. XXXI—XXXIX.

³⁾ Felix Beaujour, Voyage militaire dans l'empire Othoman, Paris, 1829. Извлечение у Tafel, De via Egnatia, p. XXXIX—XLVII.

⁴⁾ Clarke, Travels in various countries of Europe, Asia and Africa, vol. VIII. Извлечение у Tafel, De via Egnatia, p. LVIII—LXXIV.

липы и описываетъ ихъ подробно. Во время своего путешествія онъ прибылъ на сѣверномъ берегу озера къ живописнымъ развалинамъ очень большихъ размѣровъ, похожимъ на монастырь. Мощная дорога шла черезъ болото къ этимъ развалинамъ, отъ которыхъ сохранились почти всѣ стѣны и многія башни. Внутри стѣнъ онъ нашелъ остатки церкви и часовни, которыя, повидному, были перестроены изъ другого строенія, служившаго для военныхъ цѣлей. Внутренняя часть этого строенія состояла изъ сводовъ, которые, очевидно, были задѣланы; стѣны ихъ были окрашены еще въ первые времена христіанства. Кларкъ открылъ тамъ остатки греческой скульптуры, между прочимъ, часть женской статуи изъ бѣлаго мрамора. Затѣмъ онъ замѣтилъ остатки пропилей, съ тремя воротами съ каждой стороны входа. Одни ворота находились на западной сторонѣ строенія; здѣсь онъ замѣтилъ у основанія его остатки древней греческой архитектуры, заключавшіяся въ большихъ кускахъ мрамора, положенныхъ одинъ на другой безъ извести. Въ стѣнахъ церкви онъ обратилъ вниманіе на нѣсколько большихъ обтесанныхъ кусковъ оаосскаго мрамора, повидному, служившихъ орнаментами греческаго храма. Наконецъ, ему удалось найти на этомъ мѣстѣ нѣсколько монетъ, но онѣ не дали ему никакого объясненія, такъ какъ всѣ онѣ были „церковныя“. Кларкъ называетъ эти развалины „Boğr Kalessi“ и приходитъ къ заключенію, что это древній городъ Вистонія, упоминаемый еще Геродотомъ. Последний путешественникъ, посѣтившій эту мѣстность, насколько намъ извѣстно, былъ Викенель ¹⁾, который „Bougoun-Kalessi“ или „Bour-Kalessi“ принимаетъ за развалины древнихъ Абдеръ.

Въ настоящее время вся мѣстность около Буру-гѣль вообще пользуется дурной славой, а самымъ таинственнымъ и загадочнымъ мѣстомъ здѣсь считается мѣсто Буру-калесси. Во всѣхъ окрестныхъ городахъ и мѣстечкахъ поселились о немъ самые странные и разнообразные рассказы, которые могутъ служить весьма нагляднымъ доказательствомъ того, какъ способна увлекаться фантазія восточныхъ народовъ. По рассказу однихъ, окружность его составляла 3 сутокъ; другіе сообщали, что въ немъ всѣ стѣны покрыты надписями; третьи утверждали насъ, что мѣсто покрыто терновникомъ и совершенно недоступно; четвертые убѣждали насъ, что въ густой чащѣ находится масса змѣй; пятые передавали, что все мѣсто совсѣмъ затоплено; шестые пытались запугать насъ тѣмъ, что развалины города служатъ постояннымъ убѣ-

¹⁾ Viquesnel, Voyage en Turquie d'Europe, Paris, 1868, II, p. 268.

жищемъ разбойничьихъ шакъ. Проводники наши отказывались сопровождать насъ въ это ужасное мѣсто, такъ что мы вынуждены были предварительно захватить въ городѣ Енидже и въ сопровожденіи двухъ загію (жандармовъ) отправиться туда. Оказалось, что тамъ находятся развалины небольшого города, безъ надписей, безъ терновника, безъ змѣй, безъ воды и безъ разбойниковъ!

Буру-гѣль, древняя Вистоида, озеро или скорѣе морской заливъ, доходитъ почти до самыхъ Родопскихъ горъ. На узкомъ пространствѣ между сѣвернымъ берегомъ его и горами проходила *via Egnatia*, дорога изъ Солуи въ Константинополь. Здѣсь недалеко отъ сѣверо-западнаго берега и находится Буру-калесси—остатки прежняго города.

Развалины расположены на ровной мѣстности и представляютъ видъ неправильнаго параллелограмма, длинная сторона котораго обращена къ берегу. Весь городъ имѣлъ въ окружности отъ 20—30 минутъ и былъ окруженъ очень высокими и крѣпкими стѣнами, защищенными такими же башнями. Стѣны въ настоящее время болѣею частью обрушились, а башни отчасти сохранились. Мы насчитали на южной сторонѣ 4 башни, на западной — 2, на сѣверной — 4 и на восточной — 1. Отъ юго-восточнаго и юго-западнаго угловъ города двѣ такія же стѣны идутъ до самаго морскаго берега; благодаря имъ Буру-калесси былъ приморскимъ городомъ и имѣлъ свой портъ. Вообще, судя по высокимъ стѣнамъ и башнямъ, это былъ городъ трудно-доступный непріятелю. На южной сторонѣ, въ самой срединѣ города, находятся ворота, защищенные 2-мя изъ упомянутыхъ башенъ. Черезъ эти ворота былъ выходъ къ порту и отсюда же дорога шла изъ города въ юго-западномъ направленіи черезъ другія ворота въ западной портовой стѣнѣ. На сѣверо-западномъ углу города находились другія ворота, также защищенные 2-мя изъ упомянутыхъ башенъ. Отсюда дорога шла на сѣверъ и соединила городъ съ *via Egnatia*, проходившей между городомъ и горами.

Все стѣны и башни построены изъ кирпича и несомнѣнно относятся къ древнѣйшей византійской эпохѣ. Онѣ не имѣютъ ничего общаго съ позднѣйшими византійскими постройками, напримѣръ, сосѣдняго Мессинъ-калесси и города Гюмюльджини, но по конструкціи мы находимъ самое близкое сходство ихъ со стѣнами и башнями города Никеи въ Малой Азіи, постройка и восстановление которыхъ относится, главнымъ образомъ, къ III—IV в. по Р. Хр. На одной изъ башенъ находится монограмма изъ кирпича:

$$\begin{array}{c} \text{T} \\ \text{K} \text{---} \text{---} \text{N} \\ \text{H} \end{array}$$

Двѣ стѣны, идущія отъ города къ морскому берегу, имѣютъ отличную отъ другихъ стѣнъ конструкцію. Внутри городскихъ стѣнъ не сохранилось ничего, вся поверхность сравнялась съ землею. На сѣверъ идетъ другая стѣна до самыхъ горъ, служившая, повидимому, акведуктомъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти въ Буру-калесси никакихъ остатковъ древняго зданія или монастыря, никакихъ обломковъ египетскаго мрамора или слѣдовъ древне-греческой скульптуры, о которыхъ говоритъ Кларкъ въ своемъ описаніи этого мѣста.

Обратимся къ вопросу о томъ, какому городу принадлежатъ развалины Буру-калесси. Мы привели выше мнѣнія Божура и Викенели, которые отождествляютъ Буру-калесси съ городами Диксеѣ и Абдерами. Мелетій ¹⁾ и Кларкъ называютъ его городомъ Вистоніей (*Βιστωνία πρόλις*), а Тафель ²⁾ считаетъ его византийскимъ городомъ Πόρος (*Μπόρου* = *Bugu*). Однако, доводы приводимые въ пользу указанныхъ мнѣній, не выдерживаютъ критики. При рѣшеніи вопроса о прежнемъ названіи Буру-калесси, первое мѣсто должно принадлежать извѣстіямъ Прокопія и Іоанна Каптакузина.

Прокопій ³⁾ сообщаетъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о постройкахъ, произведенныхъ Юстиніаномъ въ городѣ Анастасіополѣ, расположенномъ на морскомъ берегу юго-западной Θρακίης: *Ἀναστασιόπολις δὲ ἢ τῆδε οὕσα τειχίσθη μὲν καὶ πρότερον ἦν, ἐν δὲ τῇ παραλίᾳ κειμένη ἀσφάλακτον εἶχε τὴν ταύτην ἰστίαν. τὰ πλοῖα πολλάκις ἀμέλει ἐνταῦθα καταίροντα ὑποχείρια βαρβάρους Οὐννοῖς ἐξ᾿απινάϊως γεγένηται ὥστε καὶ τὰς νήσους ἐνθένδε τὰς τῆ χώρα ἐπιχειμένας ἠνώγκησαν. Ἰουστινιανὸς δὲ βασιλεὺς διατειχίσματι τὴν παραλίαν περιβαλὼν ἔλην, ταῖς τε ναυσὶ καὶ τοῖς νησιώταις τὴν ἀσφάλειαν ἀνεσώσατο. ἀλλὰ καὶ τὸν τοῦ ὕδατος ὀχετὸν ἐκ τῶν ὀρέων, ἃ ταύτη ἀνέχει, μέχρι εἰς τὴν πόλιν ὑπέρογκον ἀνέστησεν ὕψος. Списки митрополій и епископствъ Константинопольской церкви подтверждаютъ намъ существованіе епископства въ г. Анастасіополѣ. Въ болѣе древнее время епископъ былъ подчиненъ Адрианопольскому митрополиту ⁴⁾, а впоследствии, послѣ основанія Родоской митрополіи, — Трапезнопольскому митрополиту ⁵⁾. Въ позднѣйшихъ спискахъ онъ слѣдовалъ непосредственно за епископами городовъ Мосинополя (нынѣ развалины Мессинъ-калесси) и Пороса (развалины недалеко отъ нынѣшняго Порто-Лагоса) и передъ епископомъ г. Ксанѳи. Названные три города находились: первый — на востокъ,*

¹⁾ *Μελετή οὐ Γεωγραφία*, XVIII, 6. Изд. Βενετ. 1807, III, p. 55.

²⁾ *De via Egnatia*, pars II, p. 48 sq.

³⁾ *De aedificiis*, IV, 11, ed Bonn. III, 303 sq.

⁴⁾ *Notitiae graec. episcop.* ed. Parthey, p. 73, 161, 180, 196.

⁵⁾ *Ibid.*, p. 122, 160, 179, 196, 219.

второй—на югъ и третій—на западъ отъ Буру-калесси, на нѣсколько часовъ разстоянія отъ него.

Итакъ, списки епископовъ доказываютъ намъ существованіе г. Анастасіополя именно въ этой мѣстности ¹⁾, а приведенное нами извѣстіе Проконія объ этомъ городѣ во всѣхъ деталяхъ подходитъ къ Буру-калесси. Съ одной стороны, Проконій сообщаетъ намъ, что городъ еще до Юстиніана былъ окруженъ стѣнами, но не имѣлъ защищеннаго порта, а потому гунны беспрепятственно грабили суда, стоявшія на берегу. Юстиніанъ впервые построилъ на морскомъ берегу стѣны, чѣмъ и представилъ городу и островамъ свободную и безопасную торговлю. Мы уже видѣли, что дѣйствительно стѣны Буру-калесси по своей конструкціи относятся къ древнѣйшему византійскому періоду. Отъ города къ морскому берегу идутъ двѣ отдѣльныя стѣны, которыя построены не одновременно съ городскими стѣнами; эти стѣны и были построены Юстиніаномъ и, весьма естественно, защищали портъ и свободное сообщеніе между портомъ и городомъ. Съ другой стороны, Проконій говоритъ, что Юстиніанъ построилъ большой акведуктъ съ горъ въ Анастасіополь. Въ Буру-калесси дѣйствительно существуетъ отъ города въ горы большая стѣна, которая была известна также какъ Павлу Лукасу ²⁾, такъ и географу Мелетію ³⁾ и, несомнѣнно, нѣкогда служила акведуктомъ. Къ тому же, Буру-калесси единственное мѣсто, гдѣ море настолько приближается къ горамъ, что устройство акведукта отъ горъ въ приморскій городъ оказывается возможнымъ; во всѣхъ другихъ мѣстахъ оно находится отъ горнаго хребта на довольно большомъ разстояніи.

Названіе города Анастасіополя встрѣчается также въ дѣлахъ вселенскихъ соборовъ 787, 796 и 879 гг. ⁴⁾. Потомъ мы болѣе не встрѣчаемъ его имени.

Извѣстія Проконія о городѣ Анастасіополѣ дополняются свѣдѣніями, которыя встрѣчаются у Іоанна Кантакузина. Онъ рассказываетъ намъ, что императоръ Андроникъ въ XIV в. возстановилъ городъ во Фракіи, который былъ основанъ императоромъ Анастасіемъ и получилъ отъ него названіе, а теперь былъ переименованъ въ Пернеорій ⁵⁾. Го-

¹⁾ По мнѣнію Тафелія, De via Egnatia, pars II, p. 37 sq., г. Анастасіополь находился на нижнемъ теченіи р. Кара-су (Эбра), на правомъ берегу.

²⁾ I. с.

³⁾ I. с.

⁴⁾ Mansi Concil. XII, 995, 1099; XIII, 143; XVII, 375.

⁵⁾ Ioann. Cantacuz. II, 38, ed. Bonn. I, p. 542: *ὁ μὲν ἀλλὰ καὶ περὶ Θράκην παρῆκτον ἐτέραν πόλιν κατασκευάσεν καὶ αὐτὴν, ἣς φασιν Ἀναστάσιον βασιλεῖα Ῥωμαίων οἰκιστὴν καὶ ἐξ ἐκείνου προσεγγενομένην, ἀνέστησεν αὖθις ὁ πάσας, ἀλλ' ὅσον μάλιστα ἐντὴν ἀπολαβὸν, καὶ Περιθεώριον προσεγγέρουσεν.*—III, 32, ed. Bonn. II, p. 197: *εἰς τὴν Ἀναστασίου πόλιν, ἣ Περιθεώριον ὑπὸ βασιλείᾳ Ἀνδρονίκου προσεγγέρουστο, ἐγένετο.*

родъ, какъ видно изъ Кантакузина, былъ расположенъ на морскомъ берегу и находился недалеко отъ Мосинополя и Гюмюльджини, на западъ отъ нихъ ¹⁾. Названіе города Периеорія встрѣчается также въ позднѣйшихъ епископскихъ спискахъ, причѣмъ дважды рядомъ съ названіемъ Анастасіополя ²⁾, и у другихъ византійскихъ писателей ³⁾.

Еще болѣе опредѣленно о мѣстоположеніи прежняго Анастасіополя отзывается французскій путешественникъ Bertrand de la Brocquière. Въ 1433 г., на пути въ Серры, онъ прибылъ въ Комотажну (Гюмюльджину), отсюда въ Мосинополь (Месинъ-калесси) и затѣмъ на берегу залива въ Периеорію, который, по словамъ его, уже въ то время былъ разрушенъ и опустошенъ ⁴⁾. Изъ описанія его и Кантакузина вновь подтверждается, что Анастасіополь былъ построенъ въ V—VI в. по Р. Хр. и тождественъ съ византійскимъ городомъ Периеоріемъ; городъ находился на западъ отъ Гюмюльджини и Мосинополя, на большомъ пути въ Македонію, былъ расположенъ на сѣверномъ берегу залива Буру-гюль и имѣлъ высокія стѣны.

Извѣстія всѣхъ вышеприведенныхъ источниковъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что полумифическое „Буру-калесси“ тождественно съ древнимъ городомъ Анастасіополемъ, переименованнымъ впоследствии въ Периеорію.

¹⁾ III, 70, ed. Bonn. II, p. 429—430: βασιλεὶ δὲ τῷ Καντακουζηνῷ ἐν Κομοτηνῶν ἐπιπέδον τῆς καὶ αὐτῷ ἐκτεταμένῃ, ἐδόκει δεῖν προσελθεῖν ἐπὶ μικρὸν.... καὶ προσῆλθεν ἄλλοι πόλειως Μεσσηνῆς παλαιᾶς.... ἣν γὰρ ὀλίγον ἐν ᾧ διεῖχε Περιοιῶρον Μεσσηνῆς. — IV, 42, ed. Bonn. III, p. 313: καὶ ἡ (Περαικὴ στρατιὰ) ἐκ τῆς Ἀδριανῶν καὶ τῶν περὶ ἐκείνην πολιχνίων ἐπέλθε Κομοτηνῶν, καὶ ἄλλοι Περιοιῶρον ἦλθεν. — IV, 45, ed. Bonn. III, p. 331: Παλαιολόγος δὲ ὁ βασιλεὺς.... περὶ Τένεδον τριήρεσι διατριβών.... ἦκεν εἰς Περιοιῶρον κακῶθεν εἰς Κομοτηνῶν. — Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что дорога шла изъ Адрианополи черезъ Гюмюльджину и Мосинополь въ Периеорію, слѣдовательно, Периеорію находился на западъ отъ Мосинополи, и къ тому же недалеко отъ него.

²⁾ Notit. grec. episcop., p. 122, 136, 219, 234.

³⁾ См. Tafel, De via Egnatia, pars II, p. 41 sq.

⁴⁾ Bertrand de la Brocquière, Voyage d'Outremer et retour de Jerusalem en France par la voie de terre, pendant le cours des années 1432 et 1433, въ Mémoires de l'Institut National des sciences et arts. Sciences morales et politiques, t. V. p. 571 сл.; Périthoq, ville ancienne et autrefois considérable, est sur un golfe qui s'avance dans les terres d'environ quarante milles, et qui part de Monte-Santo, où sont tant de caloyers. Elle a des Grecs pour habitans, et pour défense de bonnes murailles, qui cependant sont entamées par de grandes brèches. De là, pour aller à Lessère, le chemin est une grande plaine.

ПЕРЕМѢНА ДЕКораЦИ ВЪ „ΘΕΣΜΟΦΟΡΙΑΖΟΥΣΑΧΉ“ АРИСТОΦΑΝΑ.

В. Ернштедта.

Въ „Θεσμοφοριαзусахъ“ Аристофана дѣйствіе происходитъ сначала передъ домомъ поэта Агаѳона, затѣмъ передъ храмомъ Θεσμοφορῆ. Гдѣ именно, т.-е. послѣ какихъ словъ комедіи прекращается дѣйствіе въ одномъ мѣстѣ и начинается дѣйствіе въ другомъ, на это въ наиболѣе распространенныхъ изданіяхъ (Дипдорфа, Бергка, Мейнске, Фельзена, Blaydes'a), по обыкновению, нѣтъ указаній, хотя вопросъ этотъ, естественно возникающій передъ каждымъ читателемъ поэта, вовсе самъ собою не рѣшается. Въ литературѣ Аристофана и въ нѣкоторыхъ изданіяхъ его мы находимъ рѣшенія различныя и, какъ мнѣ кажется, болѣе или менѣе неудачныя.

Для удобства читателей, приведемъ все то мѣсто комедіи, въ предѣлахъ коего гдѣ-нибудь необходимо допустить перемѣну сцены ¹⁾. Агаѳонъ удаляется въ свой домъ послѣ словъ (265): εἴσω τις ὡς τάχιστα μ' ἐσχωλησάτω. Затѣмъ говоритъ Еврипидъ:

ἀνὴρ μὲν ἡμῖν οὕτως καὶ δὴ γυνή
τό γ' εἶδος ἦν λαλήσας δ', ὅπως τῷ φιδέγματι
γυναικεῖς εἶ και πιθανῶς.

ΜΝΗΣΙΛΟΧΟΣ

πεῖράσσομαι.

ΕΥΡΙΠΙΔΗΣ

βάδιζε τοῖνον.

¹⁾ Говорю откуда о перемѣнѣ сцены, т.-е. мѣста дѣйствія, чтобы не предрѣшать вопроса о перемѣнѣ декораций. Хотя бы декорация въ продолженіе всей комедіи оставалась одна и та же, каждое слово «Θεσμοφοριαзусъ» произносится, конечно, на томъ или другомъ мѣстѣ дѣйствія.

ΜΝΗΣΙΑΧΟΣ

270. ὁμόσῃς ἐμοὶ
 μὰ τὸν Ἀπόλλω σὺκ, ἦν γε μὴ

ΕΥΡΥΠΠΙΔΗΣ

τί χρῆμα;

ΜΝΗΣΙΑΧΟΣ

συστόσειν ἐμέ
 πάσαις τέχναις, ἦν μοί τι περιπίπτῃ κακόν.

ΕΥΡΥΠΠΙΔΗΣ

ἄμνημι τοίνυν αἰθέρ' οἴκησιν Διός.

ΜΝΗΣΙΑΧΟΣ

τί μᾶλλον ἦ τὴν Ἴπποκράτους ξυνοικίαν;

ΕΥΡΥΠΠΙΔΗΣ

ἄμνημι τοίνυν πάντας ἄροδην τοὺς θεούς.

ΜΝΗΣΙΑΧΟΣ

275. μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φροῆν ὤμοσεν
 ἢ γλῶττα δ' οὐκ ὁμόμοκ', οὐδ' ὄρωκσ' ἐγώ.

ΕΥΡΥΠΠΙΔΗΣ

ἔκσπευθε ταχέως· ὡς τὸ τῆς ἐκκλησίας
 σγμεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται.
 ἐγὼ δ' ἄπειμι.

ΜΝΗΣΙΑΧΟΣ

280. ὦ Θραῦττα, θεάσαι, καομένων τῶν λαμπάδων
 ὅσον τὸ χρῆμ' ἀνέρχεθ' ὑπὸ τῆς λιγνύος.
 ἀλλ', ὦ περικαλλῆ Θεσμοφόρω, θέξασθέ με
 ἀγαθῆ τύχῃ καὶ δεῦρο καὶ πάλιν οἴκαδε.
 ὦ Θραῦττα, τὴν κίστην κάθειλε, κατ' ἔξελε
 285. τὰ πόπαν', ὅπως λαβροῦσα θύσω τοῖν θεοῖν.
 θέσποινα πολυτίμητε Δήμητερ φίλη
 καὶ Φερσέφαττα, πολλὰ πολλάκις μέ σοι
 θύειν ἔχουσα. εἰ δὲ μᾶλλὰ νῦν λαθεῖν.
 καὶ τὴν θυγατέρα χοῖρον ἀνδρός μοι τυχεῖν

290. πλουτοῦντος, ἄλλως δ' ἠλιθίου κάβελτέρου,
καὶ ποσθαλίσκου νοῦν ἔχειν μοι καὶ φρένας.
ποῦ ποῦ καθίζωμ' ἐν καλῷ, τῶν ῥητόρων
ἴν' ἐξακούω; σὸ δ' ἀπιθ', ὦ Θραῦττ', ἐκποδῶν
δοῦλοισι γὰρ οὐκ ἔξεστ' ἀκούειν τῶν λόγων.

Далѣе, женщина-глашатай провозглашаетъ: *εὐφημία ἔστω, εὐφημία ἔστω, εὐχεσθε τοῖν Θεσμοφόροι* и т. д. Черта, проведенная въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, напримѣръ, у Фриче и Энгера, подъ стихомъ 294, не имѣетъ отношенія къ вопросу о перемѣнѣ сцены, судя по тому, что Фриче и Энгель перемѣну сцены, какъ мы сейчасъ увидимъ, предполагаютъ раньше. Генпертъ, *Die altgriechische Bühne* (Leipzig, 1843), p. 165, дѣйствительно говоритъ о *Veränderung der Scene* въ этомъ мѣстѣ, но это, должно быть, просто недосмотръ, какъ можно думать уже въ виду того, что онъ слова глашатай *εὐφημία ἔστω, εὐφημία ἔστω* и т. д. называетъ *Chorgesang*, пѣснью хора, будто бы предвзначенной „главнымъ образомъ, для того, чтобы сдѣлать менѣе замѣтной остановку, наступившую въ дѣйствиіи вслѣдствіе перемѣны сцены и чѣмъ-нибудь наполнить промежутки“.

Фриче, Энгель и нѣкоторые другіе ученые ¹⁾, по примѣру Брунка, считаютъ, что перемѣна декораціи происходитъ вслѣдъ за стихами (275—76):

μέμνησο τοῖνον ταῦθ'. ὅτι ἡ φρήν ὤμοσεν,
ἡ γλῶττα δ' οὐκ ὁμώμοκ', σὸδ' ὄρωσ' ἐγώ.

Что именно приводило ихъ къ такому заключенію, объ этомъ мы скажемъ ниже; но почему бы они такъ ни думали, мнѣніе это несостоятельно, ибо, если бы, начиная уже отъ ст. 277 (слова Еврипида):

ἔκσπευθε ταχέως· ὡς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται,

сцена изображала не домъ Агаона, а Θεσμοφορίи, то Минсилоху незачѣмъ было бы уходить, а тѣмъ менѣе торопиться, чтобы посѣтъ къ Θεσμοφορίю.

Ближе къ истинѣ, какъ намъ кажется, взглядъ Шёнборна (A. Schönborn, *Die Scene der Hellenen*, Leipzig, 1858, p. 302) и Крузе (Henr. Kruse, *Quaestiones Aristophanae*, Flensburg, 1874, p. 25), полагающихъ, что перемѣна декораціи происходитъ послѣ словъ Еври-

¹⁾ Въ томъ числѣ Эрнестъ Дройзенъ (*Quaestiones de Aristophanis re scaenica*, Bonnæ, 1868, p. 68 сл.) и J. W. White (*The «Stage» in Aristophanes: Harvard Studies 1891, p. 200°*).

пида ἐγὼ δ' ἄπειμι (279). Эти слова, несомненно, произносятся еще передъ домомъ Агаѳона. Но возможно-ли, какъ бы мало времени ни требовалось на переѣзду декораціи (а требовалось, вѣроятно, не такъ-то мало). возможно-ли, чтобы новое *drame*, послѣ хотя бы минутнаго полнаго опустѣнія сцены, начиналось въ серединѣ стиха? Конечно, нѣтъ: такого нарушенія единства стиха не позволить себѣ и поэтъ, а тѣмъ менѣе могъ допустить его древній. Во всякомъ случаѣ, предположить нѣчто подобное мы не имѣемъ никакого права.

Несомненно, однако, что въ стихахъ 280 сл.

ὦ Θράττα, θέασαι, χαρμένων τῶν λαμπάδων
ὅσον τὸ χρῆμα' ἀνέρχεται ὑπὸ τῆς λιγύρας

мы находимся уже передъ Θεζμοφορίсмъ. Отсюда слѣдуетъ, что переѣздна декораціи, если таковая имѣеть мѣсто, происходитъ въ концѣ стиха 279, т.-е. послѣ словъ Мнисилоха: δεῦρό γιν, ὦ Θράττ', ἔπειω. Съ этими словами „свойственникъ“ Еврипида, достаточно подразнивши поэта, направляется, наконецъ, къ выходу (ἐκσπεύδει). Съ такими же словами, чтобы привести одинъ примѣръ изъ нѣсколькихъ, въ „Мирѣ“, передъ первую парабазу, удаляется Тригей, вмѣстѣ съ Опорою и Осорією (726 сл.):

δεῦρ', ὦ κόρα,
ἔπεσθον ἄμ' ἐμοὶ θᾶττον, ὡς πολλοὶ πάντες
ποδοῦντες ὕμᾱς ἀναμένουσ' ἐστυχότες.

Насъ спросятъ: если первое дѣйствіе кончается не раньше словъ Мнисилоха: δεῦρό γιν, ὦ Θράττ', ἔπειω, а послѣ нихъ, то откуда является оракіянка-рабыня, къ которой они обращены? Шёнборнъ, въ указанномъ мѣстѣ, говоритъ, между прочимъ: „что Мнисилохъ совершенно удаляется со сцены, видно въ особенности изъ того, что онъ послѣ ст. 279 является въ сопровожденіи оракіянки. О послѣдней раньше, когда онъ вмѣстѣ съ Еврипидомъ направлялся къ дому Агаѳона, не было рѣчи; да она и не могла сопровождать его, такъ какъ Еврипидъ въ то время не предполагалъ самъ воспользоваться необходимыми для жертвоприношенія предметами или отдать ихъ Мнисилоху, а предполагалъ отправить вмѣсто себя Агаѳона на празднество Θεζμοφορίи“. Мы отчасти согласны съ Шёнборномъ. Дѣйствительно, трудно предположить, чтобы Еврипидъ съ Мнисилохомъ явился къ Агаѳону въ сопровожденіи совершенно ненужной имъ служанки, присутствіе которой во всемъ первомъ дѣйствіи несколько не замѣтно: предложеніе Мнисилоха замѣнить Агаѳона, который отказывается отъ предназначавшейся ему роли, для Еврипида неожиданно (ст. 210 и 212), а Мпи-

силохъ въ началѣ пьесы не знаетъ даже, куда его ведутъ. Но отсюда все-таки никакимъ образомъ не слѣдуетъ, что новое дѣйствіе начинается въ срединѣ стиха 279. Гдѣ бы мы ни предположили начало новаго дѣйствія, оракіянкѣ, все равно, взятыя неоткуда. Если Мнисилохъ, въ полной аммуниціи, съ благословенія Еврипида направляется на глазахъ публики къ Θεσμοφορίою *безъ оракіянки*, то онъ и прибыть туда долженъ, послѣ перемѣны декораціи, безъ оракіянки. Въ „Θεσμοφοριαζυσαχῆ“ щучье велѣнье и вообще сказочные мотивы ни причемъ. Очень сообразительные люди скажутъ, вѣроятно, что Мнисилохъ, уходя вмѣстѣ съ Еврипидомъ послѣ словъ ἐγὼ δ' ἄπειμι, можетъ вѣдь на пути къ Θεσμοφορίою зайти домой и оттуда взять рабыню. Такимъ людямъ можно отвѣтить, что 1) Мнисилоху, конечно, крайне неловко было бы показаться дома въ томъ нарядѣ, въ какомъ онъ покидаетъ домъ Агаѳона, 2) и времени-то не могло быть для того, чтобы зайти домой и захватить все нужное для жертвоприношенія, ибо, по словамъ Еврипида, на Θεσμοφορίѣ уже показался (невидимый для театральной публики) сигналъ, возвѣщающій о началѣ праздника:

ὥς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται.

Будь оракіянка необходима (хотя она не говоритъ ни слова и считается присутствующей только въ продолженіе 15-ти стиховъ, 279 — 294), ее можно было бы взять на прокатъ у Агаѳона, въ придачу къ остальной экипировкѣ Мнисилоха. Но поэтъ, должно быть, призналъ болѣе цѣлесообразнымъ обойтись безъ дѣйствительнаго присутствія оракіянки. Второе дѣйствіе начинается съ „комического выхода“ Мнисилоха, который съ надлежащимъ шаржемъ представляетъ аѳинскую мѣщанку, сознающую, что сегодня на ея улицѣ праздникъ. Обращенія къ служанкѣ составляютъ необходимую принадлежность ея суетливости и трескотни, но каррикатурность обращенія еще подчеркивается отсутствіемъ служанки. При этомъ нѣтъ никакого препятствія допустить, что Мнисилохъ начинаетъ свое фиглярство еще до ухода со сцены, или, лучше сказать, во время самаго ухода, именно словами: θεῶρο' ὦν, ὦ Θραῦτῶ', ἔπει. Напротивъ того, если „комическій выходъ“, съ обращеніями къ отсутствующей оракіянкѣ, начинается, собственно, еще при уходѣ, то этимъ уничтожается всякая возможность недоумѣнія со стороны публики по поводу такого обращенія при новомъ появленіи Мнисилоха. Теперь слова: ὦ Θραῦττα, θέασαι и т. д. сразу должны встрѣтить дружный взрывъ веселости.

Какимъ образомъ должно себѣ представлять перемѣну декораціи по-

слѣ ст. 279, объ этомъ нѣтъ надобности распространяться; распространяться объ этомъ нѣтъ и возможности, ибо мы, говоря откровенно, ничего достовѣрнаго на этотъ счетъ относительно V-го вѣка не знаемъ. Нѣкоторые ученые, преимущественно нѣмцы, держатся теперь того взгляда, что ни въ другихъ комедіяхъ Арнофана, ни въ „Θεσμοφορίазусахъ“ никакой *Scenenverwandlung* не было. По мнѣнію Ніяра ¹⁾, въ „Θεσμοφορίазусахъ“ *fuit per totam fabulam una scaena, eratque in media Thesmophorion representatum, iuxta domus Agathonis*. Если это такъ, то 1) подтверждается то, что выше сказано о ѳракіянкѣ, 2) ясно, что Мнисилохъ со словами *θεῖρόν σου, ὃ Θρηῖτιθ', ἔπου*, а не раньше, удаляется отъ дома Агаѳона, чтобы подойти къ Θεσμοφορίю. Но Ніяръ ошибается, по крайней мѣрѣ, относительно „Θεσμοφορίазусъ“. Напрасно онъ ссылается на слова Еврипида:

ὡς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ Θεσμοφορείῳ φαίνεται.
ἐγὼ δ' ἄπειμι

и говорить: *debat hoc de Thesmophorio praesente dici, quia socer statim in scaena ad templum pergere iubetur*. Какой бы ни былъ сигналъ на Θεσμοφορίѣ, онъ долженъ быть видимъ издали, и указывать на такой сигналъ естественноже издали. Во всякомъ случаѣ, Ніяръ упустилъ изъ виду, что Еврипидъ передъ приведенными сейчасъ словами говоритъ Мнисилоху: *ἔκπευθε ταχέως*, а если нѣкоторые новые ученые вмѣсто *ἔκπευθε* читаютъ *καὶ σπεῦθε* (Гамакеръ) или *τὸ σπεῦθε* (Фельзенъ), то вѣдь съ ними можно и не согласиться, тѣмъ болѣе, что съ обѣими конъектурами согласиться трудно.

Почему же нѣкоторые ученые, какъ сказано выше, держались или держатся еще теперь того мнѣнія, что перемежна декорация происходитъ послѣ стиховъ (275-276):

μέμνησο τόνου ταῦθ', ὅτι ἡ φρήν ὤμοσεν,
ἢ γλῶττα δ' ὄκ ὁμόμοκ', οὐδ' ὄρκωσ' ἐγώ?

Мы не согласны съ этимъ мнѣніемъ, по съ его основаніемъ считаться необходимо. Основаніе внушительное: ссылаются не только на слова схолиаста, но, сверхъ того, на свидѣтельство еще болѣе древнее, принадлежащее чуть-ли не самому поэту и заключающееся въ такъ-называемой *παρεπιγραφή* Равенскаго кодекса. Именно послѣ ст. 276 въ этомъ кодексѣ *sequitur novo versu in contextu verborum παρεπιγραφή*:

¹⁾ J o h. N i e j a h r, *Quaestiones Aristophanae scaenicae*, Diss. Gryphiswald. 1877, p. 33.

—ὀλολόζουσι τε: ἱερὸν ὠθεῖται¹⁾), а схολіастъ замѣчаетъ: παρεπιγραφή. ἐκκωλειται ἐπὶ τὸ ἕξω τὸ θεσμοφόριον. Брункъ, слѣдуя Кустеру, читаетъ парэпиграфу такъ: ὀλολόζουσι γυναῖκες. ἱερὸν ὠθεῖται, и, отлично отъ Кустера, поясняетъ²⁾: In paterigraphe post hunc versum verba ἱερὸν ὠθεῖται significant scenae conspectum mutari, et machinarum ore, ut apud nos fieri solet, templum propelli, seu novum scenae apparatus templi speciem exhibere. Поправка γυναῖκες вм. τε довольно смѣла, однако она цѣли своей не достигаетъ, ибо вторая половина парэпиграфы остается очень странной. Берглеръ предложилъ читать: γέρον ὠθεῖται, Рейске: ἱερὸν ἀφορεῖται, Воте: τὸ τε ἱερὸν ὠθεῖται, наконецъ Фриче: τὸ (вм. τε) ἱερὸν ὠθεῖται. Все это не только не уѣдительно, но даже невозможно, но причинамъ, объяснять которыя, кажется, нѣтъ надобности. Гольцигеръ (Karl. R. v. Holzinger), въ своей монографіи Ueber die Paterigraphe zu Aristophanes (Wien, 1883), р. 21 сл., останавливается, за неимѣніемъ лучшаго, на редакціи Фриче: ὀλολόζουσι, τὸ ἱερὸν ὠθεῖται, хотя, разумѣется, τὸ ἱερὸν ὠθεῖται, „святыня (или святилище) толкается“, совершенно невысказанное выраженіе. Быть можетъ, кто-нибудь предложитъ ἕξωθεῖται вм. ὠθεῖται, съ намекомъ болѣе прозрачнымъ на машину, ἕξωστρα. Но стоитъ-ли вообще трудиться надъ возстановленіемъ парэпиграфы, долженствующей свидѣтельствовать о перемѣнѣ декораціи, когда никакой такой перемѣны въ этомъ именно мѣстѣ допустить невозможно? Намъ возразить указаніемъ на схολію (παρεπιγραφή. ἐκκωλειται ἐπὶ τὸ ἕξω τὸ θεσμοφόριον), авторъ которой вѣдь констатируетъ существованіе парэпиграфы и, повидимому, перифразируетъ ее, подобно тому, какъ схολіастъ того же Равеннскаго кодекса замѣчаетъ, напримѣръ, къ „Птицамъ“ 222: ἀλεῖ:—τοῦτο παρεπιγράφεται, δηλοῦν ὅτι μιμεῖται τις τὴν ἀηδόνα (въ текстѣ послѣ ст. 222 дѣйствительно есть парэпиграфа ἀλεῖ), а къ „Θεσμοφορίαζυсамъ“ 129: ὀλολόζει:—παρεπιγραφή τοῦτο. εἰπόντος γὰρ τοῦ Ἀγάθωνος ὁ κηδεστής τοῦ Εὐριπίδου ὀλολόζει εἰς τὴν θηλύτητα αὐτοῦ κтл. (въ текстѣ послѣ ст. 129 есть парэпиграфа: ὀλολόζει: γέρον=ὀλολόζει: ὁ γέρον). Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ схολіастъ только констатируетъ парэпиграфу, не перифразируя, не объясняя ее. Такъ, напримѣръ, схολія Равеннскаго кодекса къ „Лягушкамъ“ 1264 гласитъ: διαύλειον διαυλεῖ τις (читай προσαυλεῖ τις): τοῦτο παρεπιγραφή. ὡσπερ καὶ ἄλλα πολλάκις; въ текстѣ надъ ст. 1264 стоитъ: διαύλειον πρὸς

¹⁾ Примѣч. Фельзена къ ст. 277. Рукописное преданіе «Θεσμοφορίαζυсъ» основано на одномъ codex Ravennas, съ котораго списанъ cod. Augustanus (Monacensis) и по которому сдѣлана editio princeps. См. Velsen, Ueber den codex Urbinas der Lysistrata und der Thesmophoriazusen des Arist., Halle, 1871.

²⁾ Кустеръ самъ переводитъ: Clamorem inter sacra tollunt mulieres.

αὐλεῖ τις (=διάβλιον προσάλεῖ τις). Нигдѣ однако, сколько и могъ замѣтить ¹⁾, схолиастъ не ограничивается перифразомъ одвой части парэпиграфы, какъ въ разбираемомъ мѣстѣ, если считать, что схолія ἐκκωκλεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον относится къ словамъ: ὀλολύζουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται. Кромѣ того, заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ относящихся сюда случаяхъ схолиастъ иногда не считаетъ нужнымъ дать перифразъ парэпиграфы, но никогда не забываетъ привести самую парэпиграфу, или въ формѣ леммы схоліи, или въ самой схоліи. Въ данномъ случаѣ ничего такого нѣтъ. Наша схолія леммы не имѣетъ и никакими соотвѣтствующими другъ другу знаками не связана со словами: ὀλολύζουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται. Какое же имѣемъ мы хоть вѣрнѣе основаніе отнести ее къ этимъ именно словамъ?

Въ новыхъ изданіяхъ схоліи на Аристофана, а также у А. Мартена (Les scolies du manuscrit d' Aristophane à Ravenne), передъ схоліею: παρεπιγραφή, ἐκκωκλεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον стоитъ цифра 277, что, правда, не мѣшало бы отнести ее къ словамъ ὀλολύζουσι τε ἱερὸν ὠθεῖται, помѣщающимся между стихами 276 и 277, но не мѣшаетъ также, полагаемъ, отнести поминутую схолію къ стиху 277 и послѣдующему:

ἔσπευδε ταχέως, ὡς τὸ τῆς ἐκκλήσιος
σήμερον ἐν τῷ θεσμοφορείῳ φαίνεται.

Парэпиграфою схолиастъ назвалъ подчеркнутыя нами слова потому, что въ нихъ упомянуто, по его мнѣнію (на нашъ взглядъ, ошибочному), о появленіи предъ зрителями Θεσμοφορία и что упоминаніе о появленіи сопровождается фактомъ появленія. Слово παρεπιγραφή тутъ употреблено въ другомъ смыслѣ, чѣмъ въ приведенныхъ выше примѣрахъ. Дѣло въ томъ, что этотъ терминъ имѣетъ въ схоліяхъ на Аристофана не одно, а два значенія, какъ прекрасно доказалъ Гольдцигеръ въ указанной выше монографіи, хотя онъ доказываетъ, собственно, противоположное. Παρεπιγραφή означаетъ, во-1-хъ, какъ мы видѣли, приписку къ тексту пьесы, указывающую на нѣчто происходящее (или слышное) на сценѣ помимо рѣчей дѣйствующихъ лицъ; такихъ приписокъ въ рукописномъ преданіи древнихъ сценическихъ поэтовъ оказывается немного, мало въ особенности у трагиковъ, больше у Аристофана; во-2-хъ, παρεπιγραφή можетъ означать такіа слова самого текста пьесы, которыя указываютъ на какое-нибудь происходящее на сценѣ дѣйствіе; иначе сказать, παρεπιγραφή можетъ озна-

¹⁾ Матеріалъ собрать у Э. Драйзена и у Гольдцигера въ указанныхъ выше сочиненіяхъ.

чать слова текста, замѣняющія собою или дѣлающія излишнею парэпиграфу первой категорiи. Изъ числа *παρεπιγραφαί*, упоминаемыхъ въ схолияхъ, большинство принадлежитъ ко второй категорiи, хотя Гольдцигеръ всячески старается все свести къ первой. Приведемъ пѣсколько примѣровъ.

Въ *codex Venetus* къ ст. 256 „Мира“ есть схолия: *οὗτος γὰρ κόνδουλος: — παρεπιγραφή· ἄμα γὰρ τῷ εἰπεῖν δίδωσιν αὐτῷ τὸν κόνδουλον.* Въ томъ же кодексѣ къ ст. 424 той же комедiи есть схолия: *δῶρον δίδωμι: — παρεπιγραφή· τοῦτο γὰρ εἰπὼν φάλην χρυσῆν δίδωσιν αὐτῷ.* Тамъ же къ ст. 118: *ἀλλ' ἀρπάσσομαι σφῶν αὐτά* имѣется схолия: *παρεπιγραφή· ταῦτα γὰρ εἰπὼν χλευάζει καὶ ἀναιδῶς ἀρπάζει* κтл. Къ „Всадникамъ“ ст. 155 слл.:

ΔΠ. ἄγε δὴ σὺ κατάθου πρῶτα τὰ σκευὴ γαμαί·
ἔπειτα τὴν γῆν πρόσκυσον καὶ τοὺς θεοὺς.

ΑΔ. ἰδοὺ· τί ἔστιν;

въ томъ же кодексѣ замѣчаетъ схолиастъ *ἰδοὺ: πεποιήκεν ὁ προσέταξε. παρεπιγραφή δὲ καλεῖται τὰ τοιαῦτα πάντα;* съ чѣмъ можно сравнить схолию другого кодекса къ „Облакамъ“ 82: *ἰδοὺ· τί ἔστιν: — τὸ αἰτηθὲν παρὰ τοῦ πρεσβύτου ποιῶν ὁ νεανίσκος τὴν δεξιὰν ὄρεξεν αὐτῷ. καὶ ὄηλον ὅτι παρεπιγραφὴ τὸ ἰδοὺ.* Къ ст. 432 сл. „Всадниковъ“:

ΑΔ. ἐγὼ δὲ συστείλας γε τοὺς ἀλλᾶντας εἶτ' ἀφήσω
κατὰ κῆμ' ἐμαυτὸν οὔριον, κλάειν σε μακρὰ κελεύσας

въ *cod. Ven.* есть схолия: *καὶ τοῦτο παρεπιγραφή· ὁ γὰρ εἶπε, καὶ ποιεῖ* κтл. Къ тѣмъ же „Всадникамъ“ ст. 710:

ΚΑ. Ἐλῆω σε πρὸς τὸν δῆμον, ἵνα δῶς μοι δίκην

тотъ же *cod. Ven.* имѣетъ схолию: *ἠττήθη γὰρ ἐν τῇ βουλῇ. παρεπιγραφὴ δέ· ποιεῖ γὰρ ὕπερ εἴρηκεν.* Кроме того, обратимъ вниманiе еще на двѣ схолии Венецианскаго кодекса къ „Всадникамъ“. Къ ст. 1 *Ἰατταταιᾶξ* одна изъ схолиῶν гласитъ: *σχετλιαστικὸν τὸ ῥῆμα. παρεπιγραφὴ δὲ λέγεται, ἀλλὰ καὶ γίνεται τοῖς σχήμασιν.* Вѣроятно, должно быть: *παρεπιγραφὴ δέ· λέγεται ἄμα καὶ γίνεται τοῖς σχήμασιν* ¹⁾. Къ ст. 373 *τὰς βλεφαρίδας σου παρατιλῶ* схолиастъ замѣчаетъ: *παρεπιγραφὴ τὸ σχῆμα· ἐπὶ γὰρ τὰς ὕψεις τοῦ ἀλλαντοπόλου ἐπιβαλὼν τὰς χειράς τὰ βλέφαρα ἐκτίλλει.* Отсюда мы узнаемъ — о чемъ, впрочемъ, могли бы и сами догадаться, — что во второмъ значенiи *παρεπιγραφὴ* есть риторическая *σχῆμα*, т.-е. *σχῆμα τοῦ λόγου*, спеціальнo *τῆς διανοίας*. См. также схол. на Евр. Эк. 812 *(οἶμοι τάλαινα: — παρεπιγραφὴ τὸ σχῆμα)* и Ценя къ Ликофрону Алекс. 1 (*λέξω τὰ*

¹⁾ Другiя, болѣе сложныя поправки см. у Гольдцигера, р. 41 сл. сборникъ.

πάντα νητρεκῶς ἃ μ' ἱστορεῖς: τοῦτο τὸ σχῆμα καὶ ὁ ποιητικὸς τρόπος παρεπιγραφή καλεῖται, ὅτι ὁ ἄνωθεν οὐκ ἐμφαίνεται δείκνεται παρεπιγραφόμενον ἐκ τῆς κειμένης γραφῆς). Въ такомъ значеніи терминъ *παρεπιγραφή* встрѣчается не только въ *cod. Venetus* и въ *codd. recentiores*, но уже и въ Равенскомъ, именно три или четыре раза въ схоліяхъ, общихъ Равенскому и Венеціанскому кодексамъ („Миръ“ 250, „Облака“ 3. 1240 и, по свидѣтельству Мартена, также 734, см. Holzinger l. l., p. 36), и одинъ разъ въ Равенскомъ кодексѣ одномъ, „Обл.“ 267: *παρεπιγραφή διπλασιάσας γὰρ τὸ ἰμάτιον περιβαλέσθαι φησὶν αὐτὸ θέλειν ὑπὲρ τοῦ σκέπεσθαι*. Такимъ образомъ, нѣтъ основанія приписать, какъ это дѣлаетъ Гольцингеръ, Цесцу „заблужденіе“, въ силу котораго *παρεπιγραφή* получило второе значеніе. Это „заблужденіе“ гораздо древнѣе; оно не моложе того времени, которому принадлежалъ общій архетипъ Равенскаго и Венеціанскаго кодексовъ.

Итакъ, мы имѣемъ полное право отнести схолію *παρεπιγραφή*. *ἐκκλιεῖται ἐπὶ τὸ ἔξω τὸ θεσμοφόριον* къ стихамъ 277 сл.:

*ἔκπευθε ταχέως, ὡς τὸ τῆς ἐκκλησίας
σημεῖον ἐν τῷ θεσμοφορίῳ φαίνεται.*

Есть-ли, послѣ этого, еще какое-нибудь основаніе принимать слова *ἀλολόζουσί τε ἱερὸν ὠθεῖται* за *παρεπιγραφή*? Намъ кажется, что нѣтъ. Если же эти слова не составляютъ *παρεπιγραφή*, то они могутъ быть только искаженнымъ триметромъ, исправить который, быть можетъ, не такъ трудно, какъ должно казаться на первый взглядъ. Припомнимъ то, что непосредственно предшествуетъ у Аристофана. Мнисилохъ костюмированъ и загримированъ для своей роли на праздествѣ Θεσμοφορίи; Еврипидъ говоритъ ему: „ступай теперь!“ Но Мнисилохъ не склоненъ торопиться: онъ требуетъ формальной клятвы въ томъ, что Еврипидъ всѣми силами будетъ выручать его, въ случаѣ, если съ нимъ приключится бѣда. Еврипидъ клянется, разумѣется, по своему (ср. Евр. fr. 487), „эпиромъ, жилищемъ Зевса“ (272):

ἄλλοι τούτων αἰθέρ', οἴκησιν Διός.

Мнисилохъ недоволенъ и спрашиваетъ саркастически:

τί μᾶλλον ἢ τὴν Ἴπποκράτους ξυνοικίαν;

„Почему не лучше—меблированными комнатами Иппократа?“ Тогда Еврипидъ клянется (ср. Евр. Мед. 747) „всѣми богами залномъ“:

ἄλλοι τούτων πᾶσιν ἄρδην τοῖς θεοῖς.

Но Мнисилохъ и тутъ находитъ къ чему придраться: Еврипидъ вѣдь поклялся, не сказавъ при этомъ, въ чемъ клянется. Мало-ли въ чемъ онъ могъ поклясться въ душѣ своей? Эту мысль Мнисилохъ выражаетъ

въ формѣ пародіи на извѣстный стихъ изъ „Ипполита“, за который поэту такъ часто доставалось:

μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φροῖν ὄμοσεν,
ἢ γλώττα δ' οὐκ ὁμόμοχ',

„ну, такъ помни, что душа твоя поклялась, но уста не клялись“, и прибавляетъ:

οὐδ' ὄρκωσ' ἐγώ,

„а такой клятвы (какую ты, чего добраго, въ душѣ произнесъ) я отъ тебя не требовалъ“. По принятому тексту, Мнисилохъ не договариваетъ: „и не принимаю я твоей клятвы; дѣлай, что хочешь!“ Онъ не серьезно пьтается, по, въ отместку за прошедшую неприятную операцію и за предстоящую незавидную роль, старается немного вывести Еврипида изъ терпѣнія. Еврипидъ это понимаетъ и прогоняетъ его, наградивъ лестнымъ эпитетомъ (котораго въ нашемъ текстѣ пѣтъ) и указавъ, что сигналъ на Θεσμοφορίѣ уже виденъ: мѣшкать нечего. Предлагаемъ читать:

MN. μέμνησο τοίνυν ταῦθ', ὅτι ἡ φροῖν ὄμοσεν,
ἢ γλώττα δ' οὐκ ὁμόμοχ', οὐδ' ὄρκωσ' ἐγώ,
οὐδὲ δέχομαι τὸν ὄρκον.

EUP. ὦ θλιώτατε,
ἔσπευθε ταχέως, ὡς τὸ τῆς ἐκκλησίας κτλ.

Ср. „Ляг.“ 589: δέχομαι τὸν ὄρκον κάπῃ τοῦτοις λαμβάνω.

Ходъ порчи мы себѣ представляемъ такимъ образомъ. Стихъ:

ΟΥΔΕΔΕΧΟΜΑΙ ΤΟΝ ΟΡΚΟΝ . ΩΘΛΙΩΤΑΤΕ

вълѣдствіе случайныхъ поврежденій получилъ, приблизительно, такой видъ:

ΟΥΔΕΔΕΧΟΜΑΙ ΤΟΝ ΟΡΚΟΝ . ΩΘΛΙΩΤΑΤΕ

изъ чего какой-нибудь переписчикъ или корректоръ сдѣлалъ

ΟΛΟΛΥΖΟΥΣΙ ΤΕ ΙΕΡΟΝΩΘΕΙΤΑΙ,

можетъ быть, воображая, что эти слова составляютъ древнюю παρ-επιγραφή.

Кто одобряетъ, въ сущности, ходъ мыслей, приведшій насъ къ заключенію о томъ, что слова ὀλολύζουσι τε· ἱερόν ὠθεῖται суть искаженный стихъ, согласится, что для довершенія нашего разсужденія мы обязаны были показать, какой, примѣрно, стихъ, болѣе или менѣе похожій по начертаніямъ на мнимую парэпиграфу, былъ бы умѣстенъ въ данномъ случаѣ. Если не окажется возможнымъ изъ тѣхъ же данныхъ извлечь пѣчто лучшее или хотя бы равное по достоинству, то въ этомъ уже будетъ заключаться косвенное подтвержденіе нашей по-

пыткѣ возстановленія стиха. Надѣяться на другого рода подтвержденіе или опроверженіе врядь-ли возможно.

Поснувшись вопроса о парэниграфахъ и повѣйшей монографіи о нихъ Гольцингера, мы позволимъ себѣ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ одномъ мѣстѣ схолий на Аристофана, которое, по мнѣнію названнаго ученаго (р. 47), „само по себѣ наиболее способно ввести въ заблужденіе читателя схолий (den Scholienleser) относительно понятія *παρεπιγραφή*“. Гольцингеръ совершенно правъ, судя по тому, что онъ самъ, если не ошибаемся, находитесь въ числѣ введенныхъ въ заблужденіе „читателей схолий“. Къ „Богатству“ ст. 8:

καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα, τῷ δὲ Λοῖζία

въ cod. Rav. есть замѣтка: *τοῦτο παρεπιγραφή λέγεται*. По Диндорфу, въ рукописи читается *παρ' ἐπιγραφή*; по Мартёну—*παρεπιγραφή*, но чтеніе Гольцингера подтверждено Р. Шёллемъ (Sitzungsber. d. philos.-philol. u. hist. Cl. d. k. b. Akad. d. Wiss. zu München, Jahrg. 1889, 2 Bd., р. 41). Впрочемъ, какое изъ этихъ чтеній ни принадлежало бы рукописи, никто, повидимому, не сомнѣвается и не сомнѣвался въ томъ, что правильнымъ чтеніемъ должно считать *παρεπιγραφή*. Что же въ этой схолии особеннаго? Гольцингеръ указываетъ на двѣ особенности ея: 1) она помѣщается между строками текста, надъ словами *καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα*, тогда какъ другія схоліи этой категоріи все писаны на поляхъ; 2) „замѣтка *τοῦτο παρεπιγραφή λέγεται* въ томъ отношеніи отстываетъ отъ всехъ разсмотрѣнныхъ раньше (Гольцингеромъ) мѣстъ этого рода, что объясненіе, въ чемъ заключалась эта парэниграфа, ни предшествуетъ, какъ, напр., въ схол. на Всадн. 157 и на Миръ 1258, ни слѣдуетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ“. Изъ этого обстоятельства Гольцингеръ выводитъ заключеніе, что замѣтка, „очевидно, намѣренно сокращена“. Первую особенность Гольцингеръ пытается объяснить предположеніемъ, что „писецъ кодекса R, помѣстившій эту замѣтку между строками, считалъ парэниграфой слова текста *καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα* и хотѣлъ сказать этимъ выраженіемъ, что съ произнесеніемъ ихъ (словъ текста *κ. τ. μ. δ. τ.*) долженъ быть связанъ извѣстный жестъ актера. Такимъ образомъ, въ этомъ междустрочномъ положеніи—если мы не желаемъ признать его обусловленнымъ исключительно недостаткомъ мѣста или другими случайностями, что вѣдь не можетъ быть доказано—можно видѣть заблужденіе переписчика, но не болѣе“. Устранивъ такимъ образомъ указанныя имъ же чрезвычайныя затрудненія, Гольцингеръ

рѣшаетъ дѣло своимъ обычнымъ способомъ: сама парэниграфѣ утрачена; она гласила: δείκνυσι τῷ σχήματι ὅτι ἄλλοις αὐτῷ εἴρηται περὶ τούτου; къ ней была на полѣ замѣтка: τοῦτο παρεπιγραφή λέγεται, которая со временемъ успѣла занять неподобающее ей мѣсто. Незачѣмъ указывать мелкія противорѣчія въ разсужденіи Гольдингера. Онъ не обратилъ вниманіе на то существенное обстоятельство, что всякое предписаніе о жестѣ, которымъ должны сопровождаться слова καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα, было бы нелѣпо. Эти слова представляютъ собою простую и обычную формулу перехода отъ одного предмета рѣчи къ другому. Желаетъ ли актеръ сопровождать такую формулу какимъ-нибудь жестомъ или пѣтъ, это его дѣло: слова настолько ясны, что во вспомогательномъ жестѣ не нуждаются. Если къ этому обстоятельству присоединить первую изъ указанныхъ Гольдингеромъ вѣдшихъ особенностей схолиі, именно что она помѣщается между строками, гдѣ схолиі съ упоминаніемъ о парэниграфѣ никогда не помѣщаются, то остается только вывести заключеніе, что ни о какой парэниграфѣ тутъ не могло быть рѣчи. Но что же значать слова τοῦτο παρεπιγραφή λέγεται? Въ одной рукописи Аристофана (Θ=Laug. 2779) къ тѣмъ же словамъ καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα есть схолиа: κύκλος. Терминомъ κύκλος ритори обозначали фразу или тираду, начинающуюся и оканчивающуюся однимъ и тѣмъ же словомъ ¹⁾); схолиастъ назвалъ κύκλος слова ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα, оставивъ въ сторонѣ частицу καί. Другой схолиастъ къ словамъ καὶ ταῦτα μὲν δὴ ταῦτα замѣтилъ: καὶ ταῦτα μὲν δὴ τοῦτον ἔχει τὸν τρόπον ἔστι δὲ τὸ σχῆμα ἀποδεικτικὸν τῆς πρώτης διανοίας. Еще другой схолиастъ ²⁾ замѣчаетъ къ тѣмъ же словамъ: τὸ δεύτερον ταῦτα ἀντὶ τοῦ οὕτως ἔστι, τροπῇ ὁμοικίῃ τοῦ ἡ εἰς ἄ. καὶ ἔστι τὸ σχῆμα ἀποδεικτικόν. Въ „Облакахъ“ ст. 176 къ слову εἶεν (собственно εἶέν), представляющему собою тоже формулу перехода отъ одного предмета къ другому ³⁾), R и V даютъ схолиа: τοῦτο καλεῖται ἀπόδεισις (тоῦ) λόγου; къ ст. 1075 той же комедіи, по поводу того же слова, мы находимъ въ R схолиа: τὸ εἶεν λέγεται ἀπόδεισις λόγου, а въ V— τοῦτο καλεῖται ἀπόδεισις. Такого же рода замѣчаніемъ являются въ данномъ мѣстѣ слова τοῦτο παρεπιγραφή λέγεται; только вмѣсто παρεπιγραφή

¹⁾ Гермоденъ п. εὐρέσεως, τὴν. ὁ гл. 8 (Rhet. Gr. Ш, р. 170, 14 слл. W a 1 z., II, р. 252 Sp.): κύκλος ἐστὶ σχῆμα καὶ αὐτὸ ἐρμηνείας ἴδιον, κύκλος ἐμπεριέχον λόγον γίνεται δὲ ὅταν ἀφ' οὗ ἀρξῆται τις ὀνόματος ἢ βήματος, εἰς τὸ αὐτὸ καταλήξῃ πάλιν, μῆτε πτώσιν ἀλλάξας μῆτε σχῆμα μῆτε χρόνον μῆτε ἀριθμὸν μῆτε ἄλλο τι. Вн. заключеніе главы онъ даетъ еще другое опредѣленіе, въ формѣ «кикла»: κύκλος ἐστὶ τὸ ἀφ' ὧν ἂν ἀρξῆται τις ὀνομάτων εἰς τὰ αὐτὰ καταλήγειν ὀνομασθαι πάλιν. τοῦτο γάρ ἐστιν ὁ κύκλος.

²⁾ См. С. О. Zuretti, Scolii al Pluto ed alle Rane d'Aristofane dal codice Veneto 472 e dal codice Cremonese 12229, L, 6, 28 (Torino, 1890), р. 90. Ср. р. 69.

³⁾ См. наши «Порфиріевскіе отрывки», стр. 141 сл.

должно читать *παραγραφή*. Считаемо нелишнимъ выписать свидѣтельства объ этомъ малоизвѣстномъ (въ такомъ значеніи) риторическомъ терминѣ, такъ какъ ихъ немного и они, кажется, нигдѣ не сведены. Въ схолияхъ В (=cod. Ven. Marc. 453) на Илиаду мы читаемъ: 1) къ I 304 ὡς τὼ γ' ὁ τρόπος παραγραφῆ· μετιῶν γὰρ ἐπὶ ἐτέραν διήγησιν τούτῳ χρῆται ¹⁾; 2) къ IX (въ началѣ): ὅταν δὲ ἄλλων πραγμάτων ἄρχεσθαι μέλλῃ· ὡς οἱ νόμιμοι (δόκιμοι сi. Dindorf) τῶν ἱστοριογράφων, παραγραφὰς ἐμβάλλει. μεταβαίνων γὰρ ἐπὶ τὰ Ἑλλήνων ἀπεκρούφωσε τὸν λόγον ²⁾; 3) къ XVI 1: ..ὡς μέλλων δὲ ἐτέρων μεγάλων ἐνάρχεσθαι πραγμάτων, παραγραφὴν ἐνέβαλε τὸν στίχον. ἔστι δὲ τοιαῦτα πολλὰ παρ' Ὀμήρῳ· „ὡς οἱ μὲν Τρῶες φουλακὰς ἔχον“ (Il. IX 1)· „ὡς οἱ μὲν μάραντο“ (Il. XI 596)· „ὡς ὁ μὲν ἐν κλισίῃσιν“ (Il. XII 1)· „ὡς οἱ μὲν στενάχοντο“ (Il. XXIII 1)· „ὡς ὁ μὲν ἔνθ' ἤρᾳτο“ (Od. VII 1)· „ὡς ὁ μὲν ἔνθα καθεῦθε“ (Od. VI 1, VII 344) ³⁾; наконецъ, 4) Евстаθій къ Ил. I 304 говорить: Ὅτι τὸ „ὡς τὼ γε ἀντιβίῳσι μαχεσσαμένῳ ἐπέεσσιν ἀνστήτην“, σχῆμα ὃν καταστατικὸν ἐννοίας, οἱ γραμματικοὶ παραγραφὴν καλοῦσι, συγκαταριθμοῦντες αὐτὸ τοῖς ποιητικοῖς τρόποις. χρώμεθα δὲ τούτῳ τῷ σχήματι, ὅτε συμπληρώσαντες τὰ φθάσαντα ἐπὶ ἐτέραν διήγησιν μεταβαίνομεν. τοιοῦτον καὶ μετ' ὀλίγα τὸ „ὡς οἱ μὲν τὰ πένοντο κατὰ στρατόν“ καὶ ἄλλα μυρία. Какимъ образомъ возникло такое значеніе термина *παραγραφή*, понять не трудно, если вспомнить то, что по другому поводу сказано нами объ исторіи этого слова ⁴⁾.

¹⁾ То же въ Scholia T(ownleyana), G(enevensia) и L(ipsiensia), въ послѣднихъ съ прибавленіемъ *σχῆμα καταστατικόν*, замеченнымъ изъ Евстаθія.

²⁾ То же въ T и L, въ первыхъ безъ словъ *μεταβαίνων—λόγον* и съ нѣкоторыми вариантами (м. пр. *παραγράφας* вм. *παραγραφὰς*).

³⁾ То же въ T и L, въ первомъ съ прибавками въ цитатахъ.

⁴⁾ „Порфиріевскіе отрывки“, стр. 42 сл.

КЪ ГОРАЦІЮ.

О. Шебора.

Одна изъ самыхъ симпатичныхъ одъ Горация, именно III 23, все еще продолжаетъ причинять хлопоты толкователямъ римскаго лирика. Камнемъ преткновенія, какъ извѣстно, является заключительная строфа этой оды:

Immunis aram si tetigit manus,
Non sumptuosa blandior hostia,
Mollivit aversos Penates
Farre pio et saliente mica.

Толкователи никакъ не могутъ придти къ соглашенію относительно значенія въ данномъ мѣстѣ прилагательнаго „*immutis*“; между тѣмъ отъ толкованія этого слова зависитъ не только весь смыслъ заключительной строфы, но и пониманіе смысла всей оды вообще.

Предлагаемая учеными два различныхъ толкованія прилагательнаго *immutis*, именно „невинный, чистый“ и „безъ даровъ“ или „безъ большихъ даровъ“, вносятъ въ разсматриваемую строфу столь ощутительныя несообразности, что и нынѣ не перестаютъ раздаваться авторитетные голоса противъ подлинности ¹⁾ злополучной строфы, которую уже Guyet, а за нимъ Перлямпъ, Мейпеке, Линкеръ и др. объявили бессмысленной поддѣлкой чужь-ли не безграмотнаго интерполятора ²⁾. Неподлинность интересующей насъ строфы готовъ былъ признать даже такой рѣшительный консерваторъ, какъ Дилленбургеръ: *Totus autem locus tam obscurus est, ut, si contra omnium codicum et scholiastarum antiquis-*

¹⁾ Такъ поступаетъ изъ нашихъ ученыхъ Г. Э. Зенгеръ и во 2-мъ изданіи (1895) своего «Критическаго комментарія къ нѣкоторымъ спорнымъ текстамъ Горация», стр. 195—200.

²⁾ *Quidquid tentes, ut hos versus a fraudis suspicione vindices, nunquam efficies, ut vel sententiae vel latinitati satis fiat.*

simam auctoritatem liceret, hanc stropham Horatiano carmini fraude adfixam esse concederem; libentius certe facerem quam ullam aliam.

Причина неудовлетворительности толкованія разсматриваемой строфы заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что къ интерпретаціи ея толкователи приступали и приступаютъ съ готовымъ толкованіемъ, вмѣсто того, чтобы путемъ методической интерпретаціи словъ поэта стараться уяснить себѣ ихъ смыслъ. Всѣ убѣждены въ томъ, что слова „immunis aram si tetigit manus“ заключаютъ въ себѣ указаніе на условіе, при которомъ жертва, даже незначительная, особенно угодна богамъ. Эту-то мысль всѣ и стараются всѣми правдами и неправдами вложить въ слова поэта; отсюда естественное послѣдствіе: натяжки, противорѣчія, словомъ—тотъ Гордіевъ узелъ, который многіе предпочли разрубить предположеніемъ интерполяціи, отчаявшись въ возможности развязать его.

Виновникомъ этого рокового *πρωτον ψεδδος* является Порфиріонъ, толкующій слова „immunis aram si tetigit manus“ такимъ образомъ: subaudiendum extrinsecus „scelerum“ aut quid tale, quia „immunem scelerum“ manum vult intellegi, id est a sceleribus puram, quam dicit blandiorem diis esse farre et granis salis sacrificantem, quam si sumptuosa hostia sacrificet. Изъ этого примѣчанія ясно видно, что Порфиріонъ, какъ выше замѣчено, предрѣшаетъ (quia... vult intellegi) смыслъ толкуемой строфы и что придаваемое имъ абсолютному immunis значеніе не основано на фактическомъ употребленіи этого слова въ такомъ значеніи, а придумано толкователемъ съ цѣлью обосновать влагаемую имъ произвольно въ слова Горация мысль объ угодной богамъ, хотя бы и незначительной, жертвѣ. Такъ точно поступаютъ и защитники толкованія Порфиріона; возьмемъ хоть новѣйшихъ: Г. Фридриха ¹⁾ и Θ. Ф. Зѣлинскаго ²⁾. У перваго на стр. 146 мы читаемъ: Fasst man ferner immunis nicht als „rein“, so fehlt jede Begründung dafür, dass das einfache Opfer der Phidyle den Göttern ebenso willkommen sein soll wie ein kostspieliges. — Ну, а если Гораций хотѣлъ сказать вовсе не то, и мы все-таки примемъ immunis въ несвойственномъ ему значеніи?—Фридрихъ продолжаетъ: In den zahlreichen Parallelstellen, die man beibringt, ist diese Begründung stets deutlich gegeben. Eurip. fr. 940 N. εἶ ἴσθ', ὅταν τις εὐσεβῶν θύῃ θεῶς, καὶ μικρὰ θύῃ, τοῦχάναε σωτηρίας ist unserer Stelle dem Gedanken nach congruent, folglich müssen auch die ent-

¹⁾ Q. Horatius Flaccus. Philologische Untersuchungen von G. Friedrich, Leipzig, 1894.

²⁾ Къ Горацию. Филолог. Обзорѣніе, VIII, 1 (1895).

sprechenden Glieder εὐσεβῶν und immunis dem Sinne nach gleich sein. Но о конгруентности мыслей здѣсь могла бы быть рѣчь только въ томъ случаѣ, еслибы immunis безспорно соответствовало по значенію слову εὐσεβῶν; вдобавокъ, для такой конгруентности въ греческомъ примѣрѣ недостаетъ важнаго члена — mollire aversos Penates, чему не соответствуетъ τρυλάειν σωτηρίας. Придаваемую слову immunis „singuläre Bedeutung“ (т. е. „rein“), Фридрихъ доказываетъ ссылками на Hor. Epist. I, 20, 10 carus eris Romae, donec te deserat aetas, C. III, 24, 35 quid leges sine moribus vanae proficiunt? и Sat. II, 5, 65 filia Nasicae, metuentis reddere soldum, гдѣ aetas, по значенію = flos aetatis, mores = boni mores, soldum = весь долгъ (собств. весь капиталъ, вся сумма); по aetas и mos такъ наз. voces mediae (чего нельзя сказать объ immunis), а требуемое въ данномъ мѣстѣ значеніе soldum вытекаетъ изъ сочетанія его съ reddere.

Обратимся, однако, къ другому защитнику толкованія Порфиріона. О. Ф. Зѣлинскій (л. с., стр. 38) передаетъ содержаніе 3-ей и 4-ой строфы такъ: „Пусть другіе тратятся на драгоценныя жертвы, ты въ этомъ не нуждаешься“ и затѣмъ продолжаетъ: „Почему не нуждаешься?“ Отвѣтъ одинъ: „потому, что сердце у тебя чисто“. У Горациа же стоитъ: ибо ¹⁾

immunis aram si tetigit manus,

то цѣнность жертвы безразлична. Отсюда несомнѣнно слѣдуетъ, что immunis значитъ „чистый, певпный“, т. е., другими словами, что объясненіе Порфиріона immunem scelerum manum vult intelligi по существу правильно“. — Итакъ, immunis несомнѣнно значитъ „чистый, певпный!“ Изъ чего это слѣдуетъ? А вотъ изъ чего: 1) изъ того, что на предлагаемый, безъ сомнѣнія, существенный вопросъ: „почему не нуждаешься?“ дается совершенно произвольный отвѣтъ: „потому, что у тебя сердце чисто“, и 2) изъ того, что между спорной заключительной строфой и предшествующими, опять-таки, произвольно устанавливается такая логическая связь (ибо), какую можно было бы констатировать лишь въ томъ случаѣ, еслибы отвѣтъ, даваемый на упомянутый вопросъ, былъ, въ самомъ дѣлѣ, обязательенъ, а значеніе слова immunis не составляло бы спорнаго вопроса. Изъ сказаннаго несомнѣнно слѣдуетъ, что сдѣланный изъ произвольныхъ посылокъ выводъ — произволенъ и сомнителенъ. Никто, надѣемся, не будетъ возражать противъ того, что нельзя устанавливать логическую связь между заключительной спорной строфой и предыдущими, пока

¹⁾ Этого и бо у Горациа, однако, вѣтъ.

значеніе слова, отъ котораго такая связь зависитъ, не установлено, другими словами, пока намъ *immunis* — х. Въ противномъ случаѣ ничто не могло бы помѣшать намъ утверждать, напр., что у Горація стоитъ: „и о

immunis aram si tetigit manus,

то цѣнность жертвы безразлична“, откуда не менѣе несомнѣнно слѣдовало бы, что *immunis* значитъ здѣсь „печестивый“, какъ, въ самомъ дѣлѣ, и полагали нѣкоторые прежніе толкователи; доказать возможность такого значенія этого прилагательнаго было бы, пожалуй, не болѣе трудно, чѣмъ признать за нимъ значеніе „чистый, невинный“ при абсолютномъ его употребленіи.

Произволенъ, какъ мы замѣтили, также и отвѣтъ: „потому, что у тебя сердце чисто“ на важный для толкованія данной оды вопросъ: „почему Фидилѣ пѣтъ надобности умилостивлять боговъ многочисленными жертвенными животными“. Извлекать этотъ отвѣтъ изъ спорнаго *immunis*, конечно, нельзя, а въ предыдущихъ строфахъ о „чистотѣ сердца“ и помина пѣтъ. Уважасмый толкователь, правда, находитъ (стр. 37), что понятіе „чистота сердца“ должна быть надлежащимъ образомъ подчеркнута поэтомъ въ его стихотвореніи, такъ какъ, по его (толкователя) мнѣнію, основная мысль оды должна (точно Гораціи писалъ по заказу будущихъ своихъ толкователей!) заключаться въ томъ, что недостающія бѣдняку для умилостивленія боговъ матеріальныя средства онъ замѣняетъ чистотою сердца. Затѣмъ О. Ф. Зѣлинскій передаетъ содержаніе первыхъ двухъ строфъ толкуемой оды (оставляя обращеніе „*rastica Phidyle*“ безъ перевода) и продолжаетъ: „Гдѣ здѣсь понятіе чистота сердца? Отвѣтъ одинъ: оно заключается въ эпитетѣ *rastica Phidyle*, невинная Фидила (а не „обитательница деревни“, какъ переводитъ О. А. Шеборъ)¹⁾. Удивительное дѣло! Дважды Горацій долженъ былъ въ этой одѣ выразить по-латыни понятіе „невинный“, и оба раза онъ употребилъ для этого такія прилагательныя, которыя этого понятія вовсе не выражаютъ. Свой переводъ эпитета *rastica* уважаемый толкователь защищаетъ прежде всего указаніемъ на то, что у Горація въ обращеніяхъ эпитеты перѣдко замѣняютъ цѣлыя причинныя предложенія (слѣдуютъ ссылки на С. I, 4, 14; II, 2, 2 и II, 3, 4; изъ этихъ примѣровъ причинное отношеніе имѣется на самомъ дѣлѣ лишь въ послѣднемъ). Но кто мѣшаетъ

¹⁾ Мы должны отклонить отъ себя честь этого единственно вѣрнаго перевода, ибо такъ, кажется, переводили всѣ до насъ и будутъ, надо полагать, переводить всѣ и послѣ насъ. О. Ф. Зѣлинскій имѣетъ въ виду нашъ «Комментарій къ избраннымъ стихотвореніямъ Горація», С.-Петербургъ, 1894.

почтенному толкователю переводить, напр., такъ: если ты, Фидила, въ качествѣ обитательницы деревни, вознесешь и т. д.? Мы просто указали значеніе слова *rustica*, какъ то дѣлаетъ самъ О. Ф. Зѣлинскій, перевода „невинная Фидила“, а не „Фидила, такъ какъ ты невинна“. Что касается спеціально слова *rusticus*, то уважаемый толкователь ограничивается лишь замѣчаніемъ, что переносное значеніе этого слова достаточно извѣстно, и ссылается на *Juv. VI, 64*:

Appula gannit
sicut in amplexu subito, et—miserabile!—longum
attendit Thymele; Thymele tunc rustica discit.

Это мѣсто сопровождается такимъ комментариемъ: „именно то, что невинная Тимела при видѣ такихъ сценъ „учителя уму-разуму“ — именно это вызываетъ жалость поэта“¹⁾. И такихъ примѣровъ (т. е., гдѣ *rusticus* = невинный) не мало“. Насъ удивляетъ одно: если такихъ примѣровъ не мало, то почему уважаемый толкователь цитируетъ именно такой, который предполагаемаго значенія слова *rusticus* вовсе не подтверждаетъ. Если упоминаемая тутъ Тимела и не есть мима Тимела²⁾, о которой Ювеналь говоритъ въ I, 36 и VIII, 197, то она все-таки такая же нехопатка-батиллистка, какъ и другія двѣ дамы, о которыхъ говорится въ данномъ мѣстѣ; она во время скабрёзной пляски Батилла превращается въ глупую деревенскую дѣвушку (*tunc* надо непосредственно соединять съ *rustica*), т. е., смотритъ, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза, и просвѣщается, ловя движенія Батилла, чтобы при случаѣ пустить ихъ въ ходъ. Какъ бы тамъ ни было, женщищу, причисляемую поэтомъ къ категоріи такихъ, на которыхъ опасно жениться (ст. 62), едва-ли можно называть „невинной Тимелой“ и „родной дочерью Фидилы“, особенно тому, кто въ данной одѣ Горация усматриваетъ панегирикъ невинности или чистотѣ сердца Фидилы. Интересно было бы узнать другіе примѣры, въ которыхъ слово *rusticus* встрѣчается въ значеніи „невинный“: мы такихъ примѣровъ, говоря откровенно, не знаемъ. Итакъ, попытки отстоять толкованіе Порфиріона разсмотрѣннымъ только что путемъ приходится признать неудавшимся.

Но О. Ф. Зѣлинскій, какъ слѣдовало ожидать отъ столь обстоя-

¹⁾ Въ новѣйшемъ изданіи О. Jahn-Bücheler'a (1886) этотъ стихъ читается, однако, такъ:

sicut in amplexu subito et miserabile longum, attendit Thymele и т. д.—При этой, единственно вѣрной интерпункціи о жалости поэта къ «невинной Тимелѣ» вовсе не говорится.

²⁾ См. Friedländer, Sittengesch., II°, p. 460 и примѣч. къ *Juv. VI, 66* Вейднера (второе изданіе).

тельнаго и осторожнаго ученаго, старается доказать возможность защищаемаго имъ значенія слова *immunis* еще и другимъ путемъ: онъ разсматриваетъ семасіологию спорнаго слова, не упуская изъ вида ни международнаго, ни сакральнаго права, ни разговорной рѣчи комедіи, ни употребленія слова *immunis* у Горація. Не пускаясь въ разсмотрѣніе разсужденія уважаемаго автора, съ которымъ въ общемъ можно согласиться, мы остановимся лишь на результатѣ разсужденія: „Если съ точки зрѣнія международнаго права“, говоритъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій, „*immunis* почти то же, что *amicus*, то съ точки зрѣнія сакральнаго права оно почти то же, что *pius*; *immunis* тотъ человѣкъ, которому покровительство и расположеніе боговъ обезпечено безъ всякихъ затратъ съ его стороны; путемъ такого перехода получается значеніе „невинный“, въ которомъ наше слово встрѣчается нѣсколько разъ съ род. пад. *pecis, delictorum* (собств. „не обязанный къ повинностямъ въ искупленіе убійства, грѣховъ“), и съ *abl. vitiiis*. Сама исторія слова доказываетъ, что это значеніе присуще ему самому, независимо отъ этихъ сочетаній“. Итакъ, на почвѣ сакральнаго права слово *immunis* получило значеніе „невинный“ и, получивъ разъ такое значеніе, оно стало соединяться съ *gen.* и *abl.* ближайшаго опредѣленія. По вѣдь *immunis* въ этихъ сочетаніяхъ вовсе не имѣетъ значенія „невинный“, а „неповинный“ (затѣмъ „непричастный, свободный“), какъ это констатируетъ самъ Ѳ. Ф. Зѣлинскій прибавкою (въ скобкахъ): *собств. „не обязанный къ повинностямъ въ искупленіе убійства, грѣховъ“*. Этического значенія абсолютной невинности или чистоты, насколько мы можемъ судить по дошедшимъ до насъ памятникамъ латинскаго языка, слово *immunis* само по себѣ никогда не имѣетъ; вотъ это, въ самомъ дѣлѣ, доказываетъ исторія слова *immunis* полнѣйшимъ отсутствіемъ въ дошедшихъ памятникахъ примѣровъ употребленія абсолютнаго *immunis* въ такомъ значеніи. Понятіе абсолютной невинности можно выразить черезъ *immunis* только при сочетаніи его съ требуемымъ ближайшимъ опредѣленіемъ, напр., *immunis omnibus humanis vitiiis* (Vell. II, 35, 2). Итакъ, сдѣланное уже Бенглеемъ противъ толкованія Порфиріона возраженіе: „*nusquam reperitur ea vox (scil. immunis), ἀπλῶς et per se posita, pro experte sceleris*“ до сихъ поръ остается въ полной силѣ.

Но допустимъ, что Порфиріонъ и его приверженцы правы, и *immunis* здѣсь значитъ „невинный, чистый“: съ какой стати тогда „невинной“ рукъ *mollire aversos Penates*? Просимъ отмѣтить, что даже не просто *placare Penates*, а именно *mollire aversos Penates*.

Какимъ это образомъ у „невиннаго, чистаго“ человѣка *aversi Penates*? Это противорѣчіе Фридрихъ (l. c., p. 148) старается устранить такъ: „Es erklärt sich alles, wenn wir annehmen, dass Phidyle die vilica des Horaz ist; *aversos Penates* wäre dann auf diesen zu beziehen; und die Penaten mochten wohl Ursache haben ihn abgeneigt zu sein: er nennt sich ja selbst *parens deorum cultor et infrequens* I, 34, 1. Horaz lässt die vilica für sich opfern“. Кому, однако, могло быть все это понятно, безъ спеціального комментарія? Развѣ во всей одѣ есть хоть малѣйшій намекъ на такой ея смыслъ ¹⁾? Вдобавокъ, заключительная строфа содержитъ, безъ сомнѣнія, общую мысль (гному), какъ это видно изъ отсутствія притяжательнаго мѣстоименія при *shans* и изъ *perf. gnom. tetigit* и *mollivit*; впрочемъ, Фридрихъ отдаетъ предпочтеніе варианту *mollibit*, хотя подобныхъ формъ у Горация вовсе нѣтъ.

Ө. Ф. Зѣлинскій на этомъ противорѣчій не останавливается и въ своемъ переводѣ данной строфы даже пропускаетъ слово *aversi*; между тѣмъ при даваніи имъ объясненія значенія слова *immunis* (*immunis* — тотъ человѣкъ, которому покровительство и расположеніе боговъ обезпечено безъ всякихъ затратъ съ его стороны), это противорѣчіе особенно ощутительно: рука, которой покровительство и расположеніе боговъ обезпечено, имѣетъ все-таки надобность смягчать разгнѣванныхъ на нее Пенатовъ.

Но уважаемый толкователь, вѣроятно, никакого противорѣчія здѣсь не видитъ, такъ какъ у него свой особенный взглядъ на представленія римлянъ о богахъ. Вотъ что мы читаемъ въ упомянутой выше замѣткѣ (стр. 36): „Какъ съ точки зрѣнія международнаго права чужой народъ представляется римлянамъ а ргіогі враждебнымъ ихъ государству, и для прекращенія этихъ враждебныхъ отношеній требуется заключеніе *foederis*, такъ точно и съ точки зрѣнія сакральнаго права боги представляются а ргіогі разгнѣванными противъ людей, и для прекращенія ихъ гнѣва нужно ихъ *placare*, чѣмъ заключается нѣчто въ родѣ договора между богами и людьми (отсюда синтезъ *hostia: hostis*)“.

Нѣтъ надобности, кажется, доказывать, что высказанный тутъ, но ничѣмъ не подтвержденный взглядъ на представленіе римлянъ о ихъ богахъ (гнѣвъ а ргіогі) находится въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ, что намъ извѣстно о вѣровавіяхъ и культурахъ римлянъ; слѣдовательно, строить что-либо на столь зыбкомъ фундаментѣ врядъ-ли возможно. Между тѣмъ, это положеніе послужило Ө. Ф.

¹⁾ См. также Г. Э. Зенгеръ, l. c., стр. 322.

Зѣлинскому исходной точкой для толкованія оды, о которой онъ выражается такъ: „нѣтъ другого произведенія, которое въ такой степени раскрывало бы передъ современнымъ читателемъ всю душу римской религiи“.

Недоумѣніе возбуждаетъ также и слѣдующее утвержденіе, которое уважаемый авторъ выводитъ изъ своей гипотезы объ апіорномъ гнѣвѣ боговъ (стр. 37): „Боги умилоствляются жертвами (авторъ разумѣетъ, конечно, кровавыя жертвы); но жертвы стѣдятъ денегъ; чтобы приослать ихъ, нужно быть богатымъ. Итакъ, выходитъ, что богатъ, помимо всѣхъ благъ, можетъ въ какой угодно мѣрѣ пріобрѣсть расположеніе боговъ, *pauper ubique jacet*“. Развѣ существовать какія-нибудь указанія на то, что предполагаемый О. Ф. Зѣлинскимъ апіорный гнѣвъ, стало бытъ, гнѣвъ незаслуженный, умилоствлялся непременно кровавыми жертвами, притомъ такими и въ такомъ количествѣ, что умилоствленіе боговъ могло быть доступно лишь для богатей? Намъ вѣдь извѣстно, что культъ боговъ у римлянъ отличался, правда, строгостью и замысловатостью обрядовъ, но не дороговизной ¹⁾, что неконы, на ряду съ кровавыми жертвами (а, можетъ быть, даже ранѣе ихъ), существовали жертвы некровавыя; что кровавыми обязательно должны были быть лишь искупительныя жертвы (*piacula*, отсюда *hostiae piaculares* или *animales*); наконецъ, что въ вопросѣ о цѣнности жертвы можно было сообразоваться съ матеріальными средствами ²⁾.

Такимъ образомъ, въ дѣйствительности едва-ли возникалъ тотъ вопросъ, въ отвѣтъ на который уважаемый толкователь усматриваетъ „высокое нравственное значеніе“ разбираемой оды, т. е. вопросъ: можетъ-ли бѣднякъ другимъ качествомъ замѣнить то богатство, котораго ему недостаетъ и которое необходимо для умилоствленія боговъ?—Кромѣ того, въ рассматриваемой одѣ едва-ли возможно слишкомъ напирать на бѣдность и недостатокъ матеріальныхъ средствъ для умилоствленія боговъ: Фидила въ состояніи принести богамъ, при-

¹⁾ Ср. Cic. De re publ. II, 14, 27: *Sacrorum autem ipsorum diligentiam difficilem, apparatus perfacilem esse voluit (Numa Pompilius): nam quae perdiscenda quaeque observanda essent multa constituit, sed ea sine impensa. Sic religionibus colendis operam addidit, sumptum removit.*

²⁾ Ср. Tib. I, 1, 19 sqq.

Vos quoque felices quondam, nunc pauperis agri
Custodes fertis munera vestra, lares:
Tunc vitula innumeros lustrabat caesa iuencos:
Nunc agna exigui est hostia parva soli.

См. также Hor. С. II, 17, 30—32; IV, 2, 53—60.

близительно, такую жертву, какою Тибулль, какъ видно изъ приведенной выше цитаты, очищаетъ свое помѣстье; а Тибулль вовсе не былъ „бѣднякомъ“ (ср. Hor. Epist. I, 4), хотя онъ и называетъ свое имѣніе скуднымъ. Тотъ же Тибулль (I, 10, 26), обращаясь къ Ларамъ съ мольбою о спасеніи своей жизни въ предстоящемъ ему походѣ, сулить имъ не больше того, что можетъ принести въ жертву Ларамъ Фидила, т. е. поросенка.

Изъ сказаннаго, кажется, можно вывести заключеніе, что толкованіе *aversi Penates* въ смыслѣ априорнаго гнѣва упомянутого выше противорѣчія (*immunis* = „невинный“ — *mollire aversos Penates*) не устраняетъ. Но въ такомъ случаѣ нельзя утверждать, что „правильность толкованія Порфиріона доказана“. Напротивъ, если что-нибудь доказано въ занимающемъ насъ вопросѣ, такъ это неправильность и несостоятельность толкованія Порфиріона.

Въ заключеніе замѣтимъ, что О. Ф. Зѣлинскій, увлекшись желаніемъ доказать правильность толкованіе схолиаста, не замѣтилъ, что его собственная гипотеза объ априорномъ гнѣвѣ боговъ находитъ въ противорѣчій съ предполагаемой имъ основной мыслью толкуемой оды. Эта мысль, по мнѣнію уважаемаго толкователя, заключается въ утвердительномъ отвѣтѣ на вопросъ о возможности для бѣдняка замѣнить дорого стоящаго жертвы чистотою сердца (стр. 37). Въ самомъ дѣлѣ, если представлять себѣ боговъ „а ргіогі разгнѣванными противъ людей“, стало бытъ, враждебными имъ, невзирая на нравственныя ихъ качества, то возможно-ли видѣть въ нравственной чистотѣ или чистотѣ сердца, которой боги въ априорномъ гнѣвѣ своимъ никакого значенія не придаютъ, средство умилостивить этотъ гнѣвъ? Намъ кажется, что нѣтъ; но тогда не можетъ быть рѣчи о замѣнѣ жертвъ чистотою сердца, а равно и о людяхъ, которымъ (по аналогіи съ *imunes* съ точки зрѣнія международнаго права, стр. 38), покровительство и расположеніе боговъ обезпечено безъ всякихъ затратъ съ ихъ стороны.

Обратимся, однако, ко второму толкованію интересующей насъ строфы, отличающемуся отъ только что разсмотрѣннаго лишь тѣмъ, что сторонники его, не считая возможнымъ принимать прилагат. *immunis* въ значеніи „невинный, чистый“, понимаютъ его въ смыслѣ „безъ даровъ“ или (въ виду послѣдняго стиха оды) „безъ большихъ даровъ“¹⁾. Выходитъ, что умилостивлять разгнѣванныхъ Пенатовъ осо-

¹⁾ Точность не только второго, но и перваго перевода, основаннаго на Hor. C. IV, 12, 23 и Ep. I, 14, 33, можетъ быть оспариваема; см. замѣтку О. Ф. Зѣлинскаго, стр. 38 (внизу) и слѣд.

бенно способна пустая или почти пустая рука. Поучаемый этими толкователями читатель съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: почему пустая или почти пустая рука пользуется такимъ преимуществомъ въ глазахъ Пенатовъ? У Горация на этотъ вопросъ отвѣта не находимъ (Гораций не имѣлъ и надобности задавать его себѣ), но толкователи, не долго думая, все-таки отвѣчаютъ, что тутъ рѣчь идетъ объ успѣшности скромной жертвы отъ чистаго сердца. „Чистое сердце“, о которомъ въ одѣ и помину нѣтъ, тутъ необходимо, такъ какъ безъ этой произвольной маскировки заключительная строфа, благодаря толкователямъ, обращается въ рекомендацію скарденности по отношенію къ богамъ ¹⁾. Гораций одно время, правда, былъ *pius deorum cultor*, но если онъ желалъ рекомендовать то же самое Фидилѣ, то зачѣмъ въ 1-ой строфѣ онъ предлагаетъ ей умиловлять Ларовъ ладаномъ, плодами селѣтными и прожорливымъ поросенкомъ? Или Гораций хотѣлъ сказать, что можно угодить Ларамъ и этакъ, а еще лучше ограничиться однимъ подобіемъ жертвоприношенія? На такое предположеніе поэзія Горация не даетъ намъ никакого права. Итакъ, неудовлетворительность этого толкованія очевидна ²⁾.—Удовлетворительное толкованіе спорной строфы, по нашему мнѣнію, можно отыскать не иначе, какъ отрѣшившись не на половину, а цѣликомъ отъ толкованія Порфиріона. Въ упомянутомъ нами уже своемъ „Комментаріи къ избраннымъ стихотвореніямъ Горация“ мы сдѣлали такую попытку; въ школьномъ изданіи мы, конечно, вынуждены были ограничиться лишь намеками, не вдаваясь въ опроверженіе существующихъ мнѣній ученыхъ и не развивая обстоятельно своей мысли и своихъ доводовъ. Предложенное нами новое толкованіе вызвало двѣ замѣтки со стороны двухъ авторитетныхъ нашихъ филологовъ, именно О. Е. Корша и О. Ф. Зѣлинскаго. Замѣтки эти посвящены не столько опроверженію нашего взгляда, сколько защитѣ существующихъ двухъ толкованій, которыя и были нами разсмотрѣны въ этой статьѣ. На замѣтку О. Ф. Зѣлинскаго, содержащей много оригинальнаго, мы сочли долгомъ остановиться подольше, между тѣмъ, какъ замѣтку О. Е. Корша, заключающую въ себѣ лишь легкую вариацию второго изъ существующихъ толкованій, мы нашли возможнымъ лишь упомянуть, тѣмъ болѣе что отвѣтить О. Е. Коршу мы намѣрены въ другое время и въ другомъ мѣстѣ.

Итакъ, не предрѣшая ни такъ, ни иначе смысла спорной заклю-

¹⁾ См. толкованіе О. Е. Корша въ его рецензій на нашъ «Комментарій къ избраннымъ стихотвореніямъ Горация» (Филол. Обзоръ. VII, 2, стр. 205 сл.).

²⁾ См. «Крит. комментарий» Г. Э. Зелгера, стр. 197-200.

чительной строфы, мы приступаемъ къ разбору и толкованію интересующаго насъ стихотворенія.

Первыя три строфы не представляютъ никакихъ затрудненій, и смыслъ ихъ вполне ясенъ: „Если ты, Фидила, какъ обитательница деревни, въ новолуніе вознесешь ладони къ небесамъ и умиловивши Ларовъ ладаномъ, селѣтными плодами и жадною свиньей, то будутъ цѣлы твои лозы, твой посѣвъ и стадо (ст. 1—8). Крупныя жертвенныя животныя, пасущіяся въ дубравахъ Алгида и выращиваемыя на лугахъ Альбанскихъ, кровью своей обогрять вѣдь сѣкиры понтификовъ“ (ст. 9—13). Смыслъ этого обращенія поэта къ Фидилѣ, очевидно, слѣдующій: „въ качествѣ обитательницы деревни, ты можешь ограничиться умиловивленіемъ Ларовъ, непосредственныхъ покровителей твоего дома и хозяйства: воздай имъ то немногое, чего они требуютъ, и они не оставятъ тебя своей милостью; приносить въ жертву богамъ крупныхъ животныхъ есть дѣло понтификовъ, призывающихъ милость великихъ боговъ на все государство“.

Затѣмъ Горацийъ продолжаетъ:

te nihil attinet
Temptare multa caede bidentium
Parvos coronantem marino
Rore deos fragileque myrto.

И эти стихи не представляютъ, въ сущности, никакихъ трудностей; но толкователями, какъ мы полагаемъ, не обращено до сихъ поръ должнаго вниманія на слова „parvos coronantem marino rore deos fragileque myrto“. Безъ этихъ словъ, остальное значитъ: „ты не имѣешь никакой надобности искушать (т. е. добиваться расположенія) маленькихъ боговъ ¹⁾ (Ларовъ, Пенатовъ), закалывая многихъ жертвенныхъ животныхъ, другими словами, кровью многочисленныхъ жертвенныхъ животныхъ“. Какъ же теперь съ этимъ выжутся слова „parvos coronantem et q. s.“?

Причастіе coronantem, составляя такъ наз. partic. appositum (coniunctum) къ te, замѣняетъ при немъ или предложеніе опредѣлительное: „ты, которая украшаешь вѣнками своихъ маленькихъ боговъ, не имѣешь никакой надобности“, или предложеніе обстоятельствоное: „ты, украшая (т. е. въ то время, какъ ты..., если ты..., потому что ты украшаешь) своихъ маленькихъ боговъ, не имѣешь надобности“. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ „coronantem“ заключаетъ въ себѣ

¹⁾ Дополненіе parvos deos зависить какъ отъ temptare, такъ и отъ coronantem. свершкъ.

указаніе на обстоятельство, избавляющее Фидилу отъ надобности кровью многочисленныхъ жертвенныхъ животныхъ добиваться расположенія Ларовъ: она можетъ ограничиться тѣмъ, о чемъ говорится въ 1-ой строфѣ.

Стоитъ только обратить должное вниманіе на то, какое значеніе въ культѣ Ларовъ имѣло украшеніе ихъ вѣнками ¹⁾, чтобы убѣдиться въ томъ, что именно и единственно въ словахъ „*coronantem... myrto*“ заключается отвѣтъ на поставленный вполне справедливо О. Ф. Зѣлинскимъ на видъ вопросъ: „почему не пуждаешься ты въ дорогихъ жертвахъ?“ Смыслъ этого отвѣта будетъ: „Потому, что ты, усердная почитательница Ларовъ, никогда ихъ не забываешь и, благодаря этому, пользуешься ихъ расположеніемъ“ ²⁾. Насколько Лары, въ представленіяхъ римлянъ, дорожили такимъ къ себѣ вниманіемъ со стороны своихъ хозяевъ, засвидѣтельствовано устами Лара въ прологѣ къ Плавтовой комедіи *Aulularia*. Упомянувъ о непочтительномъ отношеніи къ себѣ скупого Евклиона, его отца и дѣда, Ларъ продолжаетъ (ст. 23—27):

*Huc (Euclyoni) filia nūst: ea mihi cotidie
Aut ture aut vino aut aliqui semper supplicat:
Dat mihi coronas. Eius honoris gratia
Feci, thesaurum ut hic reperiret Euclyo,
Quo illam facilius nuptum, si vellet, daret.*

Ларъ, тронутый вниманіемъ къ нему Федры — ея вѣнчочкамъ — хлопочетъ о ея замужествѣ. Такъ, по убѣжденію Горація, относится Лары „къ радѣющей о нихъ Фидилѣ“, этой, по истинѣ, родной сестрѣ Плавтовой Федры: ей поэтому нѣтъ надобности дорогими жертвами стараться загладить свое нерадѣніе въ надеждѣ, что Лары соблазнятся этими дорогими жертвами (*temptare multa caede bidentium*).

Такъ, по нашему мнѣнію, должны были понимать разсматриваемыя слова поэта его современники, которымъ еще неизвѣстны были детали культа Ларовъ: въ словахъ „*coronantem... myrto*“, которымъ поэтъ, въдобавокъ, отвѣтъ видное мѣсто въ концѣ строфы, они не могли видѣть лишь ничего незначащую прибавку.

¹⁾ См., напр., *Plaut. Aul.* 25, 384; *Ter. Trin.* 39; *Tib. I.* 10, 22; *II.* 1, 59 сл. Число примѣровъ можно было бы значительно увеличить.

²⁾ О. Ф. Зѣлинскій, съ противоположностью намъ, не видитъ надобности принимать слова *coronantem... myrto* въ причинномъ смыслѣ; мы, съ своей стороны, не находимъ никакой возможности передавать ихъ черезъ повелит. накл.: «ты украшай своихъ маленькиихъ боговъ розмариномъ и миртомъ». О предполагаемой тутъ уважаемымъ толкователемъ вариация мысли, подобной *I. 7, 1* слѣд. рѣчи быть не можетъ; приводимыя Киселевымъ къ *I. 7, 1* параллели могутъ относиться къ *tinguet*, но никакъ не къ *coronantem... myrto*.

Итакъ, отвѣтъ на вопросъ: „почему Фидила не имѣеть надобности прибѣгать къ дорогимъ жертвамъ“, найденъ, и мы въ паслованіи значенія прилаг. *rusticus* и *immunis* не нуждаемся.

Переходимъ къ заключительной строфѣ. Прежде всего намъ, конечно, необходимо остановиться на словѣ *immunis*: нужно точно опредѣлить его значенія и указать, въ какомъ изъ нихъ оно можетъ быть понимаемо въ данномъ мѣстѣ.

Прилагательное *immunis* (*in-immnis*), происходя отъ сущ. *impe* (*мошен*)¹⁾ = повинность, значить: „не несущій повинностей, свободный отъ повинностей“. Не нести повинностей можно или съ согласія того, кто въ правѣ ихъ отъ насъ требовать, или самовольно, уклоняясь отъ несенія ихъ. Въ первомъ значеніи *immunis* употребляется какъ техническій терминъ о народѣ, который, пользуясь покровительствомъ и расположеніемъ Рима, не былъ обязанъ платить ему за это деньгами или услугами. Мы вполне согласны съ этимъ опредѣленіемъ, даннымъ О. Ф. Зѣлинскимъ (стр. 38), а равно и съ тѣмъ, что употребленное у Горация *Epist.* I, 14, 33 и с. IV, 12, 23 *immunis* опирается на указываемое значеніе этого прилагательнаго; не споримъ, что *immunis* въ этомъ значеніи выражаетъ похвалу²⁾.

Во второмъ значеніи, содержащемъ, несомнѣнно, оттѣнокъ порицанія, *immunis* встрѣчается дѣйствительно гораздо рѣже, именно *Plaut. Trin.* 350: *civis immunis* „согражданинъ, уклоняющійся отъ исполненія лежащихъ на немъ обязанностей по отношенію къ согражданинамъ“, т. е. (пожалуй) не услужливый; точно такъ же *ibid.* 354. Подобнымъ образомъ, кажется, можно объяснить и „*immoene facinus*“ (*ibid.* 24): „дѣло, не приносящее того, чего мы въ правѣ ожидать“, т. е. благодарности; стало быть — дѣло неблагодарное. Сюда относится также примѣръ „*immunes Grai*“ изъ Акція (у Цицерона *pro Sest.* 57, 122):

o ingratici Argivi, immunes Grai, immemores benefici!

дальше *Cic. Lael.* 14, 50: *non enim est inhumana virtus neque immunis neque superba* и *Verg. G.* IV, 244. Последній примѣръ мы относимъ сюда, такъ какъ *immunis* = ἀσύμβολοςъ заключаетъ въ себѣ оттѣнокъ порицанія.

¹⁾ Ср. *infamis*, *inermis*, *iners*; *immunis* же происходитъ отъ встрѣчающагося у Плавта *Mere.* 105 и Луциліи (ар. *Non.*, р. 23, 15) *imnis*, которое, очевидно, выведено по аналогіи (*ingratus*: *gratus* и т. п.) изъ *immunis*.

²⁾ Впрочемъ, въ с. IV, 12, 23 *immunis*, вѣроятно, — ἀσύμβολοςъ; ср. *Verg. G.* IV, 244: *immunisque sedens aliena ad pabula fucus*; *Gell.* VII, 13, 2: *ne omnino, ut dicitur, immunes et asymboli veniremus*.

Спрашивается, въ какомъ изъ этихъ двухъ значеній абсолютнаго *immunis* оно употреблено въ началѣ интересующей насъ строфы? въ похвальномъ или порицательномъ?— Намъ отвѣчаютъ: конечно, въ похвальномъ!— Но развѣ боги освобождаютъ кого-нибудь отъ повинностей или обязанностей по отношенію къ себѣ? Есть какія-нибудь указанія на то, что боги даютъ кому бы то ни было *immunitatem*? Вѣдь и Фидилѣ, которую толкователи причисляютъ и должны причислять къ предполагаемымъ ими *immunes*, Горацій советуетъ приносить Ларамъ жертвы, находя только лишней роскошь жертвъ¹⁾. Но, положимъ, что у Пенатовъ были свои *immunes*, именно люди „съ чистымъ сердцемъ, невинные“. За что же тогда Пенаты гнѣваются (*aversi Penates*)? Не капризъ-ли это?

Итакъ, *immunis* въ данномъ мѣстѣ должно быть понимаемо въ порицательномъ смыслѣ: *immunis manus*, въ противоположность къ Фидилѣ, украшающей своихъ маленькихъ боговъ вѣнками изъ розмарина и мирта, означаетъ руку человѣка, уклоняющагося отъ этой повинности или обязанности и этимъ самымъ навлекающаго на себя гнѣвъ Пенатовъ; такой человѣкъ, почувствовавъ гнѣвъ Пенатовъ, напрасно прибѣгаетъ къ дорогимъ жертвамъ: его рука умилостивитъ имъ отвернувшихся отъ него Пенатовъ не съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ горсть пшеницы съ солью. т. е. чѣмъ самая ничтожная жертва.

Каковъ смыслъ всей оды? По нашему толкованію слѣдующій: частному человѣку нѣтъ надобности прибѣгать къ роскошнымъ жертвамъ: отъ него боги требуютъ внимательнаго къ себѣ отношенія: кто нарушаетъ это требованіе, тотъ дорогою жертвой не искупитъ своей вины.

¹⁾ См. Г. Э. Зенгеръ, I. I., p. 197.

ИЗЪ ПИНДАРА.

ОИВАНЦАМЪ О СОЛНЕЧНОМЪ ЗАТМЕНИИ.

(Hyporchemata, 107 (74) Bergk)

Вал. Майкова.

Считаю долгомъ принести свою глубокую благодарность многоуважаемому О. О. Соколову, который въ своихъ лекціяхъ сумѣлъ указать на высшее поэтическое значеніе Пиндара, такъ долго или ложно понимавшееся, или совершенно непризнаваемое. Живо помню, какъ О. О., въ одну изъ своихъ лекцій, прочелъ VII (VI) Исомійскій эпипикій, начинающійся вдохновенными словами поэта, исполненными поэзією и патріотизмомъ: Τὴν τῶν πάρος, ὃ μάχαρχα θύζα κτλ. Если мои слабыя попытки передать эпипикій Пиндара русскою прозою имѣютъ какое-либо значеніе, то главная заслуга принадлежитъ О. О., умѣвшему поддержать и одухотворить мои первыя начинанія.

О солнца лучь, ты все и всюду зрящій,
Зачѣмъ среди бѣла дня тьмой покрываешь насъ?
Зачѣмъ въ полдневный зной жарою насъ палящій,
Зачѣмъ скрываешь намъ нашъ самый свѣтлый часъ?
Скрываешь путь дневной, насъ мракомъ покрывая?
Что ты вѣщаешь намъ, насъ тьмой предупреждая?
Да не грозить она намъ горемъ и бѣдой!
Тебя конями Зевса заклинаемъ!
Война-ли? Голодь-ли? Обвалъ-ли спѣговой?
Иль гибельный мятежъ—мы смертные не знаемъ!
Свирѣпная-ль зима?.. убійственный-ли зной?
И новый-ли потопъ, несущій истребленье
Всему живущему и міру обновленье?..
Нѣтъ силы не скорбѣть: мнѣ жаль своихъ родныхъ.
И съ ними всей душой сливаюсь въ скорби ихъ.

Прекрасную оцѣнку историческаго значенія переведеннаго нами отрывка Пиндара дастъ Круазе въ своемъ извѣстномъ трудѣ, посвя-

ценномъ оиванскому лирику ¹⁾: „Легко себѣ представить, съ какою скорбью Пиндаръ относился къ великой борьбѣ, во время которой Греція находилась на одной сторонѣ, а его родной городъ на другой. Обстоятельства ставили его въ необходимость идти въ разрѣзъ со своими согражданами: онъ не могъ возносить молитвъ за ихъ дѣло, но какъ горько было ему сочувствовать врагамъ этого дѣла. Чтобы понять, какъ эта рознь была для него тяжела, стоитъ только припомнить прекрасный отрывокъ ипорхемы, вызванной солнечнымъ затмениемъ. Въ немъ Пиндаръ сперва взываетъ къ богамъ о пощадѣ Фивъ, а заканчиваетъ удивительно трогательнымъ порывомъ, выражающимъ намѣреніе перенести съ твердостью все страданіе, только бы его личное горе согласовалось съ горемъ его соотечественниковъ. Страдать одиноко, не вызывая сочувствія тѣхъ, кого онъ любилъ, такова была тогда судьба Пиндара. Греція счастлива, но Фиванскій поэтъ груститъ ²⁾. Да и какъ не грустить: персы уничтожены, но какая участь постигнетъ Фивы? Свершилась-ли уже въ то время месть грековъ, или она только угрожала, безпокойство духа въ Пиндарѣ должно было быть сильно“.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ привести маленькую хронологическую справку по поводу вопроса, къ какому солнечному затменію относится переведенный нами отрывокъ. Въ извѣстномъ сочиненіи „L'art de vérifier les dates“, I, 1, 205, наиболѣе подходящимъ для насъ затмениемъ указано центральное затменіе 17 февраля 478 года, видимое въ Европѣ, Африкѣ и Азій. Къ этому же выводу приходитъ на основаніи космографическихъ соображеній и G. Hoffmann въ своей статьѣ „Die in einem Fragmente des Dichters Pindar erwähnte Sonnenfinsternis“, Prgr., Triest, 1889 ³⁾.

¹⁾ La poésie de Pindare etc. par Alfr. Croiset, 1880, p. 271.

²⁾ Καίπερ ἀγυόμενος θορόν (Isthm. VII (VIII), 5).

³⁾ Ср. также рецензію на статью Гофмана Нергеля въ Wochenschr. f. klass. Philologie, 1889, № 52.

